

Д. В. ШАБАЕВ

ПОБЕД

Д. В. ШАБАЕВ

ПОБЕГ

*Издание второе
дополненное*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭЛЬБРУС“
НАЛЬЧИК - 1988

ББК 63.3(2Р — 6К-Б)
9 (С 164)
Ш 12

Редактор *А. Т. Куантов*

Эта книга о мужестве советских людей, утверждавших в Кабардино-Балкарии Советскую власть. Написана на основе архивных документов. В ней нет выдуманных героев и вымышленных фамилий. Ее автор — Давид Викторович Шабаев, начальник Архивного управления при Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР. В 1949 г. он окончил Московский государственный историко-архивный институт МВД СССР. Около 40 лет ведет активную пропаганду документальных материалов по истории родного края. Издал ряд фундаментальных сборников архивных документов, опубликовал большое количество статей и очерков, в том числе в книгах «Боевая слава Кабардино-Балкарии», «Золотые Звезды Кабардино-Балкарии», «Чекисты Кабардино-Балкарии» и др. В соавторстве с доктором исторических наук У. А. Улиговым издал книги «Они боролись за власть Советов в Кабардино-Балкарии» и «За власть Советов». Автор книги «Дорогой наш Ленин». В 1974 г. увидела свет книга Д. В. Шабаева «Пока бьется сердце», второе издание которой выходит под названием «Побег». Д. В. Шабаев — активный участник Великой Отечественной войны, имеет правительственные награды, заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской АССР.

Ш $\frac{0503020400-048}{М 125 (03) -88}$ -88

ISBN 5-7680-0011-9

Издательство «Эльбрус». 1988 г.

ПОЕДИНОК

В начале лета 1907 года житель кабардинского селения Булатово* Хагуцира Блаев распрощался со своими родственниками и выехал на заработки на далекую Украину. Ему опостылел старый неуютный пустой дом, в котором он жил в одиночестве на берегу Терека. Родители его давно умерли, братьев и сестер у него не было. Хагуциру потянуло подальше от тоскливой и нелегкой жизни. «Может быть, на чужой земле улыбнется мне счастье», — думал он, покидая родное селение. С этой надеждой Блаев сел на арбу соседа и поехал в Котляревку — на ближайшую железнодорожную станцию, что находилась в двадцати верстах от Булатово. Дальше он добирался поездом.

Сотни кабардинских крестьян покидали родные селения и уходили в чужие края на заработки. Они выезжали в Ставропольскую губернию и на Украину, уходили на Дон, забирались в царство Польское и даже в Америку. Но мало кому удавалось что-либо заработать на чужбине.

В надежде на лучшую жизнь покинул родную Кабарду и Хагуцира Блаев. В кармане его бешмета лежал листок с адресом украин-

* Ныне селение Терекское.

ского помещика. Знакомый осетин-крестьянин, давая Блаеву этот адрес, сказал:

— Поезжай. Заработаешь, правда, немного. Но ты один, тебе легче. Я два года проработал у тамошнего графа конюхом. Отец заболел — пришлось домой вернуться.

Через несколько дней пути с бесчисленными пересадками Хагуцира наконец добрался до нужной станции. Она находилась в трех верстах от усадьбы графа.

Путь до усадьбы Блаев проделал пешком. Когда он явился к управляющему графа и объяснил цель своего приезда, тот, поморщившись, сказал:

— У нас своих бездельников хватает. — Оцениваяще оглядев крепкую фигуру Хагуциры, спросил: — Коней любишь?

— Я кабардинец, — ответил Блаев, — а кабардинцы полжизни проводят в седле.

— Будешь работать на конюшне. Плохо будешь работать — выгоню. Понял?

И для Хагуциры началась новая жизнь. Потянулись тяжелые, безрадостные дни на чужой земле. Он работал на конюшне, охранял усадьбу графа, выполнял различные поручения господ.

Через два месяца Блаев хотел было вернуться в Кабарду, но судьбе угодно было задержать его вдали от родных мест еще на некоторое время.

Однажды, проезжая верхом по берегу реки, Хагуцира услышал призыв о помощи. Он спрыгнул с коня, быстро преодолел густые заросли орешника и бросился в воду. Теряя последние силы и захлебываясь, в воде ба-

рахтался мальчуган. Хагуцира подплыл к нему и на руках вынес на берег.

— Ты что, плавать не умеешь? — спросил Блаев.

Мальчуган вскинул на Хагуциру мокрое лицо.

— Могу.

— А чего же кричал?

— Ногу о камень больно ушиб. Думал — не выплыву.

Стопа на левой ноге у него была распухшая.

— Болит? — спросил Блаев.

— Да.

— Ничего, сейчас выправим и болеть не будет. Тебя как зовут?

— Ленька.

— А лет тебе сколько?

— Девятый пошел.

— Большой уже. Вот что, Ленька, ты стопу вывихнул. Надо косточку на место поставить. Только немножко потерпи, будет больно, а потом сразу станет легче. Кричать не будешь?

— Не.

— Молодец, ты же мужчина.

Хагуцира приподнял Ленькину ногу и резким движением выправил сустав.

— Вот теперь косточка на месте. Боль пройдет. А ходить пока не надо.

Он взял Леньку на руки, вышел с ним на тропу и посадил на коня.

— Куда тебя везти?

— Я живу с мамкой и Лизкой около мельницы.

В этот день Хагуцира познакомился с матерью Леньки — Тамарой Власовной Юркевич, моложавой светловолосой женщиной с

серыми глазами и ее одиннадцатилетней дочерью Лизой.

Пятый год жила Тамара вдовьей жизнью в маленьком домике под соломенной крышей. С утра и до вечера батрачила на помещичьей земле. Тяжелой была жизнь крестьян у графа, но еще горше была беспросветная доля крестьянской вдовы.

Частым гостем стал Хагуцира в семье Тамары Юркевич. И сама Тамара, и дети ее были рады каждому его приходу. Для Ленки и Лизы он казался человеком из далекой и неведомой страны — так он был не похож на местных жителей в своей неизменной черкеске, с кинжалом на поясе, в черной папахе. Для Тамары Блаев был спасителем ее сына, и она была бесконечно ему благодарна. Но скоро это чувство переросло в более сильное и глубокое чувство, которое Хагуцира не мог не заметить. Через месяц они поженились. А через год Блаев вместе с обретенной им семьей вернулся в Кабарду, в родное селение Булатово.

Косыми взглядами была встречена семья Блаева его родственниками. Не одобрили они женитьбу Хагуциры на женщине иной веры да еще с двумя детьми.

— Не слишком ли длинен хвост, с которым ты приехал? — язвительно спросил его один из родственников.

— Нет, — ответил Хагуцира, — слишком длинен твой язык. Не укоротить ли его?

Трудолюбивая и покладистая, справедливая и добрая, Тамара быстро сумела добиться расположения соседей.

Соседи Блаевых стали называть Леню ка-

бардинским именем Леля, и оно осталось за Ленькой на всю его жизнь.

Сельские мальчишки и девчонки поначалу сторонились Лели и Лизы, но скоро они подружились и часто играли на берегу Терека.

С большим уважением относился Леля к жителю селения Булатово Мажиду Фанзиеву, образованному и душевному человеку. Окружив себя сельскими мальчишками, Фанзиев мог увлечь рассказами о сказочных богатырях — нартах, о легендарном Сосруко*, о мужественной красавице Даханаго*

Случалось, кто-либо из слушателей спрашивал:

— Дядя Мажид, может, нарты — это не сказка? А? Может, такие люди на самом деле жили?

Фанзиев медленно разглаживал пушистые усы и с загадочной улыбкой отвечал:

— Может, и жили, а может, и нет. Но народ мечтал и мечтает о таких богатырях, которые боролись бы со злом и несли людям свет и радость. — Он делал паузу, добрым теплым взглядом обводил своих юных слушателей и спрашивал:

— А разве бороться со злом и нести людям свет и радость могут только нарты?

И в эту минуту каждый мальчишка в душе чувствовал себя сильным, способным на подвиг.

Позже, когда мальчишки выросли и ушли в самостоятельную жизнь, они унесли с собой горячую любовь к простому человеку, неукротимое желание биться со злом.

* Герои кабардинского народного эпоса «Нарты».

Чтобы научить Лелю грамоте, Хагуцира Блаев отдал его в сельскую школу.

— Под какой фамилией записать? — спросил учитель.

Хагуцира призадумался, а потом сказал: — Он — сын мне, значит — Блаев.

С этого времени Леонид Юркевич стал Лелей Блаевым.

Шли годы. Леля рос, мужал, окончил сельскую школу, помогал отцу в хозяйстве, не хуже любого односельчанина говорил по-кабардински. Чуть смугловатое лицо, карие глаза, густые черные брови — все это делало его и внешне похожим на кабардинца. Лишь только копна русых волос говорила о его некавказском происхождении.

Хагуцира Блаев, сам удалой наездник, научил приемного сына трудному и смелому искусству джигитовки. Мало кто мог в Булатово соперничать с Лелей в этом сложном искусстве.

В 1915 году, в разгар империалистической войны, Хагуцира Блаев вступил в Кабардинский конный полк Кавказской туземной, или, как ее называли, «дикой» дивизии, которая вскоре была отправлена на германский фронт. С собой он взял и Лелю, которому уже шел семнадцатый год.

Молодой всадник, отличавшийся исполнительностью и хорошей боевой подготовкой, был замечен командиром полка и направлен в учебную команду. Но Блаев долго в учебной команде не продержался.

Однажды, зайдя в конюшню, урядник придрался к одному из всадников и попытался

ударить его кулаком в лицо. Тот увернулся. Взбешенный урядник, от которого несло самогонным перегаром, схватил вожжи и стал избивать всадника. Леля Блаев, находившийся в конюшне, бросился к товарищу на выручку. К нему на помощь подоспели еще два всадника. Они повалили пьяного урядника и связали его. После этого Блаев явился к начальнику учебной команды и доложил о происшедшем. Вместо того, чтобы наказать урядника за самоуправство и избиение подчиненного, начальник посадил Блаева на гауптвахту, а затем отчислил из команды.

Еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции в воинских частях, находившихся на фронте, началось брожение. Большевистская агитация, антивоенные листовки раскрывали многим солдатам глаза на истинные цели грабительской войны.

Состав Кавказской туземной конной дивизии был разноплеменный. Дивизия состояла из Кабардинского, Дагестанского, Ингушского, Черкесского, Татарского и Чеченского полков. Вести большевистскую пропаганду среди ее всадников было очень трудно. Значительная часть всадников не знала русского языка. Командование принимало все меры, чтобы никакая «крамола» не могла проникнуть в дивизию. Национальные полки были изолированы от других воинских частей. Но, несмотря на все это, большевистская агитация все же проникла и в «дикую» дивизию и породила среди некоторой части ее всадников антивоенные настроения. Эти настроения особенно усилились после Февральской революции.

В июне 1917 года начальник Кавказской

туземной дивизии генерал-лейтенант князь Багратион в одном из приказов, говоря о Кабардинском полке, вынужден был признать, что «...в последние два-три месяца внутренняя жизнь дружной дотоле полковой семьи нарушилась». А через месяц, в июле 1917 года, перед всадниками Кабардинского конного полка был зачитан приказ генерала Багратиона, объявлявший постановление Временного правительства. В постановлении говорилось:

«Позорное поведение некоторых воинских частей как в тылу, так и на фронте, забывших долг перед Родиной, поставив Россию и революцию на край гибели, вынуждает Временное правительство принять чрезвычайные меры для восстановления в рядах армии порядка и дисциплины. В полном сознании тяжести, лежащей на нем ответственности за судьбу Родины, Временное правительство признает необходимым восстановить смертную казнь на время войны за некоторые тяжчайшие преступления военнослужащих». Среди этих «тяжчайших преступлений», за совершение которых, как указывалось в постановлении, вводилась «смертная казнь через расстреляние», значилось «уклонение от участия в бою», «сопротивление исполнению боевых приказаний и распоряжений начальника, явное восстание, подстрекательство к ним...».

Введение смертной казни не укрепило в армии дисциплину и, конечно, не могло способствовать поднятию боевого духа солдат. Третий год шла война. Третий год она уносила тысячи жизней, подрывала экономику страны, еще больше ухудшая положение народных масс. Брожение в воинских частях, находив-

шихся на фронте, благодаря большевистской агитации усилилось, недовольство солдат войною росло.

В августе 1917 года главнокомандующий вооруженными силами России генерал Корнилов поднял мятеж с целью разгрома революционных сил и установления в стране военной диктатуры. Главная боевая сила Корнилова — 3-й конный корпус под командованием генерала Крымова был снят с фронта и брошен на Петроград. Особую ставку контрреволюция делала на входившую в состав этого корпуса Кавказскую туземную дивизию. Корнилов надеялся, что всадники этой дивизии, как наиболее «темные» (не случайно же дивизия именовалась «дикой»), не подведут. Но всадники подвели генерала. Кавказская туземная дивизия до Петрограда не дошла. Навстречу всадникам революционные рабочие и солдаты Питера направили делегацию. Уставшие от войны, оторванные от родных мест и семей, всадники с интересом слушали на полковых митингах представителей Петрограда.

Несмотря на протесты командира полка полковника Абелова, митинг состоялся и в Кабардинском конном полку. На нем делегаты Петрограда разъясняли всадникам контрреволюционный смысл корниловского мятежа, разоблачали обман, с помощью которого контрреволюция пыталась использовать туземную дивизию против петроградского пролетариата. На митинге выступило несколько всадников. Они заявили, что русские рабочие не враги кавказским горцам, и поэтому кабардинские и балкарские всадники и шага не сделают в сторону Петрограда. На митинге

была принята резолюция об отказе идти на революционный Петроград. Такая же резолюция была принята и в других полках Кавказской туземной дивизии. Это была важная победа большевистских агитаторов.

Силами революционных частей Петроградского гарнизона, отрядов Красной гвардии и моряков Балтийского флота в первой половине сентября 1917 года корниловский мятеж был ликвидирован. Во второй половине сентября Кабардинский конный полк из-под Петрограда был отправлен в Нальчик. Отсюда часть всадников разъехалась по своим селениям. Возвратились к себе в Булатово Хагущира и Леля Блаевы.

Но полк не был расформирован. Председатель так называемого Нальчикского окружного гражданского исполнительного комитета — местного органа Временного правительства — Хамид Чижоков боялся выступлений народных масс. Он надеялся использовать полк для подавления «могущих быть беспорядков».

За время отсутствия Лели Блаева в жизни жителей Булатово никаких перемен не произошло. Как и прежде, крестьяне жили в нужде, многие из них батрачили у пши* и сельских кулаков.

Весть о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде всколыхнула кабардино-балкарскую бедноту, дала толчок к усилению революционного процесса в Кабарде и Балкарии.

На сельских сходах в Булатово крестьяне

* Князя (по-кабардински).

все смелее стали говорить о беззакониях богачей, которым принадлежала вся лучшая и большая часть земли, о невозможности нести тяжелое бремя бесчисленных налогов и податей. С большим интересом слушал Леля Блаев на сельском сходе выступление одного из вожakov горской бедноты в Кабарде Мажиди Фанзиева.

— Довольно терпеть нам издевательства князей и дворян. Карахалк должен подняться и изгнать их,— призывал Фанзиев.— Мы — трудящиеся, мы своим потом орошаем землю. Нам надо объединиться и вести борьбу против богачей. Я призываю вас к священной борьбе против беззаконий, за свободу и равенство. Я пойду впереди вас, а если потребуется, то умру за дело народа.

Молодому Леле Блаеву трудно было понять ту сложную и напряженную политическую обстановку, которая сложилась в стране осенью 1917 года. Но одно он усвоил и уяснил хорошо: власть в Петрограде и Москве — в руках трудового народа. Значит, каждый рабочий и крестьянин, где бы он ни находился, должен помогать этой власти. А как? Этого он еще не знал.

Революционная волна, рожденная Великим Октябрем в центре страны, стремительно неслась во все концы многострадальной России, сокрушая старый, отживший строй и неся с собой радость обновления.

В феврале 1918 года в городе Пятигорске открылся Второй съезд народов Терской области. Он проходил под руководством Ноя Буачидзе и Сергея Мироновича Кирова. Съезд провозгласил на Тереке Советскую власть,

послал В. И. Ленину приветственную телеграмму.

Для продолжения своей работы делегаты выехали в город Владикавказ — центр Терской области. Они провозгласили Терскую область республикой, избрали Терский народный Совет и Совет Народных Комиссаров. От Кабарды и Балкарии в Терский народный Совет были избраны Бетал Калмыков, Магомет Энеев, Тембот Ахохов, Павел Карпинский, Лукман Бозиев, Юсуф Настуев, Дуль Шеки-хачев, Герандуко Лукожев, Таукан Молов, Маша **Канкулов**.

Весть о провозглашении на Тереке Советской власти долетела в селение Булатово с быстротой горного ветра. Хагуциру Блаева она застала больным. Рана в бедре, полученная им на германском фронте, не давала ему покоя. Уже две недели как у него образовался свищ, и он вынужден был лечь в постель.

— Вот что, Леля,— сказал Хагуцира, позвав к себе сына.— Не сегодня-завтра в Кабарде произойдут большие события. Ждать эти события — значит стать их свидетелем. Но мы с тобой в свидетели не годимся. Мы должны в них участвовать. К сожалению, проклятая рана держит меня в постели, и я не знаю, когда смогу сесть в седло. Так вот, поезжай в Нальчик. Там без борьбы не обойдется. Беталу Калмыкову нужны будут храбрые и верные люди.

Леле не приходилось видеть Калмыкова, но он не раз слышал о его мужественной борьбе против богачей, за свободную жизнь каралха.

— А разве Бетал в Нальчике? — спросил Леля.

— Может быть, еще нет, но будет. Куда же он поедет из Владикавказа после съезда, как по-твоему?

— Наверное, в Нальчик.

— Верно говоришь. Народный съезд на всем Тереке объявил Советскую власть. А в Кабарде и Балкарии еще властвует контрреволюция во главе с Чижоковым. Как по-твоему, Бетал Калмыков, Мажид Фанзиев и другие наши делегаты зачем поедут в Нальчик?

— Ясно зачем. Убрать надо Чижокова.

— А для чего убрать?

— Народную власть устанавливать. Ты, отец, целый экзамен мне устраиваешь, — улыбаясь, сказал Леля.

— Сейчас всем нам придется держать экзамен. Всем, Леля. Выдержим его — перепашем старую жизнь и построим новую. А выдержать надо. Рабочие в Петрограде, Москве, во Владикавказе да и в других местах этот экзамен уже выдержали. Так вот, — продолжал Хагуцира, — поезжай в Нальчик. Учти, что офицеры Кабардинского конного полка будут уговаривать тебя примкнуть к ним.

— У нас с ними разные дороги, отец.

— Верно. Будь начеку. От них всякое можно ожидать.

— Не беспокойся. Таких, как я, в Нальчике, наверное, будет много. В обиду себя не дадим.

— Из нашего селения с тобой поедет еще человек десять. Ехать надо будет сегодня. Если спросит кто из стражников, куда едете, скажешь, что на свадьбу в Баксан. Понял?

— Понял, отец.

Хагуцира поднялся с постели и вынул из-под подушки деревянную колодку с маузером.

— Возьми, Леля. Маузер тебе пригодится. Может, и не придется его применять, но если надо будет — пусть рука твоя не дрогнет.

— Спасибо, отец, — растроганно сказал Леля. — Лучшего подарка я б не желал. Клянусь, за меня тебе не придется краснеть. А ты побыстрее выздоравливай.

Утром следующего дня Леля Блаев с группой молодых всадников прибыл в Нальчик. Сам он с двумя товарищами остановился в доме тата Ашурова — старого приятеля Хагуциры Блаева. Остальные всадники разместились в соседних домах.

В слободе чувствовалось напряженное положение. Ходили слухи, что в Нальчик из Владикавказа вот-вот должна прибыть группа делегатов Второго съезда народов Терека во главе с Беталом Калмыковым.

Так называемый комиссар Нальчикского округа Чижоков, он же председатель окружного гражданского исполкома, трезво оценивая создавшуюся в Нальчике обстановку, не мог не доверять этим слухам. Он хорошо понимал, что делегаты народного съезда во Владикавказе одним провозглашением новой власти не ограничатся, что, разъехавшись по своим округам и селениям, они начнут широкую агитацию среди трудовых масс за свержение местной власти. Чижоков отдал распоряжение усилить на улицах слободы наряды конных патрулей, задерживать и препровождать в тюрьму всех подозрительных.

— Ни один большевистский делегат из

Владикавказа не должен проникнуть в Нальчик,— приказал Чижиков начальнику гарнизона.

Облавы, обыски, аресты — все это приняло в эти дни небывалый размах.

Из селений поступали тревожные сообщения: крестьяне рубят княжеский лес, требуют раздела помещичьих земель, отказываются от уплаты налогов...

Неспокойно было и в самом Нальчике. Из кабардинских и балкарских селений в слободу стали прибывать небольшими группами вооруженные всадники. На вопрос патрульных: «Зачем прибыли в Нальчик?», они коротко отвечали: «На базар». Въезд в Нальчик был свободный, а носить оружие никому из жителей округа не запрещалось. Поэтому патрульные не могли воспрепятствовать свободному въезду в Нальчик вооруженных людей. Но Гражданскому исполнительному комитету было ясно, что эти вооруженные всадники не просто стекаются в Нальчик.

Окружной комиссар несуществовавшего Временного правительства князь Чижиков готовил силы для того, чтобы подавить любое революционное выступление народных масс. По его приказу в Нальчике в боевую готовность был приведен офицерский отряд — основная военная сила, на которую опирался комиссар контрреволюции.

Большая часть всадников Кабардинского конного полка благодаря агитационной работе, которую проводили в полку большевики, отказалась подчиняться председателю Гражданского исполкома. Но вместе с тем многие всадники под влиянием эсеров заняли выжи-

дательную позицию; небольшая группа всадников, состоящая из княжеских отпрысков, дворян и кулаков, осталась верна Чижокову и беспрекословно выполняла приказы командира полка полковника Абелова. На помощь извне Чижоков не надеялся: с центром Терек — Владикавказом связь была прервана, там власть находилась в руках большевиков.

Наступило утро 1 апреля 1918 года. Небо над Нальчиком по-весеннему было голубое и безоблачное. По слободе пронесся слух: «Бетал Калмыков в Нальчике».

Это известие явилось сигналом для слободской бедноты. К зданию, в котором размещался Гражданский исполком, двинулась многочисленная толпа, вооруженная винтовками, берданками, охотничьими ружьями, кинжалами. Здесь же находились Леля Блаев со своими товарищами и другие всадники, прибывшие из многих кабардинских и балкарских селений.

Впереди восставших верхом на лошадях ехали члены Терского народного Совета Бетал Калмыков, Гапур Ахриев и Захарий Палавандашвили.

Здание Гражданского исполнительного комитета находилось на Церковной улице*. Оно охранялось отрядом офицеров. Чижоков отдал приказ не допускать к зданию слобожан. Но офицеры не могли сдержать натиск восставших, стрелять в многочисленную вооруженную толпу они не решались.

— Долой Чижокова! — несло над толпой.

— Смерть кровопийцам!

* Ныне улица Советская.

— Да здравствует свобода!

Чтобы избежать кровопролития, Калмыков, Палавандашвили и Ахриев решили пойти на переговоры с Чижоковым. Несмотря на протесты офицеров, они поднялись на крыльцо и вошли в кабинет председателя Гражданского исполнительного комитета.

Чижоков в черной черкеске стоял у стола, заложив руки за спину. Его сухощавое породистое лицо с глубокими морщинами, с плотно стиснутыми тонкими губами выражало крайнюю степень решимости. Синие круги под глазами говорили о том, что председатель Гражданского исполкома провел тревожную ночь. Чижокова окружала группа офицеров.

— Именем народа ваша власть низложена,— объявил Калмыков.

— Я не подчиняюсь самозванным представителям,— надменно ответил Чижоков,— свои полномочия я могу сложить только лишь по приказу той областной власти, которая утвердила меня в занимаемой должности.

— Сейчас в области одна власть — Терский народный Совет,— сказал Калмыков.— Другой власти нет и быть не может. Мы — члены народного Совета и пришли сюда, чтобы заявить, что ваша контрреволюционная власть низлагается. С сегодняшнего дня власть в Нальчике и в селениях округа переходит в руки трудового народа. Мы не хотим кровопролития, но если вы не подчинитесь, применим силу!

— Не торопитесь. Толпа, на которую вы хотите опереться в своих противозаконных действиях,— это еще не военная сила. А угрозы ваши не могут поколебать нашей решимости

любой ценой подавить бунт и установить в округе надлежащий порядок. Господин полковник,— обратился Чижоков к командиру Кабардинского конного полка Абелову,— отдайте по телефону приказ вашему заместителю немедленно привести сюда вверенный вам полк и разогнать толпу. Если надо — разрешаю применить оружие. А вас, господа,— Чижоков повернулся в сторону Калмыкова, Палавандашвили и Ахриева,— а вас, как руководителей бунта, я арестовываю. Сдайте оружие.

Офицеры выхватили револьверы и направили их на трех смельчаков.

— Послушайте, Чижоков,— сказал Палавандашвили, не обращая внимания на грозный вид офицеров,— в настоящее время соотношение сил в пользу нас. Надо быть глухим и слепым, чтобы этого не понять. А насчет телефона не торопитесь, провод перерезан.

Сжимая рукоятку кинжала, к Чижокову подошел Ахриев:

— Хватит испытывать наше терпение. Если не хотите, чтобы народ, который бурлит за окнами, сравнял с землей это здание и расправился с вами без суда и следствия, предлагаем немедленно подчиниться нашему требованию.

Чижоков не успел ответить. Бетал Калмыков распахнул окно и, перекрывая гул толпы, крикнул:

— Товарищи! Палачи не хотят добровольно сдать власть народу!

Бурей негодования встретили восставшие слова Калмыкова. Сломив сопротивление охраны, вооруженные слобожане ворвались в

кабинет Чижокова. Офицеры, еще минуту назад настроенные воинственно, теперь, убрав оружие, стояли в нерешительности, уже не в состоянии что-либо предпринять в защиту окружного комиссара. Чижоков пытался держаться с достоинством, но это ему плохо удавалось.

— Мои полномочия...— начал было он, но Калмыков не дал ему договорить.

— Хватит. Ваши полномочия кончились и с ними кончилась на нашей земле власть паразитов.

По приказу Калмыкова Чижоков и его офицеры были разоружены и арестованы.

В тот же день, 1 апреля 1918 года, в бывшем здании реального училища открылся съезд трудящихся Нальчикского округа. С трибуны съезда, под одобрительные возгласы делегатов, Бетал Калмыков провозгласил в Кабарде и Балкарии Советскую власть. Для осуществления мероприятий Советской власти делегаты избрали Нальчикский окружной народный Совет. Комиссаром округа Терский областной народный Совет назначил Алексея Сахарова.

...В апреле 1918 года Леля Блаев был вызван к окружному комиссару. В условленное время он прибыл к одноэтажному кирпичному зданию на Церковной улице, в котором размещался народный Совет и находился окружной комиссар. Часовой объяснил, как пройти в кабинет Сахарова. Подойдя к двери, Леля поправил на поясе маузер и вошел.

— Ты вовремя явился, товарищ Блаев. Здравствуй.— Сахаров поднялся из-за стола, крепко пожал Леле руку. У окна в своей не-

изменной каракулевой шапке с высокой тульей сидел член народного Совета Мажид Фанзиев.

— Рад тебя видеть,— сказал он, подавая Леле руку.

Окружного комиссара Леля представлял себе пожилым и почему-то с усталыми глазами на хмуром, изрезанном крупными морщинами лице. Перед ним же был светловолосый молодой человек в форме горного инженера. Над пухлыми губами топорщились пшеничные усы, которые так не вязались с юношеским лицом и казались наклеенными. «Наверное, для солидности отпустил»,— подумал Леля.

Алексей Сахаров расспрашивал Блаева о его жизни, о планах на будущее. Леля, не зная, для какой цели вызван к окружному комиссару, отвечал односложно.

Открылась дверь, и в кабинет быстрой походкой вошел Бетал Калмыков. Его стройная фигура была затянута в черную черкеску, на боку раскачивался маузер. Коричневая каракулевая шапка была надвинута на лоб. Леля, узнав Калмыкова, встал.

— Салам аллейкум,— сказал Калмыков, подходя к Блаеву и протягивая ему руку. Рука у Бетала была большая и сильная.

— Ты Леля Блаев?— спросил Калмыков.

— Да, Блаев,— ответил Леля.

— Воевать не разучился? Говорят, ты неплохо воевал на германском фронте.

Блаев промолчал.

— Откуда у тебя такая пушка?— спросил Калмыков, показывая на деревянную кобуру маузера.

— Отец подарил.

— Хороший подарок. Как живет Хагуцира?

— Болеет.

— А что с ним?

— Рана у него открылась. Сокрушается, что не может ходить.

— Ничего,— сказал Калмыков,— поправится. Будешь в Булатово, передай ему большой привет. Скажи, что такие люди, как Хагуцира, очень нужны нам. Пусть побыстрее выздоравливает.

Калмыков поправил шапку и после короткой паузы сказал:

— Мы готовимся, Леля, к боям. И борьба у нас будет не на жизнь, а на смерть.

— А с кем воевать? — спросил Леля.

— С контрреволюцией. Она собирает силы, чтобы снова захватить власть в свои руки. Уже рыщут по Кабарде и Балкарии белогвардейские отряды. Они хотят, чтобы карахалк снова гнул спину на князей и дворян. Но это им не удастся. Верно?

— Уаллаги, верно,— ответил Леля с жаром.

Калмыков улыбнулся.

— Жаль, Алеша, что ты не понимаешь по-кабардински,— сказал он Сахарову. — Мажид убеждал меня, что Блаев не кабардинец. А он говорит по-кабардински не хуже меня и Мажида. Может, ты и впрямь не кабардинец? — спросил Лелю Калмыков. Он смотрел на Блаева, чуть сощурив глаза, и трудно было понять, шутит он или говорит всерьез.

— Украинец я по рождению,— ответил Леля.

Калмыков положил ему руку на плечо.

— Садись, Леля. — И когда тот сел, сказал:

— Для революции все равно, кто мы: русские или кабардинцы, украинцы или балкарцы. Важно, чтобы все мы, трудовые люди, были вместе и защищали Советскую власть. Ты хочешь защищать Советскую власть?

Блаев поднял голову, вопросительно взглянул на Калмыкова, словно спрашивая: «Странный вопрос задаете вы мне, товарищ Калмыков. А какую же еще власть можно защищать, как не Советскую?», перевел взгляд на Фанзиева, потом на Сахарова и, повернувшись к Калмыкову, твердо ответил:

— Да.

— Другого ответа я не ожидал,— сказал, улыбаясь, Калмыков.

— Для защиты Советской власти в округе мы создаем два революционных отряда: пеший и конный,— сказал Сахаров. — Пешим будет командовать Алексей Филатов. Командиром конного отряда Фанзиев рекомендует тебя. Что ты на это скажешь?

Это предложение для Лели Блаева было полной неожиданностью. Он никогда не командовал ни взводом, ни конной сотней, на войне был рядовым. Правда, однажды, это было осенью 1916 года, ему было приказано возглавить небольшую группу всадников. Эта группа незаметно прошла в тыл противника и внезапным кавалерийским наскоком уничтожила прислугу вражеской батареи, которая держала под обстрелом важную в стратегическом отношении дорогу. За этот подвиг Блаев был награжден Георгиевским крестом.

— Не знаю, хватит ли силенок,— нерешительно ответил Блаев.

— Может быть, на первое время — командиром взвода?

— А чего ты боишься? — спросил Мажид Фанзиев.

— Я не боюсь, — ответил Леля, — только вот не знаю, справлюсь ли.

— Справишься, если очень захочешь, — сказал Калмыков. — А хотеть надо очень. К тебе в отряд, назовем его сотней, придут лучшие наши всадники. Это будет первая красная кавалерия Кабарды и Балкарии. Понимаешь? Первая! Ты ведь хорошо знаешь, что немало наших джигитов в прошлом служило в царской армии и воевало за царя-батюшку, за помещиков и князей. Теперь наши джигиты будут воевать за свою свободу, за народное дело, за Советскую власть. Я уверен, что они жизни не пощадят, чтобы победить врага. Вот каких людей мы доверяем тебе, Леля. Понимаешь? Главное, будь сам примером во всем. Требуй от себя, требуй от всадников. Ясно?

— Ясно, товарищ Калмыков.

— Очень хорошо, Леля. Надо, Алексей, оповестить все селения округа о создании революционного конного отряда, — сказал Калмыков, обращаясь к Сахарову.

— Завтра же это сделаем. Отправим с нарочным во все сельские народные Советы письма. Уверен: добровольцев будет много.

— Я тоже уверен, — сказал Мажид Фанзиев. — Если среди кабардинцев и балкарцев было немало добровольцев, которые за черта и дьявола воевали и с японцами в 1904 году, и с немцами, то за свою землю и за свою власть поднимется весь карахалк. Только на-

до разъяснить народу, за что он будет воевать и против кого.

Вскоре первый в истории Кабарды и Балкарии красный кавалерийский отряд в основном был сформирован. Немалую роль в этом сыграли члены Нальчикского окружного народного Совета. Они ездили по кабардинским и балкарским селениям, разъясняли на общих сходах политику Советской власти, призывали крестьянскую бедноту вступать в революционный отряд.

Из селений округа в Нальчик стали прибывать вооруженные всадники-добровольцы. Для них у сельских богачей были реквизированы лошади, необходимое снаряжение, продовольствие. Конный отряд Лели Блаева получил наименование Первой ударной кавалерийской сотни. В нем уже числилось более двухсот сорока всадников. Заместителем командира сотни был утвержден нальчанин Илья Гобедашвили. Это был энергичный и смелый человек. В империалистическую войну воевал на турецком фронте. В сентябре 1917 года, находясь в своем полку, перешедшем на сторону революции, участвовал в подавлении корниловского мятежа. Был одним из организаторов самообороны в Нальчике в феврале 1918 года*

Свою кавалерийскую сотню Блаев разбил на четыре взвода. Командирами взводов были назначены Люнь Агзагов, Маша Гедуев, Хату

* В 1967 году, в день 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, персональный пенсионер И. В. Гобедашвили был награжден орденом Ленина. Умер в 1970 году.

Нальчиков и Нашхо Нартоков. У них не было военных знаний, но они были молоды и отважны и твердо знали, чего хотят и за что воюют. Все они верили в прекрасное будущее, и каждый из них без колебаний отдал бы жизнь, если б она была нужна революции.

Конная сотня Лели Блаева в первых же боях с белогвардейцами показала себя грозной силой. Ее быстрые удары обрушивались на врага внезапно, сеяли в его рядах панику и смерть.

В мае 1918 года белогвардейский отряд ворвался на южную окраину Нальчика, совершил дерзкий налет на окружную тюрьму. Но освободить находившихся в ней ярых контрреволюционеров белогвардейцам не удалось. Всадники Лели Блаева отбили нападение врага и, когда он начал поспешно отступать, бросились за ним в погоню и в двух верстах от станицы Александровской настигли его и разгромили. В этом бою отличились Питу Шхагошев, Темиркан и Кучук Текужевы, Кодзов, Бетрозов, Бекишев и другие всадники.

В июне 1918 года блаевская сотня дважды вела бой в районе селения Кармово*. Прорвавшийся сюда из Ставрополя белоказачий отряд пытался разгромить ряд кабардинских селений. Но блаевцы дали ему достойный отпор. Оставив на поле боя более пятнадцати человек убитыми и ранеными, белогвардейцы отступили. Буквально через несколько дней недалеко от станицы Пришибской появился новый белогвардейский отряд. В лихой кавалерийской атаке блаевская сотня уничтожила

* Ныне селение Каменноостское.

до тридцати всадников противника. Оставшиеся в живых спаслись бегством и рассыпались по степи. Серьезный урон был нанесен блаевцами другому белогвардейскому отряду в районе станицы Александровской.

Беззаветной храбростью отличались конники Лели Блаева. В каждой кавалерийской атаке впереди сотни, заражая своим мужеством и отвагой красных всадников, на лихом коне мчался сам командир.

Большой честью считали для себя конники, если их назначали в сотню Блаева. Еще бы! Ведь по всем селениям Кабарды и Балкарии ходила слава о замечательных подвигах блаевцев.

Внешне Блаев ничем не выделялся среди всадников. Среднего роста, худощавый. В черной барашковой шапке и черной черкеске, с кинжалом на поясе. На левом боку — шашка, на правом — маузер — подарок отца. Трудно было признать в этом двадцатилетнем парне командира красной кавалерии.

Однажды в отряд Блаева верхом на коне прибыл чубатый казак и стал разыскивать командира сотни.

— Хлопец, — обратился он к встречному всаднику, — где мне найти Блаева?

Всадник остановил коня, оглядел ладную фигуру казака и ответил:

— Блаев — это я.

Казак раскатисто рассмеялся:

— Ты, хлопец, от смеха уморить можешь. Какой же ты Блаев? Блаев — это богатырь: Он, брат, ударом кулака коню хребет может переломить. А ты на красную девицу похож, не в обиду тебе будь сказано.

— А я все же Блаев,— улыбаясь, сказал всадник.

— Может быть, ты и в самом деле Блаев. Да мне-то нужен не ты, а командир сотни.

→ Я и есть — командир сотни.

— Да ты что,— рассердился казак,— разыгрываешь меня, что ли, рыба твоя голова? А ну, тикай с дороги.

— Ты, казак, напрасно сердишься. Я и в самом деле командир сотни. А что богатырем выгляжу да еще могу коню кулаком хребет переломить — это выдумки. Ну, прощай,— и Блаев быстро умчался, оставляя позади себя облако пыли.

— Эй, казак,— раздался голос из остановившейся арбы,— что, не признал нашего командира?

Казак повернулся к арбе и увидел в ней человека с перевязанной головой.

— Командира?

— Ну да, командира нашего, Блаева.

Казак от удивления даже привстал на стременах.

— Так это был командир Блаев?

— Он самый.

— Ей-богу, не признал. Да разве признаешь, если и видеть-то ни разу не приходилось. Слышать-то слышал. Здоровенный, говорят, и силицей бог наградил — на трех дюжих молодцов хватит. А ведь он вон какой, обыкновенный хлопец. Разве признаешь,— развел руками казак.

— Ты не смотри, что он на обыкновенного парня похож,— сказал человек, сидевший на арбе.— У Блаева сила внутри заложена. Будешь с ним в бою, сам увидишь. Его, знаешь,

как беяки боятся? Услышат только одно слово «Блаев» — коленки у них дрожат.

Казак покрутил ус и, широко улыбаясь, сказал:

— Здорово!

...Летом 1918 года контрреволюционное казачество, возглавляемое меньшевиком Георгием Бичераховым, подняло на Тереке мятеж. Врагу удалось захватить ряд железнодорожных станций и населенных пунктов. Он пытался овладеть всей Терской областью, отрезать Северный Кавказ от центра.

Ожесточенное сражение разгорелось под станцией Прохладная. Белогвардейское командование, придавая большое значение станции, как железнодорожному узлу, бросило в бой свои отборные части. Враг имел большое количество пулеметов, бомбометов и пушек. Несколько раз переходила станция из рук в руки.

На одном из участков сражения все усиливающийся натиск врага сдерживали бойцы Нальчикского революционного отряда, которым командовал нальчанин Алексей Филатов.

Бывший подпоручик царской армии Филатов, еще находясь в окопах на германском фронте, понял, что война не нужна простым людям. Узнав о вооруженном восстании в Петрограде, о победе трудовых масс, он сорвал со своей шинели погоны и перешел на сторону революции. В Нальчике Филатов был назначен командиром революционного отряда, и вот теперь здесь, под Прохладной, этот отряд вел бой с белогвардейцами.

Отряд Филатова в основном состоял из молодых добровольцев разных национальностей.

Здесь были русские и кабардинцы, балкарцы и украинцы, таты и осетины. Все они твердо верили в Советскую власть, считали ее своей народной властью и не щадили ни сил, ни самой жизни, чтобы отстоять ее в жестоких боях с контрреволюцией.

Бой шел уже несколько часов. На искалеченной от артиллерийского огня земле революционные солдаты стояли насмерть. Враг нес потери, но снова и снова бросался вперед, поддерживаемый артиллерией. Усталые бойцы с большим трудом отбивали атаки белогвардейцев. Редели их ряды, прямым попаданием снаряда были убиты два пулеметчика и выведен из строя пулемет «максим». Единственный оставшийся в отряде станковый пулемет открывал огонь лишь тогда, когда уже наверняка можно было косить наступавшие цепи белогвардейцев.

Вот и сейчас молодой скуластый паренек Хасан, с черными, как смоль, волосами, только что заменивший убитого пулеметчика, прильнув к «максиму», словно слившись с ним, короткими очередями бил по неприятельской цепи. Белогвардейцы бежали вперед, стремясь быстрее достигнуть лежавших впереди окопов, в которых оборонялись красные бойцы. Но пулемет бил и бил в мелькавшие серые шинели.

Враг, не ожидавший такого железного упорства, не выдержал и залег, готовясь к последнему прыжку. Белогвардейские артиллеристы снова открыли огонь. Снаряды со свистом проносились над бойцами и разрывались в близлежащих огородах, поднимая к небу черные фонтаны земли. Молодой пулеметчик

напряженно смотрел туда, где залегла белогвардейская цепь.

Невдалеке разорвался снаряд. Комья сухой земли ударили пулеметчика в лицо. Не успел паренек стряхнуть с себя землю, как рядом раздался оглушительный грохот. Черный столб взметнулся вверх. Когда через минуту командир отряда Филатов, пригнувшись, подбежал к тому месту, где стоял пулемет, он увидел «максима» опрокинутым, с помятым кожухом. В трех шагах от пулемета, раскинув руки, лежал пулеметчик.

— Жив? — бросился к нему Филатов.

Хасан открыл глаза и медленно сел.

— Кажется, да, — ответил он, ощупывая себя. — А вот что с пулеметом — не знаю.

Паренек растерянно посмотрел на своего командира, как будто в случившемся был виноват он, пулеметчик, а не враг, осыпавший снарядами позиции красных бойцов.

Филатов поставил станковый пулемет на колеса и осмотрел его.

— Немного помят, но работать будет, — сказал он подползшему пулеметчику.

Артиллерийский обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Бойцы знали, что белогвардейцы ринутся в очередную атаку. И не ошиблись. Считая, что противник после артиллерийского обстрела не в состоянии будет оказать серьезного сопротивления, они пошли в атаку. Красный пулеметчик, до боли закусив губу, замер у «максима». Белогвардейцы бежали с винтовками наперевес. Вот они уже близко. Уже хорошо видны их серые лица.

«Пора», — подумал пулеметчик и дал длин-

ную очередь. Несколько солдат, бежавших впереди, упали, как подкошенные. Пулемет перешел на короткие очереди. Прерывающаяся пулеметная дробь вплеталась в грохот боя, ободряюще действуя на красных бойцов. Враг не выдержал огня красных воинов и начал откатываться на исходные позиции.

Чтобы сломить сопротивление революционного отряда, командование белых бросило против него конницу. Бойцы Филатова встретили ее пулеметным и ружейным огнем. Вдруг пулемет смолк. Два бойца бросились к нему. Рядом с «максимом», уткнувшись лицом в землю, лежал убитый пулеметчик. Замок у «максима» был поврежден.

В это время белогвардейские кавалеристы с улюлюканьем и свистом, словно одержимые, неслись в сторону обороны красных бойцов. Расстояние между окопами красных и белой конницей быстро сокращалось. Положение Нальчикского революционного отряда было крайне тяжелым.

В этот момент, когда, казалось, ничто не сможет остановить наступающего врага, с правого фланга, будто из-под земли, стремительно выскочила конная сотня Лели Блаева. Сверкали кавалерийские клинки, гудела земля от конского топота, клубились облака серой пыли. Впереди сотни на вороном коне мчался сам Блаев. Глаза его горели. Молодое обветренное лицо было сурово и сосредоточенно.

Вихрем обрушилась на неприятеля блаевская сотня. Враг еще не успел понять, что случилось, как красные конники уже врубились в его ряды. Белогвардейцы не выдержали.

ли внезапного удара. Офицер в белой папаше и серой черкеске пытался остановить своих всадников, но те, прильнув к конским гривам, повернули коней и бросились назад.

— Стой! — иступленно кричал офицер.

Но этот крик, не доходя до слуха и сознания всадников, тонул в грохоте боя. Леля Блаев, увидев мечущегося белогвардейского офицера, бросился к нему. Тот вздыбил коня и, не целясь, выстрелил. Пуля просвистела мимо. Но в следующую секунду Блаев, привстав на стремени, взмахнул клинком, и офицер повалился на землю.

Неожиданный удар красной кавалерийской сотни расстроил на этом участке план противника, и он, оставив на поле боя десятки убитых и раненых, отступил. Потери понесли и красные воины. В том бою пал смертью героя командир Нальчикского революционного отряда Алексей Филатов.

В многодневных боях за Прохладную революционные бойцы показали образцы мужества и стойкости. Серго Орджоникидзе — Чрезвычайный комиссар Советского правительства на Юге страны — высоко отозвался о боевых качествах воинов Кабарды и Балкарии. Нальчикский революционный отряд был награжден Красным знаменем Терского народного Совета и получил наименование «Нальчикская коммунистическая рота».

В конце 1918 года белогвардейские полки двинулись в решительное наступление на Северный Кавказ. XI армия, раздетая и разутая, почти без боеприпасов, продовольствия и медикаментов, под натиском хорошо вооружен-

ных деникинских войск, охваченная тифом, отступала, теряя тысячи своих бойцов.

В Нальчике спешно готовились к эвакуации. Надо было спасти раненых и больных тифом красноармейцев, которыми были заполнены многие здания города. Но транспорта не хватало. Эвакуация затягивалась, а враг уже был близко. Деникинские войска захватили Пятигорск, Ессентуки, ворвались в Кисловодск. Разведка донесла, что генерал Шкуро направляет свои полки по горной дороге на Кармово, а оттуда через Баксан они ринутся в Нальчик. Необходимо было любой ценой задержать противника хотя бы на несколько дней, чтобы дать возможность завершить эвакуацию раненых и больных бойцов из Нальчика.

Особую роль в выполнении этой задачи сыграли конная сотня Лели Блаева и конный отряд, которым командовал Мурзабек Шуков.

В районе селения Кармово блаевцы, обнаружив конный разъезд врага, уничтожили его без единого выстрела. Под прикрытием тумана отряд Блаева внезапно атаковал продвигавшегося по горной дороге противника. Уничтожив в короткой схватке до двух десятков деникинцев и не дав врагу опомниться, красные конники скрылись так же внезапно, как и появились. Кавалерийский отряд врага пытался преследовать блаевцев, но, боясь попасть в засаду, вернулся к своим основным силам. Чувствительный урон нанес шкуровцам и отряд Мурзабека Шукова. В кавалерийской стычке Мурзабек был убит. Красные конники жестоко отомстили шкуровцам за смерть своего командира.

Белогвардейцы, не имея сведений о находившемся впереди противнике, замедлили свое продвижение и приняли меры предосторожности. Сотня Лели Блаева, искусно маневрируя, совершила еще несколько удачных налетов на шкуровцев. И каждый раз блаевцы появлялись там, где их меньше всего ожидали.

Продвижение превосходящих сил врага хотя и не было приостановлено, но замедлилось. Задача, поставленная перед красными конниками, была успешно выполнена.

В январские дни 1919 года деникинские войска вторглись в Кабарду. 25 января пал Нальчик. Революционные войска отступили в сторону Чечни.

Леся Блаев не успел покинуть Кабарду. Он заболел тифом, и товарищи привезли его в селение Булатово. Но оставлять Лелю в родном доме было опасно. Деникинские каратели легко могли обнаружить Блаева и расправиться с ним. К тому же мать его, Тамара Власовна, тяжело болела и была прикована к постели. За ней ухаживала Лиза. Хагуцира Блаев находился в одном из отступивших отрядов.

Не желая рисковать жизнью Лели, товарищи повезли Блаева дальше, в Моздок. Здесь они поместили его в небольшом домике старого крестьянина, в котором, кроме старика и его жены, никто не проживал.

— Считайте, что Леся у себя дома,— сказал старик-крестьянин боевым друзьям Блаева,— не беспокойтесь за него, выходим. Везти его в таком состоянии нельзя. Плох слишком, помереть может в дороге.

И Блаева оставили.

Старый кабардинец и его жена ухаживали за Блаевым, как за родным. Днем и ночью не отходили они от постели больного, делали все, что было в их силах. Ночами Леля бредил. Иногда в болезненном жару он сбрасывал с себя одеяло, вскакивал с постели и с горящими глазами бросался к двери.

— Где мой конь? Где мой конь? — кричал он.

Заботливые руки стариков с трудом укладывали его снова в постель.

Так и осталось тайной, кто донес деникинцам, что на тихой окраине Моздока бедная крестьянская семья скрывает больного командира красной сотни Лелю Блаева.

Пасмурным февральским утром у маленького приземистого домика, в котором приютили больного Блаева, спешилось несколько белогвардейских всадников. Они быстро вошли во двор, оцепили дом и через узкую дверь ворвались во внутрь.

— Что вам надо? — спросил старик, загораживая собою проход в маленькую комнатку, где лежал Блаев.

— Большевика прячешь, старый пес?! — рывкнул деникинец и, с силой оттолкнув старика, подошел к кровати.

Блаев лежал с открытыми глазами. Тонкие черты его худого бледного лица были спокойны.

— Вот где довелось с тобою встретиться, Блаев, — криво усмехаясь, сказал деникинец.

— Жаль, что не на поле боя, — ответил Леля, сжимая под одеялом кулаки.

— На поле боя? Не-ет, встреча с тобой на поле боя мне не по душе. Там тебя и пулей не

возьмешь. А здесь я тебя голыми руками, как мышь, поймал.

— Врешь, скотина! — Кровь ударила в лицо Блаеву. Мгновенно сбросив с себя одеяло, он вскочил на ноги и, преодолевая головокружение, бросился на белогвардейца. Деникинец, не ожидавший такого оборота дела, не успев отскочить в сторону, получил удар кулаком в лицо. Два других белогвардейца кинулись на Блаева, но тот успел выхватить из-за пояса одного из них револьвер и, теряя сознание, выстрелил ему в грудь.

Полураздетого и окровавленного везли деникинцы Лелю Блаева в Нальчик. На подводе рядом с ним лежало прикрытое мешковиной тело убитого белогвардейца.

Если бы деникинцы не боялись нарушить приказ помощника «правителя» Кабарды и Балкарии по военной части ротмистра Даутокова-Серебрякова о доставке Блаева живым, они там же, в доме крестьянина, убили бы его, а труп повесили во дворе, на старой липе.

...Когда Леля Блаев очнулся, он не мог понять, как очутился в этой чистой, светлой комнате, с белой занавесью на окне. Он лежал на кровати. Кроме него, в комнате никого не было. Блаев сделал попытку привстать, но почувствовал головокружение и откинулся на подушку. Он дышал тяжело. Болела грудь. Казалось, что кто-то сдавил грудную клетку железными обручами.

«Где я нахожусь? — мысленно спросил себя Блаев. — Враги не могут держать меня на мягких подушках. Но если я не у них, то неужели у своих?»

Вспомнив схватку с белогвардейцами в до-

ме старого крестьянина, Блаев закрыл глаза и сжал зубы.

«Я у белогвардейцев. Сомнений быть не может. Но почему они держат меня не в тюрьме? Почему вообще оставили в живых после всего, что произошло? Что случилось со стариками, которые так заботливо ухаживали за мной и берегли меня?».

Мысли Блаева были прерваны шумом открывшейся двери. В комнату вошел солдат с подносом в руках.

— Приказано кушать,— глухо сказал он и, оставив на придвинутой табуретке завтрак, удалился. Через полчаса тот же солдат явился вновь и, ничего не говоря, унес завтрак, к которому Леля даже не притронулся.

Временами Блаеву казалось, что он куда-то проваливается, затем очнувшись, чувствовал, как в тяжелой, словно наполненной свинцом, голове стоит непрерывный шум, от которого никак невозможно избавиться. Перед глазамиплыли светящиеся круги.

— Как твое самочувствие, Блаев?

Этот вопрос до Лели донесся издалека. Он медленно открыл глаза и сквозь туман, застилавший их, различил фигуру человека в черкеске. Через минуту Блаев ясно увидел офицера в малиновой черкеске с погонами, в черной каракулевой шапке. Удлиненный овал лица, резко очерченный с горбинкой нос, отчетливо вылепленные черты лица. Кончики черных усов смотрят вверх.

— Как твое самочувствие, Блаев? — снова спросил офицер.

Леля взглянул на офицера искоса и отвернулся.

— Мы незнакомы, Блаев, хотя и слышали друг о друге. Я — Даутоков-Серебряков. Думаю, что ты простишь моих людей, которые обошлись с тобой не совсем учтиво. Да и ты сам не очень гостеприимно встретил их.

Даутоков-Серебряков придвинул табуретку, сел.

— Мы хотим сохранить тебе жизнь, Блаев,— сказал он, подчеркивая слово жизнь.— Ты мог умереть от тифа и, наверное б, умер, если б мы не привезли тебя сюда, в наш лазарет, и не приняли необходимых мер. Но ты мог бы умереть не только от тифа. Ты знаешь, что солдаты Добровольческой армии могли расстрелять тебя без всякого суда и следствия, как командира большевистской сотни. Но я и здесь позаботился о тебе, приказав сохранить жизнь и живым привезти в Нальчик. Таким образом, мы дважды спасли тебя от смерти,— продолжал Даутоков-Серебряков. — Ты должен знать, что такого снисхождения у нас не заслуживал ни один пленный.

Блаеву хотелось язвительно спросить: за какие заслуги перед белогвардейцами ему, Блаеву, делают такое снисхождение, но говорить ему было очень трудно и, открыв рот для того, чтобы задать этот вопрос, он только издал хрип, на который Даутоков-Серебряков не обратил никакого внимания.

— Даря тебе жизнь, Блаев,— продолжал ротмистр,— мы позаботимся о том, чтобы ты как можно скорее выздоровел и занял место среди тех, кто остался верен родине и храбро защищает ее от изменников.

«Вот он куда клонит,— подумал Блаев,— завербовать хочет в свою банду».

— Мы тебя назначим командиром полка,— продолжал Даутоков-Серебряков.— Это для тебя большая честь. Думаю, что ты хорошо понимаешь свое положение и то, что тебе предлагают. Красная Армия сейчас на всех фронтах терпит поражение за поражением. Скоро она вообще перестанет существовать, и тогда мы сможем окончательно навести порядок на нашей собственной земле.

«На нашей собственной земле,— мысленно повторил Блаев.— Два аршина — вот твоя земля»,— и отвернулся к стене.

Даутоков-Серебряков резко встал с табуретки, подошел к окну, прошелся по комнате и остановился у кровати.

— Не хочу тебе угрожать, Блаев, ты не из пугливых, но знай: если не хочешь быть с нами — возиться с тобой не станем. Ты человек неглупый и сделаешь правильный выбор. Подумай хорошенько. С ответом не тороплю. Дашь его через неделю. А пока выздоравливай.— У самой двери добавил: — На всякий случай хочу предупредить: эта палата охраняется.

Блаеву хотелось вскочить и крикнуть: «Сейчас, сейчас я дам тебе ответ, белогвардейская сволочь!», но у него не было сил даже прилечь на постели. От бессилия своего перед врагом, от невозможности даже поднять руку, чтобы заставить его замолчать, Блаев впервые после стольких перенесенных им испытаний заплакал, заплакал беззвучно, стиснув зубы.

Если бы Даутоков-Серебряков взглянул сейчас в глаза Леле Блаеву, то увидел бы в них не только слезы. Но белогвардейский рот-

мистр, не взглянув больше на Блаева, вышел.

«Бороться! Надо бороться до последней возможности,— сказал себе Леля.— Но для этого нужны силы. Что ж, будем ждать выздоровления».

По приказу Даутокова-Серебрякова главный врач дивизионного лазарета Друцкий делал все, чтобы поднять Блаева на ноги. Больной послушно выполнял все его указания, принимал лекарства, и состояние его стало улучшаться.

Даутоков-Серебряков явился ровно через неделю. Блаев сидел на кровати, свесив ноги в черных шерстяных носках, в накинутом на плечи халате.

— Оказывается, наш воздух для тебя полезен,— сказал ротмистр Леле.— У тебя почти здоровый вид. Через несколько дней сможешь сесть в седло.

Он опустил на табуретку, широко расставив ноги и придерживая рукой длинный кинжал, висевший на поясе.

— Правитель Кабарды князь Бекович-Черкасский просил передать, что он готов забыть о том уроне, который ты со своей конницей нанес нашим войскам. К этому присоединяюсь и я. Но учти, что мы можем забыть это только в том случае, если ты примешь наше предложение.

— А если не приму? — спросил Блаев.

Даутоков-Серебряков прищурился, затянулся папиромой и, выпустив в потолок голубоватые кольца дыма, медленно чеканя каждое слово, ответил:

— Если не примешь наше предложение, то через двадцать четыре часа будешь повешен

на базарной площади, на том самом дереве, на котором был повешен большевистский комиссар Видяйкин.

— Видяйкин?! — Леля не мог скрыть своего волнения. «Неужели Видяйкин попал в руки этих палачей и казнен? — пронеслось в голове. — Нет, нет, не может быть!» Не хотелось верить этому страшному известию. «Но для чего Даутоков-Серебряков упомянул о нем? Запугать казнью?».

Ротмистр встал с табуретки и подошел к окну. Открыв форточку, бросил в нее недокуренную папиросу и повернулся к Блаеву.

— Ты, кажется, не хочешь поверить в смерть красного комиссара Видяйкина, думаешь, что это моя выдумка. Напрасно. Если желаешь убедиться в том, что Видяйкин мертв, я могу показать тебе его труп.

— Труп?

— Да, труп. Вернее, все, что осталось от комиссара. — Даутоков-Серебряков снова повернулся к окну. — Жаль, что отсюда не видно базарной площади, — сказал он. — Я бы показал тебе дерево, на котором был повешен Видяйкин. Но если ты хочешь, я могу распорядиться, и тебя отвезут на свалку, где закопали его труп. И этот труп тебе могут показать. Ну, что, желаешь взглянуть на него? — спросил Даутоков-Серебряков, подходя к кровати.

— Нет, — ответил Леля.

— Не думаю, чтобы тебе приятно было смотреть на изъеденное червями лицо мертвеца, — брезгливо поморщился ротмистр.

— Я знал Видяйкина живым, — произнес

Блаев,— пусть он живым и останется в моей памяти.

Военно-политический комиссар Нальчикского округа Дмитрий Видяйкин был одним из организаторов революционных отрядов в Нальчике. Крепкая дружба связывала с ним молодого командира красной сотни Блаева. Сообщение Даутокова-Серебрякова о казни Видяйкина потрясло Лелю.

«Как же так? Как же это могло случиться?— стучало в голове. — Как же им удалось захватить комиссара? И они его повесили. Звери! Какой лютой казнью казнить всех вас за все ваши злодеяния? Нет, вам не уйти от возмездия. Не уйти!». Блаев резко повернулся к Даутокову-Серебрякову.

— Слушай, ротмистр, ты хочешь, чтобы я служил в Добровольческой армии?

— Да. Это в твоих интересах.

— Иначе говоря, я должен изменить тому делу, за которое боролся против вас? — Леля провел ладонью по пересохшим от волнения губам. — Скажи, ротмистр, если бы ты попал в плен к Красной Армии и тебе бы заявили: или переходи на сторону революции, или будешь болтаться на виселице, что бы ты избрал?

Лицо Даутокова-Серебрякова побагровело.

— Негодяй! Я тебе не позволю!..

— Слушай, ты, ротмистр! — перебил его Блаев. — Я знаю, что избрал бы ты. Конечно, не виселицу. Но мы таким, как ты, не предложили бы командовать ни полком, ни сотней. Таким, как ты,— место на виселице. Буду короче: зови своих палачей, несите, ведите меня на казнь, вешайте, как повесили Видяйкина.

Неужели ты, белогвардейская морда, мог подумать, что Блаев — командир красной кавалерии, продается и станет предателем?

— Молчать! — рявкнул Даутоков-Серебряков, весь налившись кровью, и выхватил из деревянной кобуры маузер.

— Ты казнил Видяйкина, — продолжал Леля, — убьешь Блаева, десятки, сотни таких, как мы, но Советскую власть не убьешь! Нет! Она живет и будет жить! Слышишь? Будет жить! Я плюю в твою поганую морду, шакал!

Даутоков-Серебряков взмахнул маузером и тяжелой рукоятью ударил Блаева по голове. Леля потерял сознание.

В тот же день Блаева привели в окружную тюрьму. Долго измывались тюремщики над красным командиром. Его били до потери сознания, обливали холодной водой и, когда он приходил в чувство, били снова. Потом два деникинца поволокли его по тюремному коридору. Старший надзиратель Карайда открыл скрипучую дверь, и Блаева бросили в одиночную камеру. Ударившись головой о холодный пол, Леля, обессиленный, остался лежать лицом вниз.

Полковник Бекович-Черкасский принадлежал к богатому и знатному роду кабардинских князей, более двух веков верой и правдой служившему царскому престолу. Он являлся последним отпрыском этого именитого рода. С первого дня формирования Кавказской туземной дивизии Бекович-Черкасский являлся помощником командира Кабардинского конного полка по строевой части. В феврале 1916 года он был назначен командиром Татарского конного полка, а в мае 1917 года — 1-го

гвардейского Кирасирского полка. Учитывая его княжеское происхождение, многолетнюю и безупречную службу в белогвардейских войсках, генерал Деникин назначил Бековича-Черкасского «правителем» Кабарды и Балкарии и командиром Кабардинской конной дивизии с правами военного губернатора. В его руках была сосредоточена вся военная и гражданская власть на территории Нальчикского округа. Князь не отличался какими-либо особыми способностями, но в душе считал себя дипломатом и тонким психологом, любил выражаться высокопарно и напыщенно.

Узнав от своего помощника Даутокова-Серебрякова об отказе Блаева служить в Добровольческой армии, Бекович-Черкасский пришел в ярость.

— Мальчишка! Он возомнил себя героем! Но мы скрутим его в бараний рог, чего бы это нам ни стоило!

Бекович-Черкасский поднялся из-за громоздкого стола, прошелся по мягкому цветастому ковру кабинета и остановился перед Даутоковым-Серебряковым.

— Теми средствами, Заурбек, которыми пользуетесь вы, не всегда, к сожалению, можно достичь цели.— Полковник говорил спокойно, подавив в себе минутную вспышку.— На тот свет мы можем отправить Блаева в любое время, он, слава аллаху, у нас в руках. Но для нашей окончательной победы здесь, в Кабарде и Балкарии, для укрепления нашей власти имело бы немаловажное значение, если бы Блаев — красный командир — хотя бы на несколько дней, да-да, хотя бы на несколько дней стал под наше знамя.

— Что это нам может дать? — спросил Даутоков-Серебряков.

— Что может дать? — Бекович-Черкасский сел. — Вы, Заурбек, плохо разбираетесь в психологии людей.

— Я солдат, князь, а сейчас война. Мне некогда думать о психологии, — обиженным тоном ответил Даутоков-Серебряков.

— Блаев — это популярный в народе командир. Его любят, ему верят и многие пойдут за ним, куда он поведет. Так вот, надо, чтобы они пошли туда, куда мы хотим повести их. Если Блаев будет с нами, мы сможем оторвать от большевиков многих его приверженцев. Этим самым нам удастся ослабить врага и укрепить свою власть. Вот что значит, дорогой Заурбек, знать психологию врага и умело воздействовать на нее, — назидательным тоном произнес Бекович-Черкасский.

— Блаев — фанатик, господин полковник. А таких фанатиков в кабардинских и балкарских селениях немало. Я считаю, что воздействовать на их психологию можно лишь пулей и виселицей.

— Это крайняя мера, господин ротмистр, самая крайняя мера. Она приемлема лишь тогда, когда все способы испытаны и не дали желаемого результата. А насчет фанатизма вы правы. Большевики — все фанатики. И их Ленин тоже фанатик. Этот фанатизм может погубить всю страну, если здоровые силы не проявят необходимой решительности в борьбе с врагами неделимой России. Божьей милостью Добровольческая армия наделена такой мощью, которой вполне достаточно для сокрушения врага, для выполнения нашего

священного долга.— Бекович-Черкасский откинулся на спинку кожаного кресла, закинул ногу за ногу. На его лице появилось мечтательное выражение.— Недалек тот день, дорогой Заурбек, когда доблестные полки генерала Деникина войдут в Москву и трезвон колоколов кремлевских соборов оповестит мир о том, что Россия, омытая кровью, вновь обрела подлинную свободу...

— А Петроград?

— Что Петроград? — не понял Бекович-Черкасский.

— Я хотел сказать, что прежде всего надо взять Петроград — столицу России.

— Петроград тоже долго не протянет. — Мечтательное выражение у полковника исчезло. Он не любил, когда его прерывали.

— Распорядитесь, господин ротмистр, чтобы утром Блаева доставили ко мне, — приказал он сухо. — Орешек надо расколоть.

Утром следующего дня два конвоира ввели Лелю Блаева в кабинет «правителя» и по знаку полковника удалились.

— Садитесь, господин Блаев, — голос у Бековича-Черкасского был скрипучий, но он старался произносить слова как можно мягче, однако это ему плохо удавалось.

Блаев медленно опустился на стул. Болела спина от тупых ударов. Отяжелевшую голову трудно было держать прямо, но Леля не хотел, чтобы белогвардейский полковник видел его слабость, и сидел с поднятой головой, хотя это стоило ему больших усилий. На осунувшемся лице были видны следы побоев.

— Мне очень прискорбно, господин Блаев,

видеть вас, георгиевского кавалера, мужественного и храброго человека, в таком неприглядном виде.— Бекович-Черкасский изобразил на лице сочувствие.— Вы должны понять чувства наших солдат, среди которых есть люди грубые, не имеющие представления о том, как следует обращаться с пленным красным командиром. Не думайте, что я хочу этим оправдать их действия, нет. Но они озлоблены, господин Блаев. Война оторвала их от мирной жизни, разлучила с семьями. А по чьей вине, позвольте вас спросить? По вине большевиков! И вот они вымещают свою злобу на большевиках. Дать им волю — и они, скажу вам откровенно, и часа не оставили бы вас в живых. А ведь вы молоды, еще не видели настоящей жизни. Я никогда не поверю, что вы не хотите жить. Я вот вдвое старше вас, а жить очень хочу, жить, именно жить, а не существовать. Я старый солдат,— продолжал Бекович-Черкасский,— и с уважением отношусь к мужественным и храбрым воинам, по какую сторону фронта они б ни сражались. Но война идет к концу, господин Блаев. Для вас не секрет, что нам помогают наши иностранные друзья. Я уверен, что ни один здравомыслящий человек, знакомый с обстановкой в России, не сомневается в том, что победную чашу будем поднимать мы, а не большевики. И вам, умному и храброму солдату, следовало бы подумать о своем будущем. Вы должны знать, что, покончив с войной, мы тем самым покончим с большевиками. Но среди большевиков есть люди заблудившиеся, попавшие под влияние комиссаров. Мы б хотели, чтобы эти люди поняли катастрофичность своего положения и

стали на сторону справедливости, своей родины, на сторону победителей. Этих людей мы простим, а простив, даруем им жизнь. Но, повторяю, необходимо, чтобы они в свою очередь немедленно, сейчас заявили о своем желании быть с нами, с доблестной Добровольческой армией. Через своего помощника ротмистра Даутокова-Серебрякова я вам сделал лестное предложение принять на себя командование одним из наших славных полков.

Блаев молчал. Очень болела голова, и ему трудно было сосредоточиться. Скрипучий голос «правителя» был неприятен. Леля хорошо понимал, чего добивается полковник, но у него даже на мгновение не шевельнулась мысль подумать над предложением «правителя».

Бекович-Черкасский был уверен, что Блаев не сможет долго сопротивляться и предпочтет смерти жизнь. Кому хочется умирать в двадцать лет?

Блаева мучила жажда, кружилась голова.

— Господин полковник,— перебил разглагольствования Бековича-Черкасского Леля,— прикажите увести меня в камеру. Я слишком слаб, чтобы сегодня поддерживать с вами разговор.

«Правитель» вопросительно взглянул на Блаева и, решив, что Леля желает подумать над его предложением, сказал: — Думаю, что завтра вы в состоянии будете это сделать,— и приказал увести Блаева в камеру.

Тамара Власовна и Лиза приходили к тюрьме и часами простаивали у высоких ворот в надежде передать Леле немного продуктов. На свидание с ним они не надеялись. Но пе-

редачи для Блаева не принимали. Тюремщик пояснил:

— Сидящим в одиночке не дозволено. Приказ нарушать нельзя. Так что — проваливай.

В конце того же дня, когда Леля находился у Бековича-Черкасского, Тамаре Власовне неожиданно разрешили свидание с сыном. По узкому тюремному коридору ее ввели в небольшую комнату. Здесь у стены стоял старый стол и два колченогих стула.

— Садись и жди,— сказал надзиратель и ушел, оставив ее одну.

В комнате было холодно и сыро, но Тамара Власовна не замечала этого. Она села на стул и, не сводя глаз с двери, застыла в ожидании.

Вскоре дверь отворилась и в комнату вошел длинный, как жердь, офицер с щеточкой рыжих усов под вздернутым носом. Это был капитан белогвардейской контрразведки Шмаков.

— Вы мать Блаева? — спросил он.

— Да,— ответила Тамара Власовна, поднимаясь со стула.

— Я должен вам сообщить, что вашему сыну грозит смертная казнь. — Шмаков сделал вид, что не заметил, как побледнела при этих словах Тамара Власовна. — Но сын ваш может быть спасен. И спасти его можете только вы.

— Как — я? — с волнением спросила Тамара Власовна. — Что же я должна сделать?

— Ничего особенного. Вы должны убедить вашего сына вступить в нашу Добровольческую армию. Если он послушается вас — значит будет жить и жить припеваючи. У вас будет обеспеченная старость. Если не послуша-

ется, сами станете свидетельницей его казни. Думаю, что вы меня поняли. Скоро к вам приведут Блаева. Я бы не хотел, чтобы эта встреча с сыном была в вашей жизни последней.— С этими словами капитан Шмаков удалился.

Тамара Власовна только сейчас поняла, почему ей разрешили свидание с сыном. Она вдруг почувствовала всю тяжесть свалившегося на нее страшного, неотвратимого горя. Плечи ее дрогнули, и она, опустившись на стул, не имея уже сил сдержать себя, разрыдалась, закрыв руками лицо.

— Слушай, плакать в тюрьме не надо, пользы нету,— сказал заглянувший в комнату надзиратель.

Она уже вытерла заплаканное лицо, когда в дверях выросла фигура сына. Он был в кандалах, за спиной стоял тюремщик.

В нальчикской окружной тюрьме кандалы не применялись. Но Бекович-Черкасский приказал вывести Блаева на свидание с матерью в ручных кандалах.

— Эти железные штучки и их мелодичный звон,— сказал «правитель» начальнику тюрьмы Мальчевскому,— лучше всяких слов объяснят матери Блаева всю трагичность положения ее сына и окажут на нее психологическое воздействие.

— Здравствуй, мама,— Леля произнес это тихо, с мягкой улыбкой, словно не мать пришла на свидание к нему в тюрьму, а он после долгой разлуки возвратился в отчий дом и вот увидел перед собой самого дорогого и близкого ему человека — мать.

Тамара Власовна поднялась со стула и бросилась к Леле.

— Сынок!

Она порывисто обняла его, поцеловала и вдруг, глотая слезы, уткнулась ему мокрым лицом в грудь.

— Ну что ты, мама. Зачем же слезами встречать,— сказал Леля, взяв ее за руки и целуя выбившуюся из-под платка седую прядь. «Совсем недавно этих седин не было»,— подумал он.

Через комнату, скрипя сапогами, прошел тюремщик. У зарешеченного окна взглянул на двор, где стыли лужи, оставшиеся от мокрого снега, вернулся к выходу и, бросив Блаеву: — Свидание короткое. Поспешайте,— вышел в коридор.

Тамара Власовна подняла голову. Покрасневшими от слез глазами она смотрела в родное лицо сына, и сердце ее сжималось от боли при виде на нем следов побоев.

— Это они тебя так?

— Ты не волнуйся, мама, это ничего,— и пошутил: — До свадьбы заживет.

Она дотронулась до холодного железа кандалов, заглянула Леле в глаза, как бы спрашивая: «Так ли ты крепок духом, как хочешь показаться родной матери, сынок мой?». Ответом на ее немой вопрос была мальчишеская улыбка, игравшая на его лице.

— Как Лиза? — спросил Леля.

— Она на улице, у ворот тюремных стоит, ее не пустили со мной. Очень уж хотела она тебя видеть. Приходили мы с передачей, да не принимали у нас. Когда к тебе пустили, хотела что-нибудь взять с собой,— не разрешили.

Слушая мать, Леля взглянул в сторону двери и чуть слышно спросил:

— Где отец?

— Там, где и все,— шепотом ответила Тамара Власовна.— С партизанами.

Леля обрадовался этому известию.

— Это хорошо. А где Видяйкин, комиссар, не знаешь?

Тамара Власовна помрачнела:

— Нету его, сынок. Казнили, ироды.

«Значит, правда»,— подумал Леля. Его худое лицо сделалось суровым и строгим. на нем еще резче обозначились скулы.

— А как народ, как люди живут, мама?

— Живут, сынок, куда же деваться. Живут, как могут.— Она приблизила лицо к сыну и зашептала: — Веру не теряют, ждут наших. Ленин, говорят, подмогу шлет на Кавказ. Как думаешь, верно это или нет?

— Верно. О Ленине зря говорить не станут. Значит, так и есть.

Тамара Власовна смотрела на сына и не могла поверить, что видит его в последний раз. Она не переставала думать о том, что говорил ей белогвардейский офицер вот здесь, на этом самом месте, где стоит ее Леля. Он предлагал матери потребовать от сына предательства, и этим купить ему жизнь. Какая же мать пойдет на это? Нет, нет! Она этого никогда не сделает. Так неужели нет спасения, и ее Леля погибнет от рук палачей?!

Леля видел, какое отчаяние было написано на лице матери, но истинной причины этого он не знал.

— Не надо так переживать, мама,— сказал он.— Ведь не я один в тюрьме. Нас здесь мно-

го. — А про себя подумал: «Хорошо, что она не знает, чем все это для меня кончится. Надо, чтобы она уехала из Нальчика и несколько дней не приезжала. Казнь сына — зрелище не для матери».

— Ты бы вернулась в Булатово, — сказал он вслух. — Дел по хозяйству дома немало. Что тебе делать в Нальчике? Передачи носить мне не надо — все равно не принимают. Возьми с собой Лизу и поезжай. А через недельку приедешь. Может быть, дадут еще свидание и тогда приходи с Лизой.

Тамара Власовна понимала, что тяготит сына. Чтобы успокоить его, она хотела сказать, что завтра же утром вместе с Лизой возвратится в Булатово, но не могла произнести и слова. К горлу подступил тяжелый удушливый ком. Ей казалось — открой она рот, чтобы ответить сыну, как ком, сдавивший горло, превратится в неудержимый поток слез, и она разрыдается.

— Свидание кончилось, выходи, — приказал Блаеву вошедший тюремщик.

Тамара Власовна почувствовала, как у нее подкашиваются ноги.

— До свидания, мама, — Леля хотел обнять ее, но звякнувшие кандалы мешали это сделать. Тогда он взял ее руки в свои и прижался к ним щекой.

— Береги, мама, себя. Что бы ни случилось, будь мужественной. Передай привет Лизе и всем моим друзьям.

— Выходи!

Тамара Власовна, с щемящим до боли сердцем, крепко обняла сына. Леля поцеловал ее в висок и тихонько отстранил от себя. И вот

в эту последнюю минуту их свидания в тюрьме он понял, что больше никогда не увидит мать, не услышит ее голоса, не почувствует прикосновения ее ласковых натруженных рук. Крепко стиснув зубы, он повернулся и шагнул к двери.

На следующий день Блаев по приказу полковника Бековича-Черкасского был доставлен к нему в кабинет.

— Вчера мы не закончили нашу беседу,— сказал «правитель», приглашая Лелю сесть. Блаев сел на стул и поднял голову. — Собственно говоря, беседы и не было. Я говорил, а вы молчали. Сегодня я хочу послушать вас, господин Блаев.

Полковник смотрел на Лелю и не мог представить себе, что вот этот, сидящий перед ним худой, с запавшими глазами, избитый в кровь мальчишка, в облике которого не было ничего геронческого, и есть тот самый командир красной кавалерии, которая, даже, по словам офицеров, его, Бековича-Черкасского, дивизии отличалась в бою бесстрашием и представляла грозную силу.

— Я слушаю вас, господин Блаев,— сказал полковник. — У вас было достаточно времени, чтобы собраться с мыслями. Так что же вы скажете?

— Мне нечего вам сказать,— ответил Леля.

Бекович-Черкасский нервно встал из-за стола и подошел к нему.

— Слушайте, Блаев, давайте говорить по душам. Скажите, что у вас общего с этим вшивым, вонючим карахалком? Вы же украинец, в ваших жилах течет славянская кровь. Плюньте на этот сброд, идите туда, где вам

уготовано почетное место. Будьте достойным сыном Украины. Генерал Деникин высоко оценит ваш героический поступок.

Блаев усмехнулся:

— Плохи ваши дела, полковник, если вы плюете на свой народ. Для меня карахалк — не сброд. Я частица карахалка и горжусь этим. А насчет крови — она у всех одинакова, что у кабардинцев, что у украинцев. Только каждый, если считает нужным, отдает ее за то дело, в которое верит. Я не знаю, во что верите вы, полковник. Я верю в Советскую власть, верю, что дело революции победит. За это дело я готов отдать всю свою, как вы сказали, славянскую кровь. Но предателя из меня, князь, не выйдет, как бы вы ни старались.

— О каком предательстве вы говорите, Блаев? — Бекович-Черкасский сделал удивленное лицо. — Я хочу помочь вам, храброму человеку, который введен в заблуждение и, к сожалению, не понял, кто истинный защитник отечества и кто его враг. Ваше заблуждение мне понятно, — продолжал он, — вы молоды и не смогли разобраться в том хаосе, от которого так страдает наша родина.

Бекович-Черкасский ходил по кабинету из угла в угол, говорил долго и нудно и уже сам плохо верил в то, что Леля Блаев, популярный в народе командир красной кавалерии, захочет стать офицером Добровольческой армии даже под угрозой смерти.

Блаев молчал. Он слушал Бековича-Черкасского с безразличием, обычно охватывающем человека, для которого слова уже не имеют значения.

— Думаю, Блаев, что мне удалось убедить вас в ошибочности ваших взглядов и позиции,— сказал Бекович-Черкасский, остановившись перед Лелей.

— Нет, полковник, не удалось и не удастся,— ответил Блаев.

— Это мальчишеское упрямство,— желчно произнес Бекович-Черкасский. Спокойный тон Блаева выводил полковника из себя, но он сдерживал закипавшую в нем ярость, еще надеясь сломить волю своего пленника, хотя уже понимал, что сделать это навряд ли удастся. Он отошел от Лели и сел в кресло.

— Сейчас, когда речь идет о вашей судьбе, Блаев, я бы хотел видеть в вас мужчину.

— Пусть моя судьба вас не тревожит,— ответил Леля. Ему надоело слушать разглагольствования «правителя». — Подумайте о своей судьбе, князь. Карахалк ненавидит вас и ваши порядки. Рано или поздно вам придется держать ответ перед народом.

— Вашу грубость я пропускаю мимо ушей, Блаев,— сказал Бекович-Черкасский. — Но имейте в виду...

— Имейте в виду сами,— перебил его Блаев,— что от меня вам ничего не получить. То, что вы хотите добиться словами, ваши помощники добивались силой, но у них, как вам известно, ничего не вышло. Так что вы напрасно теряете время.

— Нет, Блаев! — Бекович-Черкасский ударил по столу кулаком и резко встал. — Раз вы еще способны передвигаться, разговаривать и мыслить, значит, мои помощники еще не понастоящему добивались сломить ваше тупое упрямство. Но если слова мои не дошли до

вашего разума и сердца, тогда мои люди постараются сделать это другим способом.

Блаев медленно поднялся со стула, сделал шаг в сторону Бековича-Черкасского и просто, словно речь шла о чем-то будничном, спросил:

— Скажите, полковник, вы по ночам спите спокойно? Я где-то слышал, что палачам каждую ночь снятся кошмары.

— Молчать! — Бекович-Черкасский выскочил из-за стола. — Мальчишка! Сопляк! Возомнил себя героем, сукин сын! Мы эту блажь из твоей головы выьем, если даже для этого понадобится выпотрошить всю твою черепную коробку.

Полковник вызвал конвой и отправил Блаева в тюрьму. Адъютанту приказал связаться с ротмистром Даутоковым-Серебряковым и сообщить, чтобы он сам занялся Блаевым.

В тот же день по приказу Даутокова-Серебрякова Леля Блаев под охраной четырех белогвардейцев был доставлен в контрразведку. Деникинская контрразведка размещалась на Воронцовской улице, в большом одноэтажном доме попа Благонравова, напротив слободского правления. Возглавлял ее подполковник Покровский.

Два дня здесь допрашивали Лелю Блаева. Допрос вел сам Покровский и его подчиненные: поручик Илья Наитаки и подпоручик Борис Панферов. Фактически, это были не допросы. Деникинцы, применяя пытки, стремились заставить Блаева подчиниться их воле, вступить в ряды Добровольческой армии, изменить Советской власти. Ему под ногти загоняли булавки, выкручивали руки, кололи шты-

ками, били, истязали. Требовали сказать одно лишь слово «да», но Блаев молчал.

Особенно зверствовал Али Инароков, садист и палач, один из самых рьяных исполнителей воли Даутокова-Серебрякова.

— На что ты надеешься, Блаев? — кричал он в исступлении на очередном допросе, сжимая в волосатой руке плеть со свинцовым наконечником. — Мы шутки шутить не любим. Или ты будешь служить нам, или, клянусь аллахом, мы спустим с тебя шкуру и отправим на тот свет. Ну, говори, что тебе по душе? Молчишь? Не хочешь говорить с нами? Но мы заставим, заставим! — ревел палач. Его квадратное лицо с приплюснутым носом, налитыми кровью глазами было похоже на морду разъяренного бульдога. Плеть, со свистом raspарывая воздух, хлестала по обнаженному телу Блаева. После каждого удара тело Лели вздрагивало от жгучей боли и покрывалось багровыми полосами. Из-под лопнувшей кожи сочилась кровь. До исступления хлестал свою жертву палач. Но Блаев молчал. И это молчание сильнее всего говорило о бессилии озлобленных белогвардейцев перед человеком, чье гордое сердце принадлежало революции и каждым своим ударом служило ей, не боясь смерти.

— Господин полковник, — докладывал «правителю» Даутоков-Серебряков, — «орешек», который мы пытались расколоть, оказался из кремня. Мои люди устали высекать из него искры. Считаю, что больше возиться с Блаевым смысла нет.

— Все ли вы сделали, господин ротмистр, что можно было сделать? — спросил князь.

— Все, ваше превосходительство.

— И безрезультатно?

— К сожалению.

— Что же вы предлагаете?

— Прошу утвердить приговор.

Даутоков-Серебряков положил на зеленое сукно стола папку с приговором военно-полевого суда. Для помощника «правителя» Кабарды и Балкарии этот приговор являлся лишь простой бумажкой. Сотни людей расстреляли и повесили деникинцы в кабардинских и балкарских селениях без всякого суда и следствия. Блаева тоже не судили. Даутоков-Серебряков сказал полковнику Сербиянову, председателю военно-полевого суда:

— По-моему, нет нужды рассматривать дело Блаева на суде. Здесь все ясно и понятно.

Полковник Сербиянов согласился.

— Но приговор надо составить и огласить перед казнью,— сказал он.— Пусть население знает, что у нас есть суд и есть свои законы.

Бекович-Черкасский придвинул к себе папку с приговором и стал читать:

«Военно-полевой суд Нальчикского округа, рассмотрев дело о жителе села Булатово Леле Блаеве, признал его виновным:

1) в том, что он, будучи ярым большевиком, одним из первых поступил добровольно в Красную Армию еще до половины 1918 года;

2) в том, что, будучи назначен властями в Нальчике командиром красной кавалерии, всеми силами агитировал за Советскую власть, являлся одним из главных вожakov и насадителей большевизма;

3) в том, что, будучи командиром значительного вооруженного отряда всадников-красно-

армейцев, выступал против Добрармии;

4) в том, что, будучи командиром красной кавалерии, лично участвовал в боях против Добрармии, а потому и на основании всех трех частей 108 ст. Уголовного уложения по редакции ее в приказе Добрармии от 30 июля 1918 года за № 390 и 279 ст. XXII книги «Свод Военных Постановлений 1869 года», издание 4-е, постановил:

подсудимого, жителя села Булатово Лелю Блаева, по лишении всех прав состояния, подвергнуть казни через повешение. Судебные по сему издержки, если таковые окажутся, на основании 662 и 708 ст. ст. Военно-судебного устава 1869 года, издание 4-е, взыскать из имущества осужденного Лели Блаева, а в случае его несостоятельности и на основании 709 ст. того же устава, принять на счет казны.

Председатель суда полковник *Сербиянов*.

Члены: поручик *Каск*, поручик *Ашенков*, корнет *Хабеков*, подпоручик *Шульга*.

— Соберите на место казни побольше жителей, господин ротмистр,— распорядился Бекович-Черкасский, размашисто утверждая приговор.— Блаев с петлей на шее должен вселить в душу карахалка столько же страха, сколько Блаев на коне вселял в его сердце веры в большевистскую власть. Не забудьте усилить охрану.

— Все эти меры будут приняты, господин полковник. Публичная казнь назначена на завтра. Приговор будет приведен в исполнение на базарной площади, там же, где мы рассчитались с комиссаром Видяйкиным.

— Только учтите, господин ротмистр, что вешать дважды, как вешали Видяйкина,—не

гуманно. Такие недоразумения наносят нашему делу вред. Поэтому распорядитесь, чтобы люди, приводящие в исполнение приговор, знали четко свои обязанности.

Но приговор этот в исполнение приведен не был. Когда утром два белогвардейца вошли в одиночную камеру тюрьмы, чтобы вести Блаева на казнь, они увидели на цементном полу распростертое неподвижное тело красного командира. От чудовищных пыток деникинских палачей Леля Блаев скончался.

ТЕМИРБАШ

День был морозный. На склонах гор лежал ослепительно белый снег. Тревожная тишина, окутавшая, казалось, всю землю, нарушалась лишь шумом бурного Черека, стремительно несшего свои воды по каменистому дну ущелья.

К небольшой группе партизан, сидевших у костра под навесом скалы, подошел Конак Батчаев — командир партизанского отряда. Это был молодой, широкоплечий балкарец в черной папахе и длинной шубе из овчины.

— Где Темирбаш? — спросил он.

— Наверно, ушел охотиться на кадетов, — ответил один из партизан.

— Опять самовольничает. — В голосе Батчаева звучало недовольство.

— Злости много в нем, Конак, — сказал бордатый партизан в коричневой папахе. — К тому же молод и горяч.

— Злости у всех нас хоть отбавляй, — ска-

зал Батчаев, подсаживаясь к костру.— Выпустить ее из нас — ущелье затопит. Но если в нашем отряде не будет дисциплины, мы станем похожи на стадо баранов.

Красные языки пламени с жадностью набросились на подкинутый им хворост.

Уже много дней партизаны вели тяжелые оборонительные бои против многочисленного белогвардейского отряда, пытавшегося прорваться в Балкарию.

В начале 1919 года деникинские войска захватили всю плоскостную Кабарду. Начался дикий разгул белогвардейщины. Все декреты Советской власти были отменены. Земля, конфискованная народным Советом и розданная бедноте, была отобрана и возвращена крупным землевладельцам. Деникинцы в принудительном порядке стали взыскивать с трудовых крестьян всевозможные налоги, бесчисленные подати, недоимки за прошлые годы. У сельской бедноты белогвардейцы безнаказанно отбирали и угоняли скот, забирали хлеб и фураж. Путем массовых репрессий и зверских расправ деникинские власти стремились установить в Нальчике и оккупированных селениях округа кровавый режим.

Захватив Кабарду, белогвардейцы решили проникнуть в горную Балкарию и разгромить там Советскую власть.

По приказу командира белогвардейской конной дивизии полковника князя Бековича-Черкасского, назначенного «правителем» Кабарды и Балкарии, в горы был направлен крупный карательный отряд. В официальных документах деникинских властей он именовался «экспедиционным отрядом». Командовал

им помощник «правителя» по военной части ротмистр Даутоков-Серебряков.

По селениям Балкарии пронесся клич: «Все на борьбу с врагом!».

Крестьянская беднота поднялась на защиту Советской власти. Началось одно из самых массовых партизанских движений на Северном Кавказе. Это была героическая борьба маленького горского народа против вооруженных до зубов белогвардейцев. Партизанское движение направлялось опытной рукой большевика Хажмурата Асанова. Участник русско-японской и империалистической войн, человек больших организаторских способностей, Асанов создал три партизанских отряда, которые обороняли Балкарское, Хуламо-Безенгийское и Чегемское ущелья. В Хуламо-Безенгийском ущелье партизанами командовал Жунус Махиев, в Чегемском — Солтан-Мурад Калабеков. Сам Асанов, кроме общего руководства отрядами, возглавлял партизан в Балкарском ущелье. Этот отряд был разбит на две группы: одна под руководством Бисолтана Таулуева обороняла Суканское ущелье (Сукан-Тары), другая, во главе с Конаком Батчаевым, — Черекское (Зылгы-Тары). Партизаны были вооружены винтовками и охотничьими ружьями, патронов было мало.

В первый же день обороны Балкарского ущелья перед партизанами выступил Хаджимурат Асанов.

— Нам предстоит выдержать тяжелое испытание, — сказал он. — У врага, который рвется в наши селения, сил намного больше, чем у нас. У него имеются пушки и пулеметы, он более опытен. У нас всего этого нет. Но

здесь, на пороге нашего дома, мы боремся за свою свободу, за жизнь и счастье своих детей. И как бы нам ни было трудно, какие бы испытания ни выпали на нашу долю, мы должны победить и мы победим!

Основные силы деникинцев наступали по узкой горной дороге, прижавшейся к высокой каменной стене. Внизу, бурля и пенясь, несла свои холодные воды река Черек. Партизаны оборонялись мужественно. Каждую скалу, каждый каменный уступ они превратили в неприступные огневые точки. Отряд карателей вел бой, стремясь захватить ущелье, но меткие пули партизан сдерживали натиск деникинцев. Потери белогвардейцев росли с каждым днем. Бой то затихал, то вновь разгорался с новой силой. Самоотверженно бился с врагом молодой партизан Магомет Османов.

Конак Батчаев хорошо знал Магомета Османова. Оба они были из поселка Мухол. В январе 1919 года вместе участвовали в сражении под Святым Крестом в составе XI армии. Здесь шли ожесточенные бои. Для прорыва обороны красных белогвардейское командование бросило в бой отборные полки. У врага было численное превосходство, он имел значительно больше пулеметов, боеприпасов. Части XI армии пытались сдержать натиск рвавшихся на Северный Кавказ полчищ генерала Деникина. Под Святым Крестом уже получил боевое крещение кабардинский революционный полк. Прибывший сюда вслед за ним балкарский полк был брошен в бой с марша.

Магомет Османов в первых же боях отличился храбростью и отвагой. В одной из атак, врубившись в строй деникинской кавалерии,

он уничтожил несколько белогвардейцев. Раненный в правую руку, Магомет перехватил клинок левой и продолжал яростно рубить врага. В этом бою Османов получил пять ранений, три из них в голову. Но раны были легкими, и он остался в строю.

— Тебе можно позавидовать, Магомет, — сказал после боя командир полка Келет Ульбашев. — Беляки бьют по твоей голове шашкой, стреляют из винтовок, а ей хоть бы что, будто она из железа. Ты — Темирбаш.

Так и пристала к Магомету Османову прочно и навсегда кличка Темирбаш, что по-балкарски значит Железная Голова.

Полки XI армии, не имея достаточного количества оружия, боеприпасов и продовольствия, теснимые белогвардейцами, вынуждены были отступить. Часть всадников балкарского полка ушла в горы Чечни и там волилась в состав Кабардино-Балкарского отряда, которым командовал Тута Шуков. Другая часть возвратилась в Балкарию и стала основным ядром партизанских отрядов, которые создал Хажмурат Асанов.

Темирбаш оказался в отряде Батчаева. Ему только что исполнилось девятнадцать лет. Но несмотря на свою молодость, он уже был опытным воином. Отчаянно храбрый, до дерзости смелый, — таким и любили его партизаны. Но Темирбаш часто нарушал дисциплину. Он без ведома командира отлучался из отряда. Возвращался через день или два, разыскивал Батчаева и, передавая добытые им две-три винтовки или револьвер, обычно говорил:

— Слушай, Конак, зачем ты на меня сер-

дишься? Сидел бы я здесь,— этого оружия у нас не было бы. Ты ведь сам говоришь, что оружия у нас не хватает.

Батчаев хмурил брови и громко, чтобы слышали партизаны, отчитывал Темирбаша.

— Если посмотреть на тебя со стороны, твоими же глазами, то можно подумать, что ты герой. Один убил двух-трех белогвардейцев, забрал их оружие и вернулся без единой царапины! Чем не герой? То, что ты смелый, это все мы знаем. И то, что среди нас нет труса, ты тоже хорошо знаешь. Но все, кроме тебя, понимают, что самовольничать в отряде не положено. Что получится, если каждый в отряде станет делать то, что ему заблагорассудится? Мы ослабим нашу оборону, враг воспользуется этим и разобьет нас. Понял?

Темирбаш, казалось, понимал, но через несколько дней вновь исчезал из отряда.

Вот и сейчас его не было среди партизан. На рассвете он сел на коня и уехал неизвестно куда.

К концу дня Темирбаш возвратился. Первым его увидели два дозорных. Темирбаш медленно шел по горной тропе, ведя под уздцы своего коня, на котором сидел человек в серой шинели и белом башлыке, со связанными руками.

— Эй, Темирбаш,— крикнул один из дозорных,— что за чучело сидит на твоём коне?

— Это не чучело. Это представитель самого генерала Деникина, — ответил Темирбаш.

— Да ну?

— Вот тебе и ну.

— А что ему надо?

— Айрана.

— Айрана?

— Ну да, айрана. Чему удивляешься?

— Не ври. Сейчас белым не до айрана.

— Ты не спорь, если не знаешь, темнота.

— А ты поясней Расскажи,— сказал второй дозорный.

— Да тут и так все ясно. — Темирбаш озорно взглянул на дозорных, потом сделал серьезное лицо и стал рассказывать:

— Генералу Деникину сообщили, что его войска никак не могут одолеть красных партизан. Очень рассердился генерал, вызвал он к себе всех своих помощников и спрашивает: «Почему мои войска до сих пор не захватили Балкарию? Я послал в горы большой отряд. Он в десять раз больше партизанского. Да еще послал пушки, огнемёты и пулемёты. В чем дело?»

Молчат все помощники, как каменные скалы, не знают, что ответить. Один из них, самый старей, встал и говорит: «Хоть партизан и меньше наших солдат, но у балкарцев есть особый напиток под названием айран». — «Ну и что?» — говорит генерал Деникин. — «А то, что в этом самом айране весь секрет партизан. Стоит выпить кружку айрана, как человек становится храбрым и сильным», — ответил ему помощник.

Удивился генерал Деникин и приказал достать во что бы то ни стало айрана для своего войска. Вот и послал к нам представителя за айраном.

— Ох, и складно врешь ты, Магомет,— рассмеялись дозорные.

С хмурым лицом встретил Конак Батчаев Темирбаша.

— Вот что, Темирбаш,— сказал он,— жаль мне с тобой расставаться, да, видно, придется. Еще раз уйдешь из отряда без разрешения — можешь не возвращаться. Иди своей тропой, если не хочешь шагать по нашей дороге. Мы тебя не держим. Все. По этому делу у меня разговора с тобой больше не будет.

Батчаев круто повернулся и хотел удалиться.

— Подожди, Конак,— остановил его Темирбаш. Видно за живое задели его слова командира. — Я хотел как лучше. Врага надо бить всюду, где возможно. Вот я и старался. Ладно, без твоего разрешения не сделаю ни шагу. Даю слово.

Батчаев взглянул на Темирбаша исподлобья.

— Хорошо, посмотрим.

— Я кадета одного притащил. Поговори с ним,— сказал Темирбаш.

— Где ты его взял?

— На дороге к Голубому озеру.

— Один был?

— Нет, двое.

— А где второй?

— Того я мигом прикончил. А этот сразу руки поднял. Говорит, ценные сведения даст, если оставлю в живых. Вот и приволок.

— Какие сведения, выяснил?

— Нет, не сказал. Говорит, води к партизанскому командиру, ему и расскажу.

— Видно, боялся, что сведения получишь и прикончишь. Так?

— А чего возиться? С нашими они не церемонятся. Говорит, в Нальчике каждый день расстреливают пленных.

— Расстреливают, верно. Деникинцы — па-

лачи. Но мы же не палачи. Пусть все знают, что партизаны — это люди. Воюет против нас, не сдается — уничтожь. Сдался в плен — сохрани ему жизнь. Приведи пленного.

Темирбаш ушел и вскоре вернулся с пленным деникинцем.

— Какие сведения ты хотел сообщить партизанам? — спросил Батчаев.

— Я хочу сообщить их командиру партизанского отряда, — ответил пленный.

— Считай, что перед тобой командир партизанского отряда.

Деникинец недоверчиво посмотрел на Батчаева.

— Может, тебе документ показать? — сказал Темирбаш, кладя руку на рукоятку револьвера.

— Нет, не надобно. Я расскажу. А вы меня потом в расход не пустите?

— Кто тебе сказал, что мы расстреливаем пленных? — строго спросил Батчаев.

— Командиры нас стращали, говорили, что партизаны и раненых не щадят.

— Сказки это, — сказал Батчаев, — не было случая, чтобы партизаны убили пленного. А раненым белогвардейцам, которые попадают к нам в плен, мы оказываем помощь. Ваши командиры боятся правды о партизанах, вот и забивают вам головы выдумками. Что ты хотел нам сообщить?

— Завтра во второй половине дня к экспедиционному отряду обоз должен подойти с боеприпасами и продуктами. Из Нальчика его послали. Сколько подвод — не знаю.

— Откуда это тебе известно?

— Господин ротмистр приказал нашему

взводному охрану выслать для обоза.

— Ну и что, послали?

— Нет, не успели.

— Почему?

— Взводного-то нет.

— Как нет?

— Да нет, царство ему небесное,— перекрестился деникинец. — Вызвал его ротмистр к себе. А он и меня с собой взял. Побыл, значит, он у ротмистра нашего. Подходит прямо ко мне, садимся на коней и едем к себе. Он и говорит: «Взвод наш поедет к селению Бабу-генту встречать обоз и охранять его». Отъехали мы всего полверсты, как вдруг выстрел. Взводный охнуть не успел, как свалился с коня. Я к нему, а он и дух испустил. Повернулся я — в двух шагах он стоит,— деникинец показал на Темирбаша,— и целится из винтовки в меня. Умирать неохота. Ну а дальше что — вы знаете.

— Правду сказал? — спросил Батчаев.

— Сказал то, что знал.

— Ничего не скрыл?

— Ничего, как на духу.

Сообщение пленного белогвардейца заинтересовало Конака Батчаева. В партизанском отряде мало было патронов, не хватало продуктов. Надо было использовать любую возможность, чтобы пополнить запасы. Ведь борьба предстояла упорная и длительная. И в этой борьбе каждый патрон, каждый фунт хлеба имел значение.

Конак Батчаев понимал, что захватить целый белогвардейский обоз партизаны не в состоянии. Для этого надо было большой группе партизан покинуть свои позиции, что осла-

било бы оборону ущелья. На это Батчаев пойти не мог и не имел права. Он решил направить в район Бабугента несколько партизан, которые в удобном месте могли бы внезапным налетом отбить у деникинцев хотя бы две-три подводы и быстро скрыться.

Конак Батчаев наметил для выполнения этой операции четырех партизан. Все они были храбрые, сильные и выносливые люди. Когда Батчаев собирался вызвать их для того, чтобы поставить перед ними боевую задачу, к нему явился Темирбаш.

— Я к тебе с просьбой, Конак,— сказал он.

— Говори.

— Знаю, что недоволен мной,— проговорил Темирбаш, переминаясь с ноги на ногу. — Но я дал слово и, клянусь аллахом, сдержу его. Нарушений больше не будет.

— Что же ты хочешь?

— Разреши участвовать в захвате белогвардейского обоза.

— Всего обоза? — спросил Батчаев, пряча в усы улыбку.

— Выделишь побольше людей — весь обоз захватим.

— Значит, снять с позиций людей, погнаться за обозом, оставить вход в ущелье открытым? Так, что ли, советуешь?

— Нет, я так не советую,— обиженным тоном проговорил Темирбаш. — Главное для нас не обозы, а защита ущелья. Я что, не понимаю, что ли? Человек десять можешь выделить?

— Чтоб взять целый обоз?

— Нет, десять человек весь обоз не возьмут. Часть может.

— А я десять выделить не могу. Пошлю четырех партизан.

В глазах Темирбаша загорелись искорки надежды.

— Пошли и меня, Конак, клянусь, не подведу.

Батчаев посмотрел на Темирбаша испытующе. Он знал, что Магомет сделает все, чтобы выполнить задание. Но он только что отчитывал Темирбаша за недисциплинированность, а теперь выполнить его просьбу? «А почему бы и нет,— подумал он,— если это для пользы дела».

— Хорошо,— сказал Конак.

Батчаев вызвал к себе трех партизан и, коротко объяснив им боевую задачу, сказал:

— Патроны и продукты нам нужны очень. Но не зарывайтесь. Лучше взять одну-две подводы, чем погнаться за большим количеством подвод и провалить все дело. Действуйте в зависимости от обстоятельств. И поменьше шуму. Судя по всему, ночью обоз будет находиться в Бабугенте. На рассвете он выйдет в путь. Думаю, что всего удобнее встретить его в районе Карасу * Там для встречи вполне подходящая местность. Старшим группы назначаю Магомета.

Темирбаш не сказал ничего. Но по его сияющим глазам можно было понять, с какой радостью он воспринял слова командира.

Вскоре четыре всадника покинули партизанский лагерь. Трудным был путь на Карасу. Уже с первых шагов партизаны вынуждены

* *Карасу* — Черная речка (по-балкарски).

были спешиться и вести коней под уздцы, так как тропа, петлявшая среди скал, обледенела, лошади на ней скользили и для всадников она была небезопасна.

Через несколько часов партизаны подошли к местности Карасу. По каменистому склону горы они спустились к крутому изгибу дороги, которая шла от Бабугента к Голубому озеру, и в нескольких десятках метров от нее остановились среди огромных валунов. Здесь партизаны устроились на ночлег.

Когда первые лучи солнца скользнули по вершинам гор, партизаны уже были на ногах.

Им хорошо была видна часть узкой извилистой дороги, уходившей в сторону Бабугента. Через некоторое время на ней появился обоз. Подводы брели медленно. Впереди обоза ехали три вооруженных всадника. На некоторых подводах сидели по два белогвардейца. Такая охрана обоза для партизан была неожиданностью. «Неужели и хвост этого проклятого обоза охраняется деникинцами?» — подумал Темирбаш.

Одна, две, три, четыре, пять... Партизаны считали подводы, появлявшиеся из-за поворота дороги. Всего их оказалось тринадцать.

— Чтоб ее шайтан унес, эту чертову тринадцатую подводу, — зло проговорил один из партизан. — Русские говорят, что тринадцать — несчастливое число.

Магомед смотрел на дорогу и ждал: появятся или не появятся всадники за последней подводой? От этого зависел успех задуманного Темирбашем плана.

Последняя подвода отъехала от поворота

дороги шагов на пятьдесят. Всадники не появлялись.

Подождав несколько минут и убедившись, что охрана за обозом не следует, Темирбаш сказал партизанам:

— Ну, друзья, будем действовать. Обстановку мы знаем. Вы видите, что подводы плетутся медленно — дорога идет в гору. Расстояние между подводами изрядное. Вот мой план. Я примыкаю к «хвосту» обоза, по мере возможности бесшумно снимаю беляков с последних подвод. А вы держитесь недалеко, так, чтобы могли меня видеть. Но кадеты не должны вас заметить. Иначе все дело провалится. Потом, значит, когда я взмахну шапкой, вы быстро подъедете ко мне. Если же услышите выстрелы — открывайте по белогвардейцам огонь. Ясно?

План был прост и дерзок.

Темирбаш, держа своего коня под уздцы, спустился к дороге. Белогвардейский обоз ушел вперед и не был виден. Магомет сел на коня, поправил бурку и поехал вслед за подводами. Вскоре он увидел «хвост» обоза. В последней подводе сидели два белогвардейца. Один из них, в черной лохматой шапке и шубе из овчины, правил лошадьми, другой, в серой шинели и шапке-ушанке, держал на коленях винтовку.

Когда до подводы оставалось несколько шагов, деникинец в ушанке услышал цокот копыт и обернулся.

— Кто такой? — белогвардеец вскинул винтовку.

— Ты что, лишнего хватил, что орешь на

всю дорогу? — вместо ответа спросил Темирбаш, приблизившись к подводе.

— А ты отвечай. Здесь всякие шатаются. Кто будешь?

— Я выполняю поручение господина ротмистра. И не твое дело, кто я,— сказал Темирбаш, бросив взгляд на ящики, лежавшие на подводе.

«Наверное, патроны»,— подумал Магомет. Он вынул из-под бурки флягу и, делая из нее глоток, искоса взглянул на деникинца. Тот жадными глазами впился во флягу и причмокнул губами. Видя перед собой одинокого всадника, белогвардеец опустил винтовку. «Желторотый нахалюга! Такие только и в почете у нашего ротмистра»,— подумал он.

Темирбаш снова поднес к губам флягу, сделал вид, что пьет, и шумно крякнул.

— Слушай, закусить нечем?

— Закусить есть, да пить нечего,— ответил деникинец. — Эй, как тебя там, залезай в подводу, бараниной угощу. А лошадь привяжи к подводе, никуда не денется.

Темирбаш не заставил себя упрашивать. Через минуту он был уже на подводе и ел вареную баранину. Его фляга перекочевала в руки деникинца.

— Ты и возчику дай глоток,— сказал Темирбаш белогвардейцу, когда тот осушил половину содержимого фляги.

— Не, возчикам пить нельзя,— улыбаясь, ответил деникинец.— Возчик, чего доброго, напьется и подводу перевернет или, еще лучше, прямехонько к партизанам завернет, хи-хи-хи,— сиплым, приглушенным смехом залился он, не выпуская из рук фляги.

— Я не пьющий,— не поворачивая головы, пробасил возчик.— Араку пьют только несчастные собаки.

Дорога становилась все круче, продвижение подвода замедлилось. Через полчаса она повернула вправо, одной стороной прижимаясь к скалам, другой обрываясь в пропасть.

Белогвардеец, опустив голову на руки, клевал носом. Темирбаш прикинул, что расстояние до ехавшей впереди подводы шагов сорок. Надо было действовать без промедления. Первым он решил убрать возчика. Темирбаш уже взялся за рукоятку кинжала, когда случайно увидел у своих ног толстую железную палку. «Этим бесшумнее»,— подумал он. Удар по голове, и возчик, как мешок, свалился на ящик. Темирбаш быстро занял его место. Деникинец поднял пьяную голову, но ничего не успел сообразить — удар железной палки раскроил ему череп. Убедившись в том, что оба белогвардейца мертвы, Темирбаш подождал несколько минут, пока ехавшая впереди подвода не скрылась за ближайшим поворотом дороги, а затем скинул тела деникинцев с кручи.

Подав партизанам условленный знак и оставив подводу на дороге, он сбросил с себя бурку и побежал за обозом.

На подводе, которая медленно брела впереди, находился один возчик. Под скрип колес он напевал тягучую песню. Темирбаш догнал подводу и легко в нее вскочил. Возчик, услышав шум, оглянулся. Еще секунда, и он поднял бы крик. Но Темирбаш бросился на него и схватил его за горло. Белогвардеец захрипел. Темирбаш повалил его и коленом уперся в грудь. Деникинец пытался сбросить с себя

Магомета, но железные руки партизана со страшной силой сдавили ему горло. Через минуту все было кончено. А когда до Голубого озера оставалось совсем немного, Темирбаш захватил еще две белогвардейские подводы. Партизаны быстро погрузили на своих и трофейных лошадей захваченные ящики с боеприпасами и мешки с продуктами и, бросив на дороге порожние подводы, с большим трудом поднялись по склону горы и ушли к Балкарскому ущелью. Идти было трудно. На обледенелых подъемах тяжело груженные лошади скользили и падали. С трудом поднимали их на ноги партизаны. Только вечером Темирбаш и его спутники добрались до своего лагеря. Командир отряда Конак Батчаев и партизаны тепло поздравили своих боевых товарищей с успешной операцией.

— Мы здесь ни при чем, — смущенно сказали вернувшиеся партизаны. — Это все дело рук Магомета.

И они рассказали об отважном и дерзком нападении Темирбаша на белогвардейский обоз.

Еще много дней партизанский отряд самоотверженно защищал Балкарское ущелье.

Белогвардейцы рвались вперед.

Партизаны продолжали стоять стойко. Они вели по врагу ружейный огонь, сбрасывали на головы деникинцев камни, устраивали завалы. Но кончились у партизан патроны, иссякли запасы продовольствия. Оборонять ущелье уже было невозможно.

— Друзья мои, — сказал Хажмурат Асанов партизанам, — мы сделали все, что могли, чтобы задержать врага у ворот Балкарнии. И не наша вина, если мы вынуждены покинуть

ущелье. У нас кончились патроны. Нам тяжело покидать места, где лучшие из нас пали в неравной борьбе за Советскую власть. Нам больно уходить отсюда, потому что мы оставляем открытой дорогу в наши селения для ненавистных белогвардейцев. Но мы уходим непобежденные! Мы уходим, чтобы вернуться вновь, и мы вернемся!

Партизаны Балкарии под руководством Хажмурата Асанова по горным тропам перешли в Северную Осетию. Там вместе с осетинскими партизанами они продолжали наносить деникинцам чувствительные удары.

Темирбаш остался в Балкарии.

— Я буду полезней здесь,— сказал он Конаку Батчаеву,— разреши остаться.

— Что ты будешь делать?

— Драться.

— Один?

— Одному легче скрываться.

— Белогвардейцы будут повсюду.

— Тем хуже для них. Каждая пуля найдет свою цель.

— Они могут поймать тебя.

— Постараюсь, чтобы этого не случилось.

— А если все же поймают?

— Ты знаешь, Конак, что я часто бывал на волоске от смерти, но каждый раз мне удавалось уйти от нее.

— Ну, что ж, оставайся, дерись, только зря не рискуй. Береги свою железную голову. И еще вот что: делай все, чтобы карахалк не терял веры в Советскую власть, в ее победу.

— Сделаю все, что в моих силах. Прощай, Конак.

— Не прощай, а до свидания, Темирбаш.

Белогвардейские каратели, ворвавшись в балкарские селения, начали устанавливать в них свой кровавый «порядок». По приказу ротмистра Даутокова-Серебрякова в центре селений были построены виселицы. Начались казни сторонников Советской власти. В селении Нижняя Балкария каратели повесили Таусо Токлуева, Кичибытыра Карабашева, в Верхней Балкарии — Бисолтана Таулуева, Жунуса Казакова, Хамзата Тетуева...

Без суда и следствия деникинцы расстреливали всех, кто не выполнял их требований, кто не желал подчиняться белогвардейским законам. Боясь партизанского движения, Даутоков-Серебряков потребовал от жителей балкарских селений выдать деникинским властям скрывающихся большевиков. Но трудовые массы Балкарии отказались выполнить это требование. Тогда Даутоков-Серебряков наложил на «непокорные» селения контрибуцию.

3 мая 1919 года начальник Налъчикского округа полковник Клишбиев направил старшинам кабардинских и балкарских селений предписание. В нем он требовал представить списки всех, кто участвовал в борьбе против Добровольческой армии и скрывается от деникинских властей. Такое предписание получил и старшина селения Нижняя Балкария князь Таттуко Айдоболов. Селение Нижняя Балкария состояло из ряда мелких горных поселков: Мухол, Тебель Эль, Коспарты, Жыглы, Темукуево, Верхний Чегет, Нижний Чегет, Мукуш, Глашево. Наиболее крупным поселком являлся Мухол, в котором насчитывалось око-

ло ста дворов. В Мухоле размещалось Нижне-Балкарское сельское правление — местный орган белогвардейской власти.

Получив предписание, старшина Айдоболов пригласил к себе князя Хаджимурзу Мисакова — тестя Даутокова-Серебрякова.

— Дорогой Хаджимурза,— обратился к нему Айдоболов,— наше с тобой благополучие и покой наших гор зависят от того, как быстро мы ликвидируем большевиков здесь, на нашей земле. Клишбиев требует прислать ему список смутьянов. Такой список я составил. Но чем может помочь ему эта бумажка в борьбе с большевизмом?

— Бумажка не шашка, ею голову не отрубишь,— ответил Мисаков,— но она нужна. В Нальчике хотят знать имена тех, кто вел и ведет борьбу против нас, чтобы разыскать их и покарать.

— От этого мало проку. Я думаю, что мы сами здесь должны более решительно действовать.

— Надо действовать силой, так, как это делает мой зять Заурбек.

— Сила — это хорошо. Но силой всего не добьешься.

— Что же еще, как не сила, может заставить этих голодранцев уважать нас и быть покорными? Я считаю, что только сила может держать их в узде.

— Ты прав, Хаджимурза. Но я говорю о другом. Надо расстрелять в карахалке веру в большевиков, да, да, именно расстрелять, уничтожить эту веру. Надо убедить карахалк в том, что большевики несут в наши горы и в жизнь крестьян смуту и разорение.

— И как ты хочешь это сделать?

— Я намерен завтра же собрать сельский сход. Тебе следовало бы выступить на нем.

— Ну, что же, выступить можно. Только собрать жителей будет трудновато.

— Я постараюсь собрать.

Айдоболов протянул Мисакову листок бумаги:

— Посмотри этот список большевиков. Кажется, основных я внес в него.

Мисаков взял в руки листок и держа его на расстоянии, стал читать вслух:

— «Список жителям селения Нижне-Балкарского 2-го участка Нальчикского округа, скрывшимся из селения, во время прибытия в это селение Экспедиционного отряда, большевикам. Асанов Хажмурат...» По нем давно веревка плачет. «Батчаев Конак...» Их в одной петле надо бы удавить, как бешеных собак. «...Ораков Тахир, Токлуев Маштай, Токлуев Каншау...».

Мисаков читал длинный список активных защитников Советской власти в Нижней Балкарии, не скрывая в больших, на выкате глазах, ненависти и злобы.

— Слушай, Таттуко,— сказал он, просмотрев весь список,— в этой своре нет самого молодого и самого отчаянного шакала.

— Кого?

— Магсмета Османова. Ты что, к мертвым его причислил?

— А-а, лучше видеть его мертвым, чем слышать, что он жив. Не знаю, как я мог его пропустить. Давай допишу.

В тот же день, 24 мая 1919 года, князь Ай-

доболов направил полковнику Клишбиеву в Нальчик рапорт. В нем говорилось:

«Во исполнение предписания от 3 мая 1919 года № 2741 (получено 21 мая 1919 года) при сем на обороте сего представляю Вашему высокоблагородию список скрывшихся лиц вверенного мне селения, принимавших участие в большевистском движении.

Правительственный старшина тауби
Т. Айдоболов».

С большим трудом удалось старшине селения Нижняя Балкария Таттуко Айдоболову созвать сельский сход. Многие жители отказались явиться, ссылаясь на занятость. Пришло около двадцати стариков.

— Не густо,— сказал князь Мисаков, увидев малочисленность собравшихся.

— Но и не пусто, дорогой Хаджимурза. Если каждый из присутствующих расскажет о сегодняшнем разговоре хотя бы двум жителям селения, те в свою очередь тоже двум, то к концу дня все селение будет знать, что говорилось на сходе.

Открыл сход старшина Айдоболов. Его круглое лицо лоснилось от жира. Большим носовым платком он вытер толстую шею, шумно высморкался, поправил усы и, обращаясь к собравшимся, сказал:

— До последних лет в наших селениях царили мир, покой, дух человеколюбия. Мы все, как дети одной матери, жили под одним небом и на одной земле, жили в согласии, соблюдали законы шариата, любили ближнего, трудились в поте лица своего и были довольны жизнью, данной нам всемогущим аллахом. Но пришли в наш мирный край большевики, и

началась в горах смута и братоубийственная война. Сейчас в Балкарии наводится порядок. Делается все, чтобы мы жили прежней жизнью по законам наших предков. Но в горах скрываются отъявленные большевики. Они не сложили оружия и хотят снова подстрекать народ на братоубийственную войну. Поймать этих головорезов, отдать их в руки правосудия — долг каждого честного мусульманина.

Вот фамилии этих большевиков. Вы их хорошо знаете. Это Хажмурат Асанов, Конак Батчаев, Магомет Османов...

Старшина Айдоболов не успел перечислить остальных. К нему быстро подошел старший стражник и тихо, чтобы не слышали сидевшие вокруг сельчане, сказал:

— Князь, партизаны только что угнали твоих быков.

— Как угнали? — воскликнул Айдоболов.

— Угнали. Их было двое.

— Кого «их», быков?

— Нет, партизан. Быков тоже два. Одного я узнал.

— Кого одного, говори толком, баранья башка.

— Не быка, конечно, партизана.

— Кто же он?

— Магомет.

— Какой Магомет?

— Тот самый, которого ты называл сейчас. Магомет Османов.

— Почему ты не задержал, не убил его? У тебя же винтовка, ишак.

— Я выстрелил, но не попал. Он тоже выстрелил. Стражника убил. Ведь бьет он без промаха.

Сельский сход был сорван. Старшина Ай-доболов в срочном порядке выслал своих людей на розыски Темирбаша. Через несколько часов они вернулись.

— И следов нет, ни партизан, ни быков,— сообщил старший стражник.

Тем временем Темирбаш с помощью двух крестьян-бедняков по козьей тропе увел княжеских быков. В пяти верстах от Нижней Балкарии, в пещере, находилось несколько семей партизан. Бежав из родного селения, они скрывались от деникинских палачей. Двое суток эти люди не имели никакой пищи. Те скудные запасы, которые у них были, кончились. Дети плакали, протягивая худые ручонки, просили есть.

Узнав о тяжелом положении этих семей, Темирбаш решил немедленно оказать им помощь. С огромным трудом ему удалось доставить к пещере двух княжеских быков.

— Откуда это, Магомет? — спросила женщина с грудным ребенком на руках.

— Советская власть прислала.

— Да где же она, эта власть? — У женщины в глазах стояли слезы. — Поблаговари ее от нас. Скажи, что ждем. И взрослые, и малые — все ждем ее возвращения.

Через несколько дней Темирбаш привез в пещеру неполный мешок кукурузной муки.

— От Советской власти,— сказал он.

Вера в эту власть придавала людям, жившим в пещере, силы, хранила в их сердцах надежду на скорое освобождение родной земли от деникинских захватчиков. Вся Балкария была похожа на эту пещеру. Она жила и боролась с верой в Советскую власть.

Каждый шаг деникинцев на балкарской земле острой болью отдавался в сердце Магомета Османова. Он не находил себе покоя. Ночью и днем, на горных дорогах и тропах он выслеживал белогвардейцев, меткой пулей или ударом кинжала уничтожал ненавистного врага.

Изо дня в день рос счет убитых Темирбашем деникинцев. Ротмистр Даутоков-Серебряков неистовствовал. Он приказал во что бы то ни стало поймать Магомета Османова. Но Темирбаш был неуловим. Когда белогвардейцы искали его в районе Карасу, он внезапно появлялся в пяти верстах от этого района, враг ждал его в засаде у поселка Мухол, а он в это время на окраине Бабугента расправлялся с двумя карателями, пытавшимися отобрать последнюю корову у бедной крестьянской семьи. Несколько раз враги преследовали его по пятам. В самый последний момент, когда деникинцам казалось, что взятому в кольцо Темирбашу уже никуда не уйти, он вдруг исчезал, чтобы снова появиться уже в другом районе.

Деникинские власти объявили большую награду за голову Магомета Османова. Но надежда на то, что среди балкарских крестьян найдутся изменники и выдадут отважного партизана, не оправдалась. Своей мужественной, неравной борьбой с врагами Темирбаш снискал горячую любовь и уважение карахалка. В этой борьбе он опирался на помощь и поддержку горской бедноты.

Князя Айдоболов и Мисаков пустили слух: «У Магомета Османова помутился разум. Он объявил всем людям войну и убивает каждо-

го встречного, не щадит ни стариков, ни женщин, ни детей. Надо уничтожить взбесившегося пса».

Но балкарские крестьяне не верили гнусным измышлениям. Они хорошо знали, в кого пускает свою пулю Темирбаш, чей скот спасает от карателей, слышали, как проклинали его таубии и как боятся деникинцы.

— Легче поймать горного орла в полете, чем схватить Темирбаша,— сказал своему зятю Даутокову-Серебрякову князь Мисаков. — Если не удастся сделать это силой, Заурбек, надо добиться с помощью хитрости. Магомет хитер, но мы его перехитрим.

— Как?

— Прикажи поймать всех родственников Магомета и арестовать, а отца его, Мусу, пошли к нему. Пусть скажет своему щенку: если в течение двух дней он не сдастся — все его родственники будут расстреляны.

Этот коварный план Даутоков-Серебряков одобрил. Он тут же вызвал князя Алимурзу Шакманова, возглавлявшего группу карателей, и старшину Таттуко Айдоболова.

— Князь, — обратился к ним Даутоков-Серебряков, — ваш кровный враг Магомет Османов до сих пор находится на свободе и зло огрызается. Для вас не секрет, что каждый прожитый им день приносит нам урон, пусть незначительный, но урон. Его давно можно было бы схватить, если б вы были более расторопны.

Я срочно выезжаю в Нальчик. Поручаю вам захватить Магомета живым и привезти его ко мне. В Нальчике мы устроим ему та-

кую казнь, какой еще не подвергался ни один преступник.

— А если живым не удастся взять? — спросил Алимурза Шакманов.

— Надо взять живым. Как это сделать — вам подскажет Хаджимурза. Но если все же живым взять не удастся, что ж, берите мертвым, но мертвым — как исключение.

Вскоре все родственники Темирбаша были схвачены, приведены в поселок Мухол и находились под охраной во дворе сельского правления.

Алимурза Шакманов сказал отцу Темирбаша:

— Иди туда, где прячется от правосудия твой сын-убийца. Передай, что он должен прийти и сдаться нам, если не хочет смерти всех своих родственников. Учти,— продолжал Шакманов,— если завтра до захода солнца твой сын не будет в моих руках, клянусь аллахом, все эти женщины и дети,— он указал плетью в сторону группы людей, стоявших под охраной,— все будут расстреляны, и кровь их ляжет на Магомета.

Муса медленно брел по горной тропе в сторону местности Иричи-Тар, где находился Темирбаш. Что сказать сыну? Как поведать о страшном горе, которое, как лавина, обрушилось на их семью? Он, отец, должен отдать своего собственного сына в руки палачей! И те его казнят, в этом сомнения нет. Что же делать? А если ничего не сказать Магомету? Тогда палачи расстреляют всех Османовых. Он вспомнил слова карателя Шакманова: «...Все эти женщины и дети будут расстреля-

ны...». Шакманов это сделает, он зверь, а не человек.

Тяжелая, щемящая боль сдавила сердце Мусы. Он шел, низко опустив голову. Давно кончилась тропа. Мусу окружал густой лес. Ветки больно били по лицу, цепляясь за полы бешмета. Муса этого не замечал.

Часа через два у старой сосны отец и сын встретились. Муса долго не мог сказать о цели своего прихода. Магомет, заметив необычное состояние отца, спросил:

— Все ли живы?

— Живы, Магомет, пока живы, что будет завтра — не знаю.

— Отец, ты что-то недоговариваешь. Что-нибудь случилось?

Муса минуту помолчал, а потом сказал:

— Каратели схватили всех твоих братьев и сестер, мать тоже. Угрожают расстрелом, если ты не придешь и не сдашься им в руки.

Это известие ошеломило Темирбаша. Все его родственники были спрятаны у верных людей, и Магомет был уверен, что деникинцы не смогут их разыскать. Случилось страшное: их нашли, арестовали и угрожают смертью.

— Как же могло так случиться? Ведь вас всех надежно скрывали. Кто же вас выдал?

— Нашлась такая продажная собака. Кто — не знаю.

Темирбаш не раздумывал.

— Из-за меня погибнуть никто не должен, — сказал он. — Но у меня просьба, отец. Когда я вернусь в селение и окажусь в руках врага, уведи всех наших подальше, чтобы ни одна собака не могла найти ваш след. А обо мне

не беспокойся. Все равно вырвусь из рук палачей.

На следующий день солнце было еще в зените, когда невдалеке от поселка Мухол группа деникинцев, поджидавшая Темирбаша, увидела, как он вышел из-за колючих кустов шиповника и направился в их сторону. От неожиданности каратели замерли. А потом, опомнившись, схватились за винтовки.

Темирбаш шел твердой походкой, держа в руке тонкую лозу. Рядом с ним был отец. «И безоружного боятся, трусы», — отметил Муса, увидев направленные на Магомета дула винтовок.

— Окружить! — приказал своим карателям Алимурза Шакманов. Белогвардейцы взяли Темирбаша в кольцо.

— Обыскать!

— Я — безоружен, — сказал Магомет. — Ты хорошо знаешь, Алимурза, что я к тебе сдаваться в плен с оружием не приду.

— С тобой мы поговорим потом.

Когда каратели обыскали Темирбаша, Шакманов приказал связать ему руки, что и было сделано.

Под конвоем Темирбаш был приведен в поселок Мухол.

Этот поселок — родина Магомета. Здесь он родился и вырос, здесь вместе с отцом батрачил у богачей, жил в тяжелой нужде, видел несправедливость князей. Мухол являлся родиной Хажмурата Асанова и Конака Батчаева.

— Надо, чтобы все крестьяне видели связанного Магомета, — сказал старшина Айдоболов Алимурзе Шакманову. — Тогда они пой-

мут, что мы в состоянии усмирить любого головореза.

— Следует усилить охрану, Алимурза,— сказал князь Мисаков.

— Такой, как Магомет, может и из клетки улететь.

— У меня не улетит,— ответил Шакманов.

Весть о том, что Магомет добровольно явился к деникинцам и сдался в плен, чтобы тем самым спасти своих родственников от казни, быстро облетела все крестьянские дворы.

На небольшой сельской площади, куда привезли Темирбаша, собралось много жителей. В основном это были крестьяне-бедняки, с сочувствием относившиеся к Магомету Османову. Они пришли сюда, чтобы увидеть Темирбаша, ободрить его своим присутствием, дать понять ему, что гордятся им, его борьбой, его мужеством, его героизмом.

Были здесь и те, кто считал себя местной знатью: князья, дворяне, кулаки. Они держались отдельно от остальной массы, не скрывая своей радости по поводу того, что Темирбаш — их злейший враг — находился в руках деникинских властей и был обречен на казнь. Группа вооруженных карателей наблюдала за порядком.

Старшина Таттуко Айдоболов подошел к связанному Магомету и, обращаясь к собравшимся, сказал:

— Жители нашего края в течение некоторого времени жили в беспокойстве от разбойничьих налетов скрывшихся в горах большевиков-бандитов. Особой жестокостью отличался среди них Магомет, сын Мусы Османова. Для него убить человека — что раздавить

червяка. Он стал опаснее хищного зверя. По просьбе населения власти приняли все меры, чтобы поймать и наказать этого гнусного убийцу. Как видите, Магомет пойман. Он будет предан суду и понесет должное наказание за свои преступления. Любые действия, направленные против существующих порядков,— продолжал старшина,— являются противозаконными, а потому будут пресекаться силой. Ни один преступник не уйдет от наказания.

— Верно,— прервал его Темирбаш,— ни один преступник не уйдет от наказания. Только это и правда из того, что ты сказал, Таттуко.

— Молчать!— рявкнул Шакманов.

— Молчать карахалку нельзя,— громко продолжал Темирбаш. — Настоящие преступники — это князья, обирающие народ, это деникинские каратели, затопившие Балкарию кровью невинных людей. И эти преступники получают по заслугам! Советская власть вернется!

— Заткните ему глотку и уведите,— приказал карателям Шакманов.

Деникинцы бросились на Магомета, зажали ему рот и поволокли во двор сельского правления. В толпе крестьян раздались голоса протеста. Каратели вскинули винтовки. Князь Мисаков, чтобы разрядить обстановку на площади, поднял руку и громко сказал:

— Сельчане! Мы здесь собрались не для того, чтобы судить Магомета. И самосуда мы тоже не допустим. Судить его будет военно-полевой суд. Возвращайтесь с миром в свои дома. Да будет над нами воля аллаха.

Темирбáша привели во двор сельского правления, откуда час назад были освобождены родственники Османова. Стражники связали ему ноги и стали избивать плетью. Магомет со связанными руками и ногами сопротивляться не мог. Он прижимал к земле лицо, чтобы спрятать его от жгучих ударов, но стражники опрокидывали его на спину и снова хлестали. Избитого, с изуродованным лицом, в изорванной одежде, Темирбаша приволокли в старый сарай, привязали спиной к столбу и так поддерживали до утра. Мучительна была эта ночь для Магомета. Утром ему развязали ноги и выволокли из сарая. Князя Мисаков, Айдоболов и Шакмапов под усиленной охраной повели Магомета в Нальчик, к Даутокову-Серебрякову. Привязанный концом длинной веревки к седлу одного из карателей, Темирбаш шел, с трудом передвигая ноги. Идти было тяжело, невыносимо мучила жажда.

Всю дорогу не покидало Мисакова и Айдоболова чувство страха перед Магометом Османовым. Навязчивая мысль, что Темирбаш убежит, не давала князьям покоя. Он был страшен им и безоружный, со связанными руками.

— Как думаешь,— обратился Айдоболов к Мисакову,— доставим Магомета в Нальчик?

— Если не сбежит; думаю, доставим.

— А не покончить ли с ним здесь? До Нальчика еще далеко, мало что может случиться в дороге.

— Откровенно говоря,— сказал Мисаков,— я тоже думаю, что будет лучше, если мы освободимся от него сейчас. — С этим предложе-

нием согласился и командир карателей Шакманов.

В это время они подошли к Голубому озеру. Темирбаш смотрел на его голубую безмятежную гладь, на красоту окружавшей озеро местности и думал о том, что если он погибнет, если ему не удастся снова сесть на коня и биться с врагом, то все же он успел кое-что сделать в борьбе за счастье карахалка.

Князя Мисаков, Айдоболов и Шакманов, посоветовавшись, решили утопить Темирбаша в Голубом озере.

— Он будет мертвецом без могилы,— сказал Шакманов и отдал карателям приказ сбросить Магомета в озеро. Но Темирбаш не стал «мертвецом без могилы». И помог ему в этом мулла Мокаев.

Большая часть мусульманского духовенства поддерживала кровавый деникинский режим и с помощью корана пыталась подчинить карахалк белогвардейским властям. Но некоторые муллы, видя, какое страшное разорение несут их родным селениям деникинцы, какому поруганию они предают захваченную землю, стали выступать против зверств и насилий белогвардейцев. А отдельные из них ушли в партизаны. Известны случаи, когда по приказу Даутокова-Серебрякова «красные муллы», как прозвали тех мулл, которые выступали против деникинцев, были публично казнены.

В то время, когда каратели Шакманова привязывали к шее Темирбаша тяжелый камень, чтобы утопить его в Голубом озере, по тропе, опираясь на тяжелую кизилковую палку, к берегу подошел мулла Хаджимурза Мокаев.

Он поздоровался с князьями и спросил, что происходит. Узнав, какая участь ожидает Магомета, он покачал головой и сказал:

— Не гневите аллаха, правоверные, не мутите чистую воду озера телом грешника. Всякий человек заслуживает того, что ему посылает аллах.

Князья не ожидали такого поворота дела. «Шайтан принес этого муллу, — сказал про себя Шакманов, — придется отсрочить казнь». Мисакову и Айдоболу не хотелось спорить с муллой, и они согласились с его мнением.

— Пусть путь ваш будет легким. Да поможет вам аллах, — сказал мулла и медленно удалился.

— Может быть, это и к лучшему, князь, — сказал Айдоболов, обращаясь к Мисакову. — У нас с тобой законное желание быстрее освободиться от Магомета. Но если мы не доставим его в Нальчик живым — не будет выполнен приказ твоего зятя Заурбека. Он найдет не одно средство, чтобы показать свое неудовольствие нашим поведением.

— Откровенно говоря, — заметил Мисаков, — если мы избавимся в пути от Магомета, Заурбек не постесняется в выражениях и назовет нас коркакла *

В нескольких верстах от Голубого озера Темирбаш, обессиленный голодом, тяжелой длинной дорогой, лег на землю и заявил, что дальше пешком не пойдет. Ему развязали руки, заломили их за спину и снова связали.

— Так-то будет спокойнее, — сказал Айдоболов, наклонившись к Мисакову.

* *Коркак* — трус (по-балкарски).

— Спокойней будет тогда, когда мы вот так же заломим руки всему карахалку,— ответил Мисаков.

По распоряжению командира карателей Шакманова всадник Маштай Созаев посадил Темирбáша на лошадь позади себя.

Маштай Созаев, простой крестьянин-бедняк, насильно мобилизованный в белогвардейскую армию, много слышал о Темирбáше и хорошо знал отношение к нему трудовых горцев. Симпатии его были на стороне Магомета, но он не видел никакой возможности помочь ему.

Незаметно для ехавших впереди и позади него карателей, Созаев тихо спросил Темирбáша:

— Как помочь тебе?

Магомет, помедлив, огляделся. Справа — круча, слева — густой лес. Наклонившись к уху Созаева, он прошептал:

— Слушай, я ударю тебя головой, ты свалишься с лошади, а я постараюсь бежать.

Бежать... Не так-то легко было это сделать человеку со связанными руками, под охраной вооруженных деникинцев. Лес, такой желанный, густой, но сейчас даже он не мог спрятать Темирбáша ни от глаз, ни от пуль карателей, и все же Магомет решился. Это был отчаянный шаг.

— Беги,— тихо сказал Магомету Созаев.

Удар был несильный, но Маштай рухнул с седла как подкошенный. Темирбаш, натываясь на колючие кусты, ломая ветки, царапая лицо и тело, кубарем скатился вниз. Подняться было трудно. Тяжело дыша, напрягая все свои силы, он встал и бросился в густые заросли. Белогвардейцы открыли по беглецу беспоря-

дочную стрельбу. Разросшиеся кусты поглотили Темирбáша, и каратели даже не могли определить, в какую сторону он бежал.

Алимурза Шакманов подскочил к Маштаю Созаеву и ударил его в лицо.

— Это ты, большевистский лазутчик, отпустил его. Так вот тебе за это, получай. — Он выхватил револьвер и дважды выстрелил в Маштая.

— Спуститесь вниз,— приказал деникинцам князь Айдоболов,— Магомет не мог уйти далеко. Скорее всего, прыгая с кручи, он сломал себе шею. Ищите его труп.

— От Магомета живого до трупа — расстояние слишком большое, Таттуко,— сказал князь Мисаков.— Ты знаешь, что он очень живуч. Надо искать живого Магомета.

Темирбаш бежал, падал, поднимался и снова бежал, словно в беспамятстве. Через некоторое время он вышел к берегу реки Хиеу и остановился. Все тело ныло от усталости. Лицо, исцарапанное в кровь, горело. Кружилась голова. Хотелось пить. Связанные за спиной руки болели: веревки впились в кожу, натерли ее до крови. Магомет лег на землю и большими глотками стал пить холодную воду горной реки. Пил он жадно и долго. Потом несколько раз окунул разгоряченную голову в воду. Это его освежило.

Тщетно пытался Темирбаш освободить связанные руки. Развязать веревку было невозможно. Он тер ее об острые камни, в кровь исцарапал руки, но веревка была крепкой и не поддавалась. Убедившись, что самому отпут не освободиться, Магомет решил прибегнуть к помощи. Он пошел по берегу реки,

надеясь увидеть кого-либо из крестьян близлежащего селения Догужоково *. Но на берегу не было ни души. Темирбаш мучил голод. Он повернул в сторону леса, выискивая жадными глазами съедобные растения. На небольшой поляне Магомет обнаружил дикий щавель. Став на колени, он зубами откусывал продолговатые кислые листья, жевал стебли. С наступлением темноты, усталый и обессиленный, свалился под деревом и, уткнувшись лицом в траву, уснул.

Проснулся Темирбаш на заре, сел. В лесу было прохладно и свежо.

В голубом просвете между ветвями дерева Темирбаш увидел парящего орла. Казалось, что птица с распростертыми крыльями повисла в воздухе.

«Эх, мне б такие крылья», — с завистью подумал Темирбаш, залюбовавшись полетом орла. Он с силой рванул за спиной руки, но освободить их ему не удалось. Магомет вскочил на ноги. «Надо как можно быстрее освободиться от этих проклятых пут», — сказал он себе и снова пошел в сторону реки.

На берегу паслось несколько коров. Около них на камне сидел пастух — мальчишка лет двенадцати. Темирбаш остановился. Оглянувшись вокруг и убедившись, что мальчишка один, он медленно направился к нему. Пастух сидел на камне и жевал кукурузную лепешку. Услышав шаги, он повернулся и застыл в ужасе. Вид Магомета испугал бы и взрослого. Его худое, заросшее черной щетиной лицо было обезображено багровыми полосами,

* Ныне селение Аушигер.

одежда свисала клочьями. Руки он держал за спиной. Пастух вскочил на ноги и бросился бежать.

— Стой, не бойся! — крикнул Магомет. — Стой, говорю. Я тебя не трону. Если не остановишься, догоню и поколочу. Слышишь? Остановись!

Мальчик оглянулся. Увидев, что за ним не гонятся, он остановился.

— Подойди и не бойся. Я же не зверь, — громко сказал Магомет. — Упал я и поцарапал лицо. Подходи.

— Что ты за спиной держишь? — боязливо спросил пастух.

— Ничего не держу. Руки у меня связаны. — Темирбаш повернулся к нему спиной. — Видишь? Помоги развязать.

Пастух медленно стал подходить к Магомету.

— Бить не будешь?

— Нет, — ответил Темирбаш. — А что, тебя часто бьют?

— Нет.

Увидев у пастуха под глазом синяк, Магомет спросил:

— А это кто тебя?

— Никто. — Пастух подошел к Темирбашу и попытался развязать веревку.

— Нож есть? — спросил Магомет.

— Есть.

— Разрежь ножом. Узел такой, что не развяжешь.

Мальчик перерезал веревку. Темирбаш медленно поднял затекшие руки и почувствовал себя так, будто вырвался из железной клетки. Даже дышать стало легче, и жизнь показав-

лась ему не такой уж тяжелой и суровой.

— А я знаю, кто связал тебе руки,— сказал пастух.

— Откуда ты можешь знать?

— Вчера повстречались мне беляки и стали спрашивать: не видел ли я человека со связанными руками.

— А что же ты ответил?

— Я сказал, что не видел. А они не поверили. Сказали, что я вру, не хочу выдать большевика. — Глаза у пастуха стали грустными. — Потом они били меня, — сказал он, глядя в сторону.

— Значит, тебе из-за меня досталось?

Пастух озорно улыбнулся:

— Я бы увидел — не сказал.

Он достал из небольшого мешочка кукурузную лепешку и протянул Магомету.

— На, поешь. Ты, наверное, голоден.

— Спасибо. Ты хороший парень.

Темирбаш взял лепешку, съел ее всю, не успев и ощутить ни сладковатого привкуса кукурузы, ни исходившего от нее запаха дыма.

— А если тебя вновь белые спросят обо мне, что ты им скажешь? — спросил он.

— А что сказать?

— Скажи, что видел человека со связанными руками. Ушел в лес за селение Догужоково. Хорошо?

— Ладно. Я так и скажу. Только ты не встречайся с князем Алимурзой. Он очень плохой человек. Это он бил меня.

— Ничего. Он сполна получит за все. Прощай.

— Прощай.

Магомет Османов снова был на свободе.

Вскоре он добыл себе оружие, коня, и вновь совершал свои дерзкие нападения на деникинцев, мстя врагу за поруганную землю родной Балкарнии.

Глубоко опечалился Темирбаш, узнав о гибели Маштая Созаева. Он поклялся отомстить убийце за смерть человека, который ценой собственной жизни помог ему вырваться из рук врагов.

Несколько раз подстерегал Магомет на горной дороге Алимурзу Шакманова. Но князь, то ли боясь мести Магомета, то ли по другой причине, не появлялся.

— Что ж,— сказал Темирбаш,— если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе.

Жарким летним днем Магомет Османов въехал в селение Белая Речка. Кривая сельская улица дышала зноем и была пустынна. Невдалеке от княжеского дома Магомет спешился. У старого карагача, оставив коня на привязи, пересек улицу и через несколько шагов оказался у высоких ворот дома Алимурзы Шакманова. Княжеский двор был огорожен высоким каменным забором. Темирбаш не знал, у себя ли Шакманов, но считал, что в такую жару князь навряд ли покинет прохладу своего дома. Магомет оглядел улицу. Никого. Быстро перелез через каменный забор и, очутившись под большим ореховым деревом, двинулся в сторону княжеского дома. Огромная кавказская овчарка преградила ему дорогу. Лай собаки мог предупредить Шакманова об опасности. Этого нельзя было допустить. Овчарка ощерилась и, зарычав, бросилась на Магомета. Борьба была короткой. Два смертельных удара кинжалом, и со-

бака осталась лежать на земле. Магомет вошел в дом и очутился в небольшой светлой комнате. В ней никого не было. Открыл дверь, шагнул в смежную комнату и оказался лицом к лицу с Шакмановым. Алимурза, увидев в руке Темирбаша окровавленный кинжал, отпрянул в сторону.

— Не ожидал, князь? — Магомет с усмешкой смотрел в узкие глаза Шакманова. — Вот и довелось встретиться с тобой. Думаю, что в последний раз.

— Что тебе надо? — хрипло спросил Шакманов.

— Твое имя с проклятием произносят в каждом балкарском селении. Услышав его, дети от страха плачут. Много крови безвинных людей на твоей черной совести, шакал. Ты не забыл, как разрядил в Маштая Созаева свой револьвер? А как издевался надо мной? Тебе очень хотелось видеть меня болтающимся на веревке между небом и землей. Но этого удовольствия ты не получил. Буду краток: я пришел, чтобы уменьшить род тиранов Шакмановых на одну голову.

Алимурза стоял бледный, не спуская глаз с кинжала, который держал Темирбаш. Он понимал, что жизнь его висит на волоске и через минуту этот волосок может быть оборван. Он лихорадочно думал, пытаясь найти выход из, казалось бы, безвыходного положения. «Ишак! Даже кинжал не надел на пояс», — мелькнуло в голове.

За его спиной на узорчатом ковре висела винтовка, рядом с нею — кривая турецкая сабля и кинжал. Кинуться к стене, схватить с ковра саблю — было делом нескольких

мгновений. Но Шакманов понимал, что Темирбаш в эти считанные мгновения успеет вытащить из-за пояса револьвер и послать в него пулю.

— Магомет,— выдавил из себя Алимурза,— я не трус. Если нужно будет умереть, я смогу умереть, как мужчина. Но умирать я не хочу. Ты нанес нам немалый урон. Я вел борьбу с большевиками. Давай считать, что мы квиты.

— Квиты, говоришь? — Темирбаш усмехнулся. — А ты сам веришь в то, что мы квиты?

— Я предлагаю тебе мир и клянусь: по моей вине ни один волос не упадет с головы приверженцев большевизма.

— По твоей вине теперь действительно ни один человек не будет загублен. А то, что мы квиты, князь,— это твой предсмертный бред.

— Слушай, Магомет, я богат. У меня имеются драгоценности. Я отдам их тебе. Делай с ними, что хочешь. Ты молод, у тебя жизнь впереди, будешь жить в богатстве...

— Купить хочешь, собака? — Глаза Темирбаша гневно сверкнули.

— Не купить, а поделиться тем, что имею. Я дело говорю, Магомет. Подумай. А если тебе уж очень нужна моя жизнь, что ж — можешь меня убить. Ты вооружен, у меня на поясе и кинжала нет. У нас в горах ни один мужчина, если он не трус, не поднимет руку на безоружного человека.

— Поэтому, наверное, ты, мужчина, хотел бросить меня связанного, с камнем на шее, в озеро. И карателям своим приказывал вешать безоружных крестьян в селениях тоже потому, что ты мужчина, а не трус. Не так ли? А сколько девушек, ты, собака, опозорил?!

Магомет угрожающе двинулся на Шакманова. Князь по-бычьи пригнул голову, стал медленно отходить назад. Вдруг он рванулся к стене, и в его руке оказалась кривая сабля. Но воспользоваться ею он не успел.

— Получай, князь! — бросил сквозь зубы Темирбаш и ударил Шакманова кинжалом в грудь.

Во дворе Магомет огляделся по сторонам и подошел к мертвой собаке. Она лежала у порога княжеского дома, уткнувшись мордой в большую лужу крови.

— Жаль мне, пес, тебя, — с грустью сказал Темирбаш. — Пастухам ты был бы верным другом. Но князь сделал тебя своим телохранителем. А теперь нет ни тебя, ни твоего хозяина. Но тебя мне жаль.

На улицу Магомет вышел через калитку. У старого карагача отвязал коня, похлопал его по лоснящейся шее и тихо сказал:

— На две собаки в Балкарии стало меньше. — Поправил папаху и легко вскочил в седло.

* * *

Деникинские власти, захватив Кабарду и Балкарию, начали восстанавливать в округе порядки царского времени. Начальник Нальчикского округа потребовал от назначенных в селения старшин взыскать с крестьян недоимки прошлых лет. В предписании старшине селения Догужоково князю Бекмурзе Трамову говорилось: «За обществом вверенного Вам села числится недоимок за 1915 и 1916 гг... оброчной подати, военного налога, подесятинно-

го сбора за горные пастбища...» Старшине предлагалось «не позже двухнедельного срока взыскать с общества» недоимки. Хорошо зная о враждебном отношении крестьянских масс к денкинскому режиму, начальник округа указывал, что в случае отказа крестьян от «взноса недоимок» они «будут мною взысканы принудительными мерами, вплоть до применения вооруженной силы включительно». Старшине Бекмурзе Трамову не пришлось обращаться к окружной власти за вооруженной силой. Сельские стражники по указанию старшины ходили по дворам и, угрожая оружием, забирали за счет недоимок все, что считали нужным. Это был узаконенный грабеж сельской бедноты, и без того влачившей жалкое существование.

Вряд ли можно было найти в Кабарде и Балкарии сельского старшину, более деспотичного и самовластного, чем князь Бекмурза Трамов. Жестоко расправлялся князь с неугодными ему людьми, с теми, кто не подчинялся его злой воле, не исполнял его малейшей прихоти. Особую жестокость проявлял Трамов к семьям партизан. По его приказу стражники зверски избили крестьянку Дису Битокову за то, что ее муж Муса и сыновья Магомет-Мурза и Жуко ушли в партизаны и воевали с белогвардейцами. Через несколько дней Диса скончалась. Прихвостнями Трамova была замучена ее семнадцатилетняя дочь — красавица Муслимат, а младший сын Темир, после того, как его схватили стражники Трамova, исчез бесследно. Репрессиям подверглись семьи Тлостановых и Хромовых.

Старшине Трамову было известно, что сы-

новья Жинуса Карданова Махмуд и Эльдар в составе революционного отряда Назира Катханова участвовали в боях против Даутокова-Серебрякова. А еще раньше, весной 1918 года, Махмуд, будучи председателем сельского народного Совета в Догужоково, руководил конфискацией земли у крупных землевладельцев и раздавал ее крестьянской бедноте. Далеко находились от родного селения сыновья Жинуса Карданова. Не мог достать их старшина Трамов. Но отца партизан ему удалось схватить. Два дня глумились над Жинусом стражники старшины. А на третий день Трамов приказал привести Карданова на площадь и здесь, в центре селения, повесить как «пособника большевиков» и отца партизан. Но казнь на сельской площади не состоялась. Жинус Карданов был мертв. Он лежал во дворе сельского правления, исполосованный нагайками, с проломленным черепом.

— Каждый большевик, пойманный в Догужоково, будет повешен на самом высоком дереве,— нагло заявил Трамов на сельском сходе. — Те из жителей, кто будет скрывать их у себя или оказывать им помощь, найдут свою смерть вместе с ними. Это я вам говорю, старшина Трамов. А я, как вам известно, слов на ветер не бросаю.

Узнав о зверствах князя Трамова, Темирбаш сказал своему другу партизану Хамштаку Жабоеву, жителю селения Догужоково, скрывавшемуся в лесу от белогвардейцев:

— Когда человек сеет на земле смерть и горе, значит, он озверел. А зверя надо уничтожать. Поможешь?

— С большой охотой, Магомет.

Убийство Шакманова средь бела дня переполошило сельских старшин. Никто не знал, кто убил князя. Но было ясно, что убийство совершено не с целью грабежа. Окружная власть предписала всем старшинам принять экстренные меры по розыску убийц Шакманова, а также по поддержанию «надлежащего порядка на дорогах и в самих селениях округа».

Темирбашу стало известно, что стражники усилили охрану селений, чаще появляются на дорогах, устраивают засады, прочесывают лес.

Чтобы избежать возможной встречи со стражниками, Магомет и Хамштак решили проникнуть в Догужоково вечером, под покровом темноты. Сначала они ехали лесом. Недалеко от селения выбрались на горбатую проселочную дорогу.

В черном южном небе ярко горели звезды. Со стороны селения уже доносился собачий лай, когда перед партизанами вдруг выросло несколько всадников.

— Что за люди? — раздался громкий голос.

Темирбаш понял, что это стражники Трамова. С ответом медлить было нельзя.

— Салам аллейкум, — приветствовал он стражников.

— Аллейкум салам, — раздалось в ответ.

— Мы от князя Мисакова. Спешим к князю Трамову.

— Вас проводят, — сказал старший стражник. — Хакяша, проводи людей князя Мисакова к старшине.

От группы стражников отделилась фигура всадника. Темирбаш и Жабоев последовали за ней.

Некоторое время ехали молча.

— Слушай,— обратился к стражнику Темирбаш,— как у вас здесь, спокойно?

— Всякое бывает,— ответил стражник.

— А Магомет, сын Мусы, не появлялся в Догужоково?

— Мы давно его ищем, но поймать Магомета — дело очень трудное.

— Хабар ходит, что убили Магомета в районе Догужоково. Верно это?

— Враки. Его никто и не видел. Наш старшина поклялся отдать свой кинжал, отделанный золотом, тому, кто принесет ему голову Магомета.

— Щедрый ваш старшина. Но князь Мисаков щедрее. Он пообещал отдать своего лучшего коня лишь за одно ухо Магомета.

— За одно ухо? — недоверчиво спросил стражник.

— Да, за одно ухо. А что?

— Да если Магомет попадется к нам в руки, так не ухо, а голову лучше ему отрубить.

— Для кого лучше?

— Не для него, конечно, а для нас.

— Да, ты прав. Тогда можно заработать и хорошего скакуна получить.

— Как так?

— А так. С отрубленной головы Магомета отрежешь одно ухо и отвезешь князю Мисакову. В награду получишь коня. Голову отвезешь князю Трамову, тот отдаст тебе свой кинжал.

— Да-а,— протянул стражник,— было бы неплохо. А как князь Мисаков узнает, что это ухо Магомета?

— А очень просто. У него на левом ухе большая бородавка торчит. Другой такой бородавки не сыщешь ни в одном селении.

— Примета хорошая,— захихикал стражник. — Никуда не денется.

— Верно, никуда не денется. По этой примете его легко опознать.

— Клянусь, опознаем.

— Ну, тогда считай, что кинжал старшины Трамова у тебя на поясе, а лучший конь князя Хаджимурзы — в твоём дворе.

— Ты, я вижу, добрый человек. А кто ты будешь?

— Я — племянник князя Хаджимурзы Мисакова, а он,— Темирбаш указал на ехавшего рядом Хамштака,— мой родственник. Важное поручение у нас к вашему старшине от Хаджимурзы.

Он доверительно наклонился к стражнику и громким шепотом сказал:

— Большевики наступают. У них огромная армия. Много пушек и пулеметов. Говорят, уже вступили в Кабарду.

— Ну?

— Да.

— Что же будет? — с тревогой в голосе спросил стражник.

— Не знаю.

— Плохой хабар принес ты, очень плохой,— голос стражника потускнел. — А что наши думают делать?

— Откуда же мне знать? Говорят, в тех местах, куда красные вступили, они ловят всех старшин и стражников. Если узнают, что какой-то стражник вернул крестьянам то, что у них забрал, говорят, таких стражников не

расстреливают, а так,— Магомет сделал неопределенный жест.

— Что так? — спросил стражник, внимательно слушавший Темирбаша.

— А так: дают пять ударов по мягкому месту и отпускают. А остальных собирают и отправляют.

— Куда отправляют?

— В Германию.

— В Германию? Зачем это в Германию?

— А там, говорят, когда война германская была, ни одной лошади не осталось.

— Ну и что?

— Как что?

— Да лошадь причем тут? И зачем это большевикам наших людей отправлять в Германию?

— Менять будут.

— Менять? Что-то не пойму. Зачем менять да и на кого менять?

— Точно не знаю. Но говорят, в Германии пахать не на чем.

Стражник резко остановил коня.

— Так что ж, на наших людях германцы пахать будут? Так, что ли?

— Не на всех, конечно. Ездить им тоже на чем-то надо, если коней совсем нет. Говорят, немцы уже хомуты готовят.

Глаза Темирбаша весело смеялись. Но серьезный доверительный тон его не вызывал у стражника сомнений в правдивости слов «племянника» Мисакова. Хамштак Жабоев, зажав ладонью рот, с трудом сдерживал душивший его смех.

— Что стал? Поехали,— громко сказал Темирбаш стражнику. — Время дорого.

— Да,— проговорил мрачно стражник, трогаясь с места,— кому-то оно и дорого, а кому и нет.

— Бежать надо,— сказал Темирбаш.

— Легко сказать — бежать. А куда?

«Боятся белогвардейские шакалы народного гнева,— подумал Магомет. — Это очень хорошо. Они его скоро почувствуют».

Стражник ехал угрюмый и мрачный. Сообщение Темирбаша о наступлении Красной Армии, которого в действительности не было, и выдумка о том, что большевики будут отправлять старшин и стражников в Германию, повергли его в паническое состояние.

Уж очень много было черных дел на его совести и на совести других стражников, выполнявших волю старшины Трамова. Деникинские прихвостни знали, что в случае восстановления Советской власти в Кабарде и Балкарии, они понесут заслуженное наказание за все свои преступления.

В Догужоково Темирбаш, Хамштак и сопровождавший их стражник въехали молча. Сельская улица была пустынна. За кривыми плетнями в глубине дворов стояли, настороженно притаившись в лунном свете, саманные дома крестьян. Заслышав цокот конских копыт, из подворотен на разные голоса тревожно залаяли собаки.

— Вот дом князя Бекмурзы,— сказал глуховатым голосом стражник, остановившись. Он слез с коня и постучал в высокие, крепко сколоченные ворота.

— Кто там? — раздался старческий голос.

— Отвори, Ахмет, это я — Хакяша,— отве-

тил стражник. — Люди князя Хаджимурзы Мисакова к старшине приехали.

— Сейчас отворю. — Прошло несколько минут, прежде чем человек, которого стражник назвал Ахметом, открыл калитку.

— Проводи их к князю, — сказал стражник. — У них важное дело к нему. — Затем он сел на коня и, не попрощавшись, ускакал.

Старик отворил ворота. Темирбаш и Жабоев спешили и, ведя на поводу коней, вошли во двор.

— Салам аллейкум, — приветствовали они старика.

— Аллейкум салам, — ответил тот. Огромным засовом он запер ворота и, подойдя к Темирбашу, сказал:

— Князя нет, но он скоро будет.

— А где князь? — спросил Магомет. — У меня срочное дело к нему.

— Не знаю. Но он скоро вернется. Заходите в дом. Лошадей я покормлю.

В это время с улицы послышался цокот копыт. Несколько всадников с шумом подъехало к воротам. Раздался нестройный залп. Темирбаш и Жабоев выхватили револьверы.

— Князь вернулся. С почестями его к дому провожают, — сказал старый слуга и засеменил к воротам.

— Завтра будут другие почести, — шепнул Жабоеву Темирбаш.

Старшина Бекмурза Трамов въехал во двор. Оставив коня старику, он подошел к Магомету и Жабоеву.

— Кто такие?

Темирбаш видел Трамова впервые. Князь был в серой черкеске с белыми газырями и в

коричневой каракулевой шапке. На поясе у него висел кинжал, на правом боку — револьвер.

— Ты не очень учтив, князь,— сказал Темирбаш.

— Учтивостью плетень не подопрешь.— В лицо Магомета ударил винный запах.— Кто такие, хочу я знать?— спросил Трамов, пощелкивая плетью по голенищу сапога.

— Гостеприимством ты тоже не отличаешься,— сказал Темирбаш.— Я послан к тебе князем Хаджимурзой Мисаковым по важному делу.

Услышав имя Мисакова, Трамов молча проводил Магомета в дом. По знаку Темирбаша Хамштак Жабоев остался во дворе.

«Зачем понадобилось Хаджимурзе, на ночь глядя, посылать ко мне этого дерзкого человека?»— подумал Трамов.

Комната, в которую вошел Темирбаш, была убрана коврами. Свет большой керосиновой лампы окрашивал ее в желтый цвет.

— Это верно, князь, что ты обещал за голову Магомета, сына Мусы, отдать свой золотой кинжал? — спросил Темирбаш.

— Не ты ли хочешь его получить? — На губах Трамова мелькнула презрительная усмешка.

— Если кинжал стоит головы Магомета,— почему бы и не получить его? Нельзя ли на него взглянуть?

— Можно,— сказал Трамов,— но прежде я должен взглянуть на голову Магомета.

— Ты считаешь, что увидеть голову Магомета так же легко, как твой кинжал?

— Я ничего не считаю. Что хотел сообщить мне князь Хаджимурза?

Темирбаш прошелся по комнате, мысленно определяя, в какой стороне находится женская половина дома и будет ли слышен там выстрел, если он прозвучит здесь, где находились он и Трамов, но определить не смог. Магомет подошел к окну и, повернувшись к старшине, вскинул руку, в которой был зажат револьвер.

— Ни одного лишнего движения, князь,— твердым голосом произнес он. — Хлопну, как зайца.

Длинное лошадиное лицо старшины побледнело. Он в ярости сжал кулаки.

— Кто ты? — спросил он злобно.

— Я Магомет, сын Мусы. Не очень-то дорого ты оценил мою голову, князь.

— Что тебе надо?

— Расплатиться.

— Ты мне ничего не должен.

— Это верно, я тебе ничего не должен. Должник ты.

— Я у тебя ничего не брал.

— У меня лично — нет. А скольких крестьян ты обобрал?

— Я никого не обирал.

— Скольких детей ты сделал сиротами?

— Я не убийца и ты мне не судья.

— Нет, князь, ты — убийца. А судья — карахалк; и он приговорил тебя к смертной казни, а я пришел выполнить его волю.

— Нет! — крикнул Трамов и бросился на Темирбаша. Раздался выстрел. Старшина рухнул у ног Магомета.

— Еще одного тирана не стало,— проговорил Темирбаш и направился к выходу. У двери он задержался. «Оружие оставлять в доме

врага не следует»,— решил Магомет и, подойдя к распростертому на полу телу Трамова, наклонился и снял с пояса князя кинжал и револьвер в кобуре из коричневой кожи.

Когда Темирбаш вышел во двор, к нему быстро подошел Жабоев.

— После выстрела что-то ты задержался, Магомет,— сказал он. — Я даже забеспокоился. Ничего не случилось?

— А что могло случиться? Я задержался, чтобы забрать награду, которую обещал Трамов за мою голову. А где старик?

— Пришлось его связать. Услышал выстрел, выскочил с винтовкой и хотел идти на помощь своему князю. Сильный, шайтан, еле с ним справился.

— А где ты его оставил?

— На конюшне.

— Хорошо. Поехали.

Они отворили ворота и вывели коней на улицу.

— Стой,— сказал Темирбаш. — Кому мы оставляем княжеского скакуна? Сходи за ним, а своего оставь взамен. Пусть не думают, что мы конокрады.

В южном небе по-прежнему ярко горели звезды, когда Магомет и Жабоев покидали селение Догужоково.

Спустя несколько дней Темирбаш узнал, что его пуля для князя оказалась не смертельной. Старшина был лишь тяжело ранен и выжил.

— Никак не пойму, как я мог оплошать,— сокрушался Темирбаш. — Думал, что для него хватит и одной пули.

— Ничего,— успокаивал его Жабоев,— мы еще встретимся с Травовым.

Через некоторое время встреча эта состоялась. Травову не удалось уйти от заслуженной кары. У порога княжеского дома его настиг кинжал Темирбаша.

* * *

В начале 1920 года Красная Армия приступила к освобождению Северного Кавказа от белогвардейщины. Под ударами революционных войск полки Добровольческой армии Деникина, неся большие потери, стали отступать.

24 марта повстанческий отряд под командованием Назира Катханова с боем ворвался в Нальчик. Через несколько дней вся Кабардино-Балкария была очищена от белогвардейцев.

«Без нужды не обнажай клинка, без славы не вкладывай»,— гласит горская пословица. Только тогда, когда на земле Кабардино-Балкарии не осталось ни одного деникинца, клинок Темирбаша прочно и надолго осел в ножах. Магомет Османов стал строить новую жизнь по законам Советской власти.

* * *

1941 год. Немецко-фашистские полчища ринулись на Страну Советов. За свободу и независимость своей Родины, на защиту своего социалистического Отечества поднялись все народы СССР. Началась Великая Отечественная война.

Магомет Османов, у которого годы посереб-

рили виски, добровольцем ушел на фронт. Сражался он в кавалерийской части. Крепко держала рука Темирбаша стальной клинок. Немало фашистских захватчиков нашло свою смерть от этого клинка.

Под Ростовом-на-Дону части Красной Армии вели тяжелые оборонительные бои. Фашистские танки с лязгом утюжили донскую землю. Вражеская авиация днем и ночью бомбила советские войска. Моторизованные гитлеровские дивизии рвались на Кавказ.

В ожесточенном сражении кавалерийская часть, в которой находился Магомет Османов, была разбита. Красные конники рубились отчаянно. Многие из них навсегда остались лежать на пологом берегу Дона. Темирбаш был контужен и попал в плен. Вместе с другими военнопленными его привезли в Германию и бросили за колючую проволоку в концентрационный лагерь. Как клял свою судьбу Магомет, что не оставила она его лежать там, под синим донским небом, рядом с боевыми друзьями, для которых плен не имел уже никакого значения!

Умирать от побоев, голода и изнурительного рабского труда Темирбáшу не хотелось. Он твердо решил бежать, бежать во что бы то ни стало, если даже этот побег будет стоить ему жизни. «Лучше погибнуть на пути к свободе, чем сгинуть в лагере смерти», — сказал себе Магомет.

Вскоре с группой советских военнопленных ему удалось совершить побег. Через несколько месяцев тяжелого, полного опасности пути беглецы оказались в горах Югославии. Здесь бушевало пламя партизанской борьбы. Совер-

шались дерзкие налеты на гарнизоны гитлеровцев, пускались под откос фашистские поезда, взрывались мосты и дороги, устраивались засады... Темирбаш с радостью вступил в один из партизанских отрядов. В далеком и чужом краю, где горы чем-то напоминали Темирбашу Кабардино-Балкарию, он бил врага так же, как бил его на родной советской земле. Опыт партизанской борьбы, приобретенный им в годы гражданской войны у себя на родине, Магомет успешно применял в боях с ненавистными гитлеровцами в горах Югославии.

Советские войска, нанося сокрушительные удары фашистским захватчикам, ворвались в Югославию. Магомет тепло распрощался со своими югославскими друзьями и снова стал воином Советской Армии.

Темирбаш участвовал в штурме Берлина, был ранен, но поля боя не покинул. Здесь, в поверженной столице Германии, он встретил День Победы — 9 мая 1945 года. Через несколько месяцев, демобилизовавшись из армии, он уехал в Киргизию, где временно проживала его семья.

Умер Темирбаш в 1951 году, в селении Благовещенском Сузакского района Джалалабадской области Киргизской ССР.

Спустя шесть лет после смерти Магомета, семья его возвратилась в Кабардино-Балкарию.

Проходят годы. Трудом и волей советского человека преображается земля. Давно исчезли с ее лица следы жестоких битв. Но память народа навсегда сохранила имена героев, чьи

ратные подвиги возвеличили нашу Родину. Таким героем и был Магомет Османов — Темирбаш, что по-балкарски значит Железная Голова.

ПОБЕГ ИЗ ОКРУЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Часовой стоял у ворот окружной тюрьмы и, переминаясь с ноги на ногу, смотрел в сторону реки Нальчик. Там, на ее левом берегу, у самого Атажукинского сада*, раздался ружейный залп. Это белогвардейские каратели без суда и следствия расстреляли двух партизан.

Ротмистру Даутокову-Серебрякову — начальнику гарнизона и помощнику по военной части так называемого «правителя» Кабарды и Балкарии Бековича-Черкасского достаточно было сказать «виновен», как очередную жертву вели к реке и здесь расстреливали.

На виселицах, сооруженных деникинцами в Нальчике, по нескольку дней висели тела казненных большевиков для устрашения жителей города.

За всю свою столетнюю историю Нальчик** не видел столько крови, не испытал такого кошмара, как в эти черные дни хозяйничания деникинцев. «Серебряковщина» — так по имени Даутокова-Серебрякова, руководителя массовых зверств и репрессий, трудящиеся окрестили этот жуткий период.

Когда в морозное январское утро 1919 года

* Ныне Нальчикский парк культуры и отдыха.

** Нальчик основан 1818 году.

белогвардейские войска ворвались в Нальчик, один из белоказачьих офицеров явился к Даутокову-Серебрякову и попросил разрешения «удалым» всадникам немножко «погулять».

— Гуляйте,— разрешил ротмистр, опьяненный победой.

И деникинцы стали «гулять». Они врывались в дома жителей, угрожая оружием, уносили все, что попадалось на глаза, бесчинствовали, глумились над людьми. В несколько дней они ограбили и обобрали все трудовое население Нальчика.

Ротмистр Даутоков-Серебряков направил всем военным и административным учреждениям, участковым начальникам и сельским старшинам приказ, в котором требовал «лиц, причастных к большевизму, препровождать в Нальчикскую тюрьму». В Нальчике и в селениях округа начался белый террор. На дорогах рыскали отряды карателей. В селениях деникинцы дотла сжигали дома партизан. Всех, кого белогвардейцы считали сторонниками Советской власти, привозили в Нальчик и бросали в тюрьму.

Нальчикская окружная тюрьма находилась на юго-западной окраине города, недалеко от Атажукинского сада. Территория ее была огорожена высокой каменной стеной. Здание тюрьмы было расположено в глубине квадратного двора. Ворота выходили на немощеную грязную улицу, которая называлась Тюремной *

Арестанты содержались в двух больших камерах. В одной из них находились политиче-

* Ныне улица им. Инессы Арманд.

ские заключенные, в другой — уголовники. Две крохотные камеры-одиночки (их сами тюремщики называли каменными бурдюками) никогда не пустовали. В тюрьме имелось помещение, в котором деникинцы вели допросы. Здесь заплечных дел мастера применяли пытки, старались вырвать у арестованных показания.

Камера для политических заключенных была переполнена. Рассчитанная на сорок арестантов, она держала в своих каменных стенах более ста семидесяти человек. Посреди камеры в два ряда стояли голые деревянные нары. На нарах и под ними, прямо на грязном цементном полу, ночью арестанты спали. Днем лечь запрещалось. Исключение делалось лишь для больных.

Четыре небольших окошка, схваченные решетками, пропускали слишком мало света, и в камере всегда было сумрачно. В углу, недалеко от двери, стояла параша. От тяжелого спертых воздуха заключенные задыхались. По существовавшему в тюрьме распорядку арестантов ежедневно группами выводили во двор на часовую прогулку. Лишь в эти короткие минуты прогулок они имели возможность почувствовать свежесть чистого воздуха, чтобы потом снова, в течение двадцати трех часов дышать тошнотворным зловонием камеры.

Среди заключенных было много больных. Когда арестанты потребовали у начальника тюрьмы Мальчевского изолировать больных и оказать им медицинскую помощь, тот издевательски ответил:

— Тюрьма не гостиница, милейшие. Если больные протянут ноги раньше, чем мы об

этом позаботимся, то они сделают доброе дело для остальных арестантов: в камере станет не так тесно и зловония будет поменьше. А о медицине забудьте, она для вас не существует.

Из окружной тюрьмы политических заключенных часто уводили на допрос в белогвардейскую контрразведку, а нередко уводили на казнь.

Через несколько дней после вступления белогвардейских войск в Нальчик Даутокову-Серебрякову доложили, что схвачен Талиб Уначев — заместитель председателя Нальчикского окружного Совдепа.

Вскоре Уначев стоял перед помощником «правителя». У Талиба было открытое лицо, какое бывает у людей с прямым характером, решительных и уверенных в своих силах. Голова его была перевязана серой тряпкой, на которой алело большое пятно. Такая же повязка со следами крови прикрывала его левую руку. Ротмистр отпустил конвой и, придвинув к Уначеву стул, сказал:

— Не думал я, Талиб, что мы встретимся при таких обстоятельствах. Но все равно я рад тебя видеть живым, хотя и не очень здоровым.

Уначев поднял голову. Глаза в темных орбитах смотрели на ротмистра спокойно и равнодушно.

— Тебе повезло, Талиб. Не попади ты ко мне — наши головорезы живо отправили бы тебя на тот свет. Благодарю аллаха, что этого не случилось. Я позабочусь о тебе, и ты скоро поправишься.

Даутоков-Серебряков вызвал главного врача дивизионного лазарета Друцкого.

— Марк,— обратился к нему ротмистр,— с этим человеком мы вместе воевали на германском фронте. Когда в одной из кавалерийских стычек я был ранен, он, рискуя собой, вынес меня с поля боя. С тех пор я у него в долгу. У русских есть поговорка: долг платежом красен. Так вот, сегодня я хочу отдать ему этот долг. Он ранен и нуждается в медицинской помощи, Марк. Сделайте все, чтобы он в скором времени забыл о своих ранах.

Талиба Уначева поместили в дивизионный лазарет, приставили охрану.

Через несколько дней Уначев снова оказался в кабинете помощника «правителя».

— Главный дивизионный врач сообщил мне, что раны твои заживают,— сказал Даутоков-Серебряков,— и тебя скоро выпишут из лазарета. Это хорошо. Я со своей стороны задерживать тебя, моего однополчанина, не стану, и ты получишь полную свободу. А пока, Талиб, у меня к тебе два-три вопроса, на которые я б хотел, чтобы ты ответил.

Даутоков-Серебряков прошелся по кабинету, достал портсигар и, подойдя к Уначеву, предложил:

— Закуривай.

Талиб молча отказался. «Молчит и в прошлый раз молчал. Развязать такому язык нелегко»,— отметил про себя ротмистр. Придвинул стул, сел напротив.

— Скажи, Талиб, куда скрылся Бетал Калмыков?

— Не знаю,— ответил Уначев, немного помедлив.

— А другие большевики?

— Тоже не знаю.

— А кто из них остался в Нальчике?

Талиб пожал плечами:

— Не знаю.

— Предположим, что все это ты не знаешь. Ладно. Но где проживают семьи членов Совдепа, ты должен знать. Или тоже не знаешь?

— Семьи членов Совдепа — это женщины и дети. Они для кого-нибудь представляют опасность? — Ротмистр уловил иронию, но не обратил на нее внимания.

— Нет, опасности они не представляют. Но их местонахождение мне хотелось бы узнать. Поэтому я прошу тебя сообщить, где они находятся.

— Этого я тоже не знаю.

Даутоков-Серебряков нахмурил брови.

— Мне не нравится, Талиб, что у тебя на все мои вопросы один и тот же ответ. Ведь я разговариваю с тобой не как с пленным большевиком, а как со своим однополчанином.

— Моему однополчанину что — очень важно знать, где находятся дети членов Совдепа? Может, мой однополчанин хочет проявить о них заботу?

— Достаточно того, что заботу о них проявлял мой однополчанин, — ответил Даутоков-Серебряков. — И о тебе я проявил немалую заботу. Надо бы это понять.

— Как не понять. Тебе, Заурбек, к твоим наградам за усердие еще бы медаль за благородство, — съязвил Уначев.

Ротмистр с трудом сдержался. «Я бы тебе показал медаль, если б мне не нужны были

сведения, которые ты можешь дать». Даутоков-Серебряков положил ногу на ногу, открыв портсигар, нервно закурил.

— Мы беседуем, как будто швыряем друг в друга камешки,— сказал он, стараясь быть спокойным. — Какая-то детская игра.

— Думаю, что каждый из нас хотел бы превратить эти камешки в каменные глыбы. Ты, Заурбек, это можешь сделать, я, к сожалению, нет.

— Ты плохо обо мне думаешь, Талиб. Если бы у меня были такие мысли, ты знаешь, что я не стал бы тратить время на пустые разговоры. Но довольно об этом. — Ротмистр выдержал небольшую паузу. — Ты все же не ответил на мои вопросы.

— Я ответил. Другого ответа у меня нет.

— Может быть, ты все же подумаешь?

— Нет.

— Ну, что ж. Если другого ответа нет у моего однополчанина, может, он есть у заместителя председателя Нальчикского Совдепа?

— Не думаю.

Даутоков-Серебряков несколько секунд пристально рассматривал бледное, худое лицо своего пленника, надеясь увидеть на этом лице хотя бы тень, если не страха, то волнения, которое, как думал ротмистр, должно было охватить человека, попавшего в его руки.

Уначев не был спокоен. Его тревожила мысль, что оставшиеся в Нальчике семьи членов Совдепа могут быть схвачены деникинцами, и те не пощадят ни детей, ни женщин. Внешне он держался спокойно. Ни тени волнения, тем более страха, Даутоков-Серебряков на его лице не заметил. Ротмистр встал, мол-

ча прошелся по узорчатому ковру. Остановившись у окна, скрестил на груди руки, повернулся к Уначеву.

— Сожалею, Талиб, что с однополчанином мне не удалось найти общий язык. Придется поговорить с заместителем председателя Нальчикского Совдепа.

— Можешь не начинать. Этот разговор тебе ничего не даст.

— Не спеши. С заместителем председателя Нальчикского Совдепа я поручу разговаривать Али Инарокову. У него своя манера вести беседу. Не всем, правда, она нравится, но, как говорит Али, цель оправдывает средства.

— Теперь ты заговорил на своем собственном языке, без игры в камешки.

— Язык у нас один, только выражаемся мы на нем по-разному. Вот ты, например, как на нем выражался, когда в декабре прошлого года требовал контрибуцию с добропорядочных нальчан, которых вы, большевики, называете буржуазией? Ты думаешь, нам об этом неизвестно? Известно. Мы знаем, что по требованию Калмыкова Совдеп создал комиссию, которая занималась сбором контрибуции, а проще — грабежом. Во главе этой комиссии стоял ты. В то время ты являлся и заведующим финансовым отделом Совета. Вот видишь, нам известно, какой важной птицей ты был при Советах.

— Если тебе все известно, зачем же задаешь вопросы?

— Вопросы задавать — это мое право, — резко бросил Даутоков-Серебряков. Быстрым шагом прошел за письменный стол, сел.

— У тебя на все право, — сказал Уначев. —

Право сжигать непокорные селения, право грабить карахалк, расстреливать седобородых стариков, объявивших тебя врагом кабардинского народа...

— Можешь не продолжать,— оборвал его ротмистр. — Все это я уже слышал. Были у меня здесь еще большевички. Во многих смертных грехах обвиняли меня и всю нашу Добровольческую армию. Тоже говорили, что я жесток и даже кровожаден. А из себя строили спасителей отечества. Они не понимали или не хотели понять, что мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть. На карту поставлена судьба родины, и колебаний быть не может. Или мы сотрем с лица земли большевиков и комиссаров, или они уничтожат нас. Третьего не дано. Поэтому мы ведем и будем вести войну на уничтожение, расстреливать, вешать, убивать всех, кто против нас. Я очищу Кабарду от большевистской заразы, чего бы это мне ни стоило. Если надо будет — дотла сожгу еще десяток селений, каждое дерево превращу в виселицу, каждую яму — в могилу, для того чтобы каждый холоп знал, что он холоп и подчинялся нашей воле. Если мы этого не сделаем, если мы этого не добьемся, то станем трупами. А мы хотим жить и будем жить!

— Для того чтобы жить, прежде всего надо выжить,— сказал Уначев. — А в войне на уничтожение, которую ты объявил карахалку, выжить тебе не удастся. Не усмехайся. Ты посеял ветер, пожнешь бурю. Народ, на чью свободу ты поднял руку, уничтожит тебя и весь этот сброд, который именуется Добровольческой армией. Я не призываю тебя одуматься. Горбатого одна могила исправит.

Бетал Қалмыков

Хагуцира Блаев

Лея Бласв

Талнб Уначев

Темиркан Иванов

Алексей Сахаров

Мажид Фанзиев

Хажмурат Асанов

Дмитрий Видяйкин

Магомет Османов

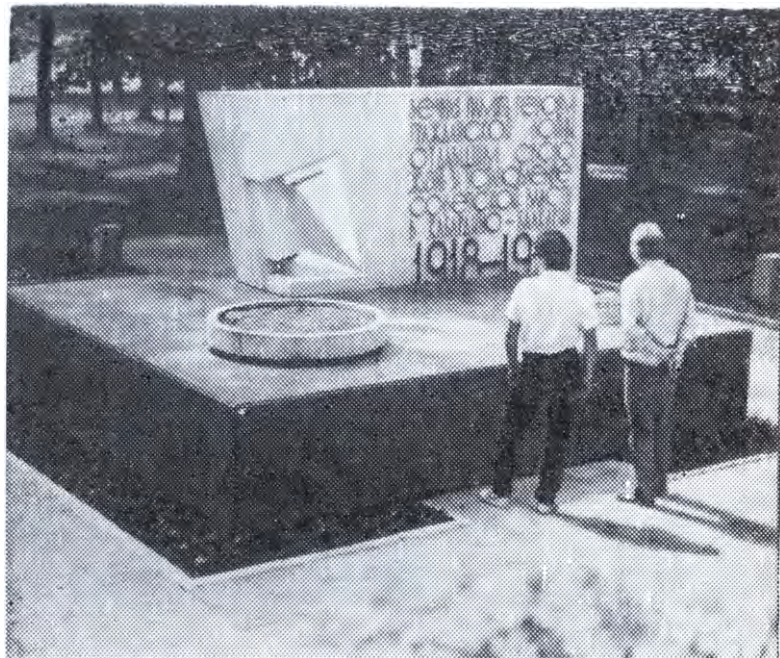
Митрофан Озерец

Қонак Батчасв

Мусос Жабелов

Памятник героям гражданской войны,
казненным белогвардейцами в Нальчике

— О могиле мне рано думать,— перебил его Даутоков-Серебряков. — А тебе вот что я хочу сказать напоследок. Для однополчанина Уначева, спасшего мне жизнь, я сделал все, чтобы он не умер от ран, и мы с ним квиты. А с заместителем председателя Нальчикского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, большевиком Уначевым у нас свои счеты. Сейчас тебя отведут в тюрьму. Потом Али Инароков мило с тобой побеседует. После этой беседы мы решим, в какой полет пустить такую важную птицу, как ты.

Ротмистр вызвал конвой и отправил Уначева в окружную тюрьму. Талиба поместили в одиночную камеру.

На другой день Али Инароков доложил Даутокову-Серебрякову, что большевик Уначев никаких показаний не дал.

— Ты, наверное, плохо старался выжать из него эти показания.

— Никак нет, ваше высокоблагородие. Очень старался, да ничего не выжали. На левой руке рана у него. Мы немного в этой ране поковырялись. А он хоть бы что. Зубы сжал, и молчок. Зло нас взяло. Мы эту руку pokrутили. Он сознание потерял. А когда очнулся — опять молчок. Игратья с нами задумал. Мы тогда ему за это по ребрам прикладом и бросили в камеру. Завтра допрос продолжим.

— Как, по-твоему, Али, что-нибудь выдавить из него можно?

— Нет, ваше высокоблагородие. Таких на раскаленной сковороде поджаривай — все равно ничего не добиться.

— Да, ты прав. Возиться с ним больше не будем. Пускай в расход.

— Есть в расход. Прикажете через повешение?

— Нет, Али, я ему кое-чем обязан. Вешать не будем. Расстрелять.

Талиб стоял у неглубокой ямы, которая должна была стать его могилой. О чем он думал в этот свой смертный час? Может, о своих стариках, которым никогда не дожидаться его в родном селении Лафишево?* Или о боевых друзьях, отступивших в сторону Чечни, но которые непременно вернутся в Нальчик и снова водрузят над зданием Совдепа красный флаг? А может, о своей жизни? Он смотрел туда, где за спинами деникинцев, готовых по команде прапорщика пустить в него град пуль, журча несла свои воды река Нальчик. Может, жизнь его прошла вот так же, как текут холодные воды этой реки? Нет, жизнь его прошла не зря. Он успел что-то сделать для своего народа. Но умирать не хотелось. Ему до боли были дороги и это серое зимнее небо, раскинувшееся над головой без края и конца, и ноздреватый снег, укутавший землю, и схваченная у берега матовым льдом река, старавшаяся как можно быстрее унести свои воды от этого страшного места, где должна была совершиться казнь.

Деникинец с черной повязкой в руках подошел к Уначеву.

— Не надо,— отстранил его Талиб. — Я не раз смотрел смерти в лицо.

* Ныне селение Псыхурей.

— Сегодня ты это сделаешь в последний раз,— сказал белогвардеец и отошел.

По команде прапорщика деникинцы вскинули винтовки. Черные зрачки стволов уставились на Уначева.

«Что ж, жизнь, прощай». Талиб глотнул холодный воздух, сделал шаг вперед и вдруг, боясь, что опоздает, крикнул громко, насколько хватило сил:

— Да здравствует Ленин!

Через мгновение раздался залп.

* * *

...В первые же дни хозяйничания в Нальчике серебряковцы казнили политзаключенных Хакаяшу Блянихова, Увжуко Атаева, Каншау Токлуева, Семена Ульянова, Мата Мамухова, Ахмата Настаева, Темиркана Бекалдиева, Баттарби и Жажу Аппаевых, Шахира Оракова...

Немногим больше месяца продержали они в Нальчикской окружной тюрьме двадцатилетнего партизана из Верхнего Чегема Мухажира Чегембаева, Мухаша, как его называли в отряде. Когда в марте 1918 года в селении хоронили Солтан-Хамида Калабекова, известного балкарского революционера, убитого в Осетии контрреволюционерами, над его могилой Чегембаев дал клятву верности революции, борьбе за народное дело. И он сдержал ее.

В начале 1919 года на борьбу против ринувшихся в Балкарию деникинцев поднялась вся горская беднота. В ущельях были созданы партизанские отряды. В Чегемском отряде, которым командовал Солтан-Мурат Калабеков, брат Солтан-Хамида, Чегембаев был связным и отважным разведчиком. Не

раз отправлял его Калабеков с ответственным заданием к Хажмурату Асанову, руководителю партизан Балкарии. Не раз пробирался Мухаш в тыл врага. Шел по нехоженным тропам, карабкался по отвесным скалам, безошибочно определял силы противника и пути его продвижения. Сведения, которые приносил Мухаш, помогали Калабекову строить оборону партизан в Чегемском ущелье. Насмерть стояли партизаны. Они успешно отбивали яростные атаки серебряковцев, нанося им большой урон. Врагу, несмотря на численное превосходство, не удалось прорвать оборону партизан в Чегемском ущелье. Тогда по приказу Даутокова-Серебрякова деникинцы усилили натиск на укрепления партизан в Хуламо-Безенгийском ущелье, подвели сюда артиллерию. Ценой больших потерь им удалось занять селения Хулам и Безенги.

В захваченных селениях белогвардейцы расстреливали всех, кого подозревали в вооруженной борьбе против Добровольческой армии, сжигали дома партизан, грабили жителей, угоняли скот. Пройдя через перевалы, они оказались в тылу чегемских партизан. Здесь разгорелся ожесточенный бой. Несмотря на героическое сопротивление партизан, враг ворвался в Чегемское ущелье.

Численное превосходство противника, его оснащенность оружием вынудили руководителя партизанского движения в Балкарии Хажмурата Асанова увести основные силы партизан в соседнюю Дигорию.

Заместитель командира Чегемского партизанского отряда Ибрагим Аппаев вместе с небольшой группой смельчаков, в которую вхо-

дил и Мухаш Чегембаев, остался в Чегемском ущелье. Партизаны решили устроить белогвардейцам засаду. По плану операции Чегембаев выдвигался вперед (это была инициатива самого Мухаша) и первым должен был встретить врага. В версте от него, выше по дороге занимали обфрону остальные партизаны. Они понимали, что не смогут остановить продвижение серебряковцев. — Но пусть знают белопогонники, — сказал Аппаев, — что наша земля никогда не покроится врагу.

...Среди скал, возвышавшихся над дорогой, Мухаш с помощью своего младшего брата Исмаила устроил огневую точку. Отсюда, как на ладони, просматривалась дорога, по которой должны были продвигаться белогвардейцы. Одной стороной она прижималась к отвесной стене, другой — обрывалась в пропасть, со дна которой доносился глухой рокот реки. Первоначально Мухаш хотел остаться на позиции один. Но Исмаил нивесть откуда принес вторую винтовку с патронами и сказал: — Здесь нам места хватит и на двоих. А стреляю я, сам знаешь, не хуже любого охотника. Разреши остаться с тобой. — Он вопросительно глядел на брата: разрешит или не разрешит?

В душе Мухаш не хотел, чтобы брат оставался. Ведь ему всего лишь шестнадцать лет, а бой предстоит тяжелый. Но отказать ему было бы несправедливо: ведь Исмаил добыл оружие, горит желанием сразиться с врагами, хотя и не представляет всей той опасности, которая их ожидает.

— Хорошо, — сказал Мухаш, — оставайся. Стрелять будешь по моей команде. И уйдешь отсюда, как только прикажу. Понял?

— Ладно,— ответил Исмаил, обрадованный ответом брата.

Рано утром Чегембаевы увидели на дороге несколько всадников. Они продвигались медленно и настороженно. Мухаш понял, что это белогвардейская разведка.

— Их надо пропустить,— сказал он брату,— это разведка.

Серебряковцы беспрепятственно проехали вперед. Вскоре донесся нестройный, гулкий цокот множества копыт и из-за поворота дороги появились деникинские всадники. Они ехали гуськом в два ряда, уверенные, что после, как им казалось, покорения строптивых селений Хуламо-Безенгийского ущелья и поражения чегемских партизан, въедут в Верхний Чегем как победители.

— У нас и пуль на всех не хватит,— тихо произнес Мухаш. — Видишь всадника в белой папахе? Его беру на мушку я.— Не знал Мухаш, что это был любимец ротмистра Даутокова-Серебрякова поручик Анзоров. — А ты сам выбирай себе цель и откроешь огонь после моего выстрела.

Деникинские всадники приближались. Уже хорошо были видны их лица. Первым же выстрелом Мухаш сразил серебряковского поручика. Через несколько мгновений раздался выстрел Исмаила. Всадник в черной бурке всплеснул руками и свалился с лошади. Пулю за пулей посылали братья в опешивших белогвардейцев и каждая достигала цели. Среди серебряковцев возникло замешательство. Засада для них была полной неожиданностью. Они считали, что партизаны разгромлены и с их сопротивлением в горах покончено, но просчи-

тались и дорого заплатили за свою самоуверенность. Замешательство всадников переросло в панику. Некоторые пытались повернуть коней назад и умчаться из-под обстрела, но наталкивались на тех, кто не успел сманеврировать на узкой каменистой дороге и топтались на месте, представляя удобную мишень для Чегембаевых. Паника и тревога передались и лошадям. Под двумя всадниками кони вдруг поднялись на дыбы, испуганно шархнулись в сторону и, не удержавшись на дороге, рухнули вместе с седоками в пропасть. Несколько серебряковцев, находившихся в голове колонны, пришпорив коней, ринулось вперед, на ходу стреляя в ту сторону, откуда раздавались выстрелы. Прорвавшихся всадников группа Ибрагима Аппаева встретила огнем.

Бой на дороге был недолгим. Противник, унося с собой убитых и раненых, поспешно отступил. Но вскоре белогвардейцы появились снова. На этот раз они выкатили пушку и прямой наводкой открыли огонь по укрепленной точке Чегембаевых. Ущелье наполнилось орудийным грохотом. Снаряды рвались в каменных скалах, сотрясая землю. Эхо подхватывало грохот разрывов и разносило по всему ущелью. Мухаш понимал, что долго продержаться под пушечным огнем не удастся. Чтобы не рисковать жизнью брата, он решил отправить его в селение.

Как ни просил Исмаил брата разрешить ему остаться здесь рядом с ним, Мухаш наотрез отказался.

— Уходи! — приказал он. — Вернись в селение незамеченным. Обо мне ни отцу, ни ма-

тери ни слова. Понял? Я тоже скоро уйду.

Исмаил, карабкаясь по уступам скал, прихватив винтовку, ушел в сторону Верхнего Чегема. Позади него с короткими промежутками продолжала ухать белогвардейская пушка. Тучи пыли и гари повисли над дорогой. Мухаш ждал, когда вновь появятся всадники, но они не появлялись.

Сокрушительный удар снаряда с грохотом раздробил скалу; Мухаш не успел опомниться, как оказался под ее каменными обломками и потерял сознание. А когда очнулся, увидел, что руки его связаны, рядом стояли два вооруженных деникинца. Они силой заставили его подняться.

К концу дня, потеряв более двадцати всадников убитыми и ранеными, расстреляв из пушки самоотверженно оборонявшуюся группу партизан Ибрагима Аппаева, белогвардейский отряд въехал в Верхний Чегем.

В помещении сельского правления Мухаша Чегембаева допрашивал прапорщик. Ему задавали один и тот же вопрос:

— Где Асанов?

Мухаш отвечал односложно:

— Не знаю. — Его били и снова задавали вопрос:

— Где Асанов? — и он снова отвечал: — Не знаю.

На ночь заперли в холодный сарай. Утром вывели во двор сельского правления. К середине дня сюда въехал с вооруженной свитой ротмистр Даутоков-Серебряков. К нему подвели Мухаша.

— Так это ты не пускал моих всадников в Чегем?

Мухаш не ответил.

— Где его отец? — спросил у прапорщика Даутоков-Серебряков.

— Здесь, ваше высокоблагородие. — Из толпы сельчан, согнанных во двор сельского правления, прапорщик вывел Догурая.

— Это твой сын? — спросил ротмистр, показывая плетью на Мухаша. Догурай поднял голову. — Да, мой сын, — сказал он глуховатым голосом.

— Отчаянного сына ты вырастил, голову-реза. Знаешь, сколько моих всадников он убил? Нет, ты не знаешь. Поручик Анзоров, краса и гордость Кабардинской конной дивизии, пал от пули твоего сына. Кто мне вернет Анзорова? — гневно вскричал Даутоков-Серебряков. — Кто? — Он в ярости с силой хлестнул Мухаша плетью. — Прапорщик, дать ему, — ротмистр кивнул в сторону Догурая, — двадцать шомполов за воспитание бандита. А этого, — он указал на Мухаша, — живого доставить в Нальчик.

В тот же день Мухаша Чегембаева отправили в Нальчик, в окружную тюрьму. А через несколько дней отец его, Догурай, не выдержав страшной экзекуции, скончался.

Белогвардейская контрразведка считала, что руководитель партизан Балкарии Хажмурат Асанов скрывается в горах. Она располагала сведениями, что Чегембаев был связным Солтан-Мурада Калабекова, неоднократно направлялся им к Асанову и мог знать о его местонахождении. Мухашу было известно, что Асанов ушел с партизанами в Дигорию, он знал, где скрываются родственники Хажмурата. Но этих сведений деникинцы от него не

получили. Сломать Чегембаева ни одиночной камерой, ни изощренными пытками не удалось. Военно-полевой суд под председательством полковника Сербиянова вынес приговор: «подсудимого, жителя села Чегем Мухаша Чегембаева, по лишении всех прав состояния подвергнуть казни через повешение».

В солнечный апрельский день 1919 года Чегембаева со связанными руками, под усиленным конным конвоем вывели из тюремных ворот и привели на западную окраину Нальчика. Здесь, на небольшой холмистой местности, покрытой весенней травой, стояла виселица. Белогвардейцы соорудили ее на второй день после взятия Нальчика в январе 1919 года. Немало преданных Советской власти жизней оборвалось здесь. Вот и сейчас оборвется молодая жизнь Мухаша Чегембаева, бывшего батрака, поверившего большевикам, принесшим в глухое горное ущелье ленинскую правду о жизни, о революции, о борьбе за счастье трудового народа. Поверил и взял в руки винтовку, чтобы защищать Советскую власть. Зимой 1918 года он добровольцем вступил в Балкарский революционный полк, участвовал в кровопролитных боях под Святым Крестом на ставропольской земле. А позже, когда часть балкарских всадников по указанию Магомета Энеева и Юсуфа Настуева отступила в горную Балкарию и разгорелось пламя партизанской борьбы, выполнял ответственные задания командира Чегемского партизанского отряда...

Деникинцы подвели Чегембаева к виселице. Он поднялся на грубо сколоченную скамью. Небольшая толпа слобожан, согнанная к мес-

ту казни, смотрела на незнакомого юношу с сочувствием и состраданием.

«Я — большевик!» — было написано на куске фанеры, висевшей на груди Мухаша. Прапорщик скороговоркой зачитал приговор военно-полевого суда. Когда он кончил, сухонькая старушка в черном платке вышла из толпы.

— Ироды! Душегубы! — вдруг крикнула она тонко и пронзительно, потрясая в воздухе кулаками. — Остановитесь! Побойтесь бога, антихристы!

— Молчать, старая! — крикнул с лошади деникинец, приблизившись к ней и размахивая нагайкой. По команде прапорщика белогвардеец накинуд на шею Мухаша петлю.

О чем же он думал, двадцатилетний борец за Советскую власть Мухаш Чегембаев в последние мгновения своей недолгой жизни? Может, видел он с высоты своего смертного часа, как мчатся балкарские конники с полыхающим на ветру красным знаменем, сокрушая врага? Может, вспомнил он мать свою Гюльжю, ее истошный, душераздирающий крик «сыно-о-ок!», вырвавшийся из груди, когда увидела его на сельской улице, избитого в кровь, со связанными руками, под конвоем карателей? Может, подумал он об отце, которого на его глазах деникинцы исхлестали шомполами, а он стоял и ничем не мог ему помочь?

Два белогвардейца по сигналу прапорщика подошли к скамье, чтобы рвануть ее из-под ног осужденного. Мухаш взглянул на замершую в оцепенении толпу, бросил последний взгляд в сторону гор и крикнул: — Да здравствует свобода!

В руки белогвардейцев попала семья Чрезвычайного комиссара Терской республики, руководителя кабардино-балкарских большевиков Бетала Калмыкова. Долго измывались над нею тюремщики. Отец Бетала — старый Эдык и малолетний брат Назир были расстреляны, а мужа его сестры — Хажбекира Хажимахова — члена Нальчикского окружного народного Совета — деникинцы повесили.

В начале весны 1919 года на железнодорожной станции в Георгиевске белогвардейцы арестовали Дмитрия Никитича Видяйкина, военно-политического комиссара Нальчикского округа.

Видяйкин был одним из тех мужественных людей, для которых служение народу и большевистской партии являлось высшим принципом жизни. Всего себя отдавал он делу революции.

Летом 1918 года в Нальчике для защиты Советской власти создавались революционные отряды. Было трудное и суровое время. Дмитрий Видяйкин не знал ни сна, ни отдыха, обучал бойцов, с невероятными трудностями добывал оружие и патроны. Но не меньше, чем патроны, людям нужно было большевистское слово, открывающее глаза, зовущее в бой.

Видяйкин — среди бойцов. Беседует, выступает, разъясняет, отвечает на вопросы. Большевистское слово будит сознание, находит отклик в сердцах красных воинов — вчерашних пастухов и землепашцев. И зажигает пламенем борьбы.

Это благодаря таким коммунистам, как Дмитрий Видяйкин, слово комиссар для за-

щитников Советской власти стало символом железной стойкости, негибимой воли и бесстрашия, беспредельной любви к Родине, навело на врагов революции животный страх, вызывало у них злобу и ненависть.

Январь 1919 года. На Северном Кавказе наступают деникинские войска. Части XI Красной Армии, плохо вооруженные, охваченные тифом, уходят на Астрахань. По указанию Бетала Калмыкова, Дмитрий Видяйкин вместе с другими большевиками в спешном порядке эвакуирует из Нальчика раненых и больных бойцов. Комиссар на бронепоезде одним из последних покидает город.

Под Прохладной — бой. На одном из его участков красные воины не выдержали натиска белогвардейцев и дрогнули. Минуты решали исход боя и судьбу многих жизней. В этот критический момент перед бегущими бойцами выросла фигура комиссара.

— Стой! — крикнул он, вскинув над головой револьвер. Бойцы остановились. Они увидели своего комиссара, и теперь в его власти было отступить или продолжать бой.

— Вперед за революцию! — крикнул Видяйкин и первым бросился навстречу деникинцам.

Подвиг комиссара увлек бойцов. С криком: «Ура!» они бросились за Видяйкиным. Атака врага захлебнулась, и он отступил.

Однако силы были неравные. Красные части вынуждены были отходить на Кизляр. Под Кизляром бронепоезд, в котором находился Дмитрий Видяйкин, был обстрелян деникинской артиллерией и взорван. С группой товарищей под непрерывным огнем противника

Видяйкин покинул бронепоезд и залег в редком кустарнике, недалеко от полотна железной дороги. В завязавшейся перестрелке он был ранен и схвачен денikinцами.

— Вы комиссар Видяйкин? — спросил его белогвардейский подпоручик. Достаточно было сказать «да», как он тут же был бы расстрелян. Умирать не хотелось. Нет, комиссар не боялся смерти. Но глупо умирать в плену, когда ты еще можешь быть полезен революции.

— Вы комиссар Видяйкин? — снова спросил офицер. Видяйкин поднял голову.

— Моя фамилия Абелов.

— Врешь! — подпоручик наотмаш ударил Видяйкина по лицу.

Белогвардейский офицер не совсем был уверен, что перед ним комиссар Видяйкин. Кто-то из денikinцев сообщил офицеру, что Видяйкина могут опознать в Прохладной, где он много лет работал. Тогда подпоручик отдал приказ доставить пленного в Прохладную.

— Там мы узнаем вашу настоящую фамилию, — сказал он Видяйкину. — Если вы Абелов — получите пулю в лоб, если Видяйкин, комиссар, большевик — снимем с вас живого шкуру, а потом повесим.

В Прохладную Видяйкина привезли поздно ночью. Полураздетого бросили в старый сарай. У двери поставили часового. Под утро, выломав окошко сарая и оглушив часового, Видяйкин бежал на хутор Авадовку. Хутор находился в пяти верстах от Прохладной. Там жила его мать Ульяна Григорьевна Видяйкина. Но задерживаться здесь было нельзя. Ульяна Григорьевна со слезами на глазах перевязала сыну раненое плечо. Через день,

надев свою старую кожанку, Видяйкин ушел из дому. Он и не подозревал, что это была их последняя встреча. Через несколько дней он прибыл в Георгиевск. Но здесь его подстерегла беда, от которой он не смог уберечься.

Устинья Реутова, жена турецкого шпиона Абасса Садык-оглы, жившего в Нальчике под видом пекаря, не раз выполняла задания деникинской контрразведки. На станции в Георгиевске она увидела человека в черной кожаной тужурке. Это был Видяйкин. Реутова, зная его в лицо, немедленно донесла на него белогвардейцам. Он тут же был схвачен.

Деникинцы торжествовали: видный большевик, которого разыскивала контрразведка Нальчика, Георгиевска и Пятигорска, был в их руках.

Под усиленным конвоем Видяйкина привезли в Нальчик. Несколько часов подряд допрашивали в контрразведке. Потом привели в тюрьму и заключили в одиночную камеру.

Четыре стены. Холодный цементный пол. Маленькое зарешеченное окошко под самым потолком. В камере у стены — голый деревянный топчан.

Время тянется медленно. От двери до противоположной стены — всего четыре коротких шага. А сколько до смерти? Об этом комиссар не думает. Он делает четыре шага от стены до двери и четыре — обратно. Взад и вперед, взад и вперед. Сколько еще осталось шагать по земле? Присутствовавший на допросе ротмистр Даутоков-Серебряков сказал:

— Комиссарам шагать по земле осталось немного. Всех переловим и перевешаем.

Видяйкин с усмешкой спросил:

— Не надорвешься, ротмистр?..

Ноет плечо — дает знать о себе рана. Видяйкин прилег на топчан, прикрыл веки. Но заснуть не смог.

Судьба Дмитрия Видяйкина была предрешена. Ротмистр Даутоков-Серебряков приказал повесить большевистского комиссара в центре Нальчика, на базарной площади*.

Еще до казни деникинцы пытались вырвать у Видяйкина фамилии и адреса нальчикских, пятигорских и георгиевских большевиков, оставшихся в подполье, местонахождение Бетала Калмыкова и других вожakov народных масс Кабарды и Балкарии. Его долго били, пытали, но комиссар молчал.

— Мы поможем вам до конца хранить молчание,— сказал начальник местной контрразведки подполковник Покровский и приказал зашить Видяйкину рот. — Впервые красный комиссар будет стоять перед толпой и молчать как рыба. Никто и никогда не услышит больше ваших агитационных слов.

С заломленными назад руками, с зашитым, кровоточащим ртом Дмитрий Видяйкин был выведен на место казни. Деникинцы заранее согнали сюда многих жителей Нальчика. Два палача подвели комиссара к большой разлапистой акации. С дерева свисала веревка. Видяйкин сам поднялся на табуретку. Толпа замерла. Комиссар стоял с гордо поднятой головой. Палачи накинули ему на шею петлю и выбили из-под ног табуретку. В ту же секунду тело Видяйкина резко рванулось вниз и вмес-

* Ныне на этом месте расположен кинотеатр «Победа».

те с оборвавшейся веревкой упало на землю.

— Дважды не вешают! Дважды не вешают!— раздались в толпе крики. Деникинцы заторопились. Веревка была сменена на вожжи. Видяйкин снова на табуретке. Петля уже на шее... Собрав все свои силы, комиссар рывком освобождает руки и, перехватив на шее петлю, разрывает на губах нити. Над оцепеневшей толпой, над оторопевшей сворой палачей раздаются гордые слова:

— Революция победит! Да здравствует Советская власть!

Выбита палачом из-под ног табуретка, и тело комиссара повисает в воздухе.

* * *

...В одиночной камере нальчикской окружной тюрьмы провел свои последние дни Хажмурат Асанов — руководитель партизан Балкарии.

После того, как белогвардейцы с большим трудом прорвались в балкарские селения, Хажмурат увел партизанский отряд в Дигорию, где вместе с осетинскими крестьянами, которыми командовал Сосланбек Тавасиев, продолжал борьбу против деникинцев. Много месяцев шла эта неравная борьба. Немало белогвардейцев уничтожили балкарские партизаны на земле Осетии. Но в конце концов регулярные части врага, имея численное превосходство, нанесли партизанам поражение. Асанов тайно вернулся в Балкарию, чтобы снова зажечь пламя партизанской борьбы. Однако осуществить задуманное он не успел. Белогвардейцам удалось напасть на след Хажму-

рата. Асанов вынужден был отступить к горному перевалу. Здесь разыгралась снежная буря. С обмороженными руками и ногами он чудом дополз до родного селения Мухол и попал в дом своей родственницы. Через несколько дней Хажмурат предательски был выдан деникинцам.

Недолго продержали белогвардейские власти Асанова в окружной тюрьме. Им не удалось сломить дух народного вожака. Хажмурат Асанов публично был повешен.

Наступила осень 1919 года. Вместе с другими арестантами в камере политических заключенных уже несколько месяцев находились заместитель председателя народного Совета селения Докшоково* кабардинец Темиркан с русской фамилией Иванов; командиры красных отрядов: балкарец Конак Батчаев, русский, нальчанин Митрофан Озерец; бойцы революционных отрядов: Хакяша Жириков — крестьянин из селения Бабуково**, Хатакшуко Текужев — родной брат члена Нальчикского окружного народного Совета Анзора Текужева, молодой партизан из Гунделена Мусос Жабелов и много других, преданных Советской власти людей. При различных обстоятельствах и в разное время они были схвачены деникинцами и брошены в тюрьму.

Темиркан Иванов, Конак Батчаев, Митрофан Озерец и Хакяша Жириков находились на нарах рядом. Долгое пребывание в тюрьме сблизило их. Вечерами, когда камера погружалась в темноту, они рассказывали друг

* Ныне селение Старый Черек.

** Ныне селение Сармаково.

другу о своей жизни, о том, как стали на путь революционной борьбы, делились мыслями о будущем, в которое верили, ради которого жили и готовы были на все испытания.

Особым авторитетом среди них пользовался Темиркан Иванов. Ему пришлось немало хлебнуть в жизни горя. Батрачил на чужой земле, жил впроголодь, уходил на заработки в Ставропольскую губернию, был мобилизован в царскую армию, воевал на германском фронте. В родное селение вернулся в солдатской шинели, с винтовкой за плечами. Но это уже был не темный забитый крестьянин, с покорностью во взгляде, готовый гнуть спину на сельских богачей. Он уже знал, что в столице России — Петрограде — сброшен с престола царь, тот самый царь, чей портрет висел в сельском правлении в Докшоково. Он знал, что есть люди, которые ведут агитацию против богачей. Зовут этих людей большевиками. Всего лишь несколько раз слышал он их на митингах. Правда, не во всем, что они говорили, разобрался, но главное понял. Сами, своими собственными руками трудовые люди могут добыть себе свободу, землю, счастливую жизнь. Поэтому надо всем угнетенным объединиться для решительной борьбы против угнетателей. Так говорили большевики, и Темиркан Иванов им поверил.

Возвращаясь с войны домой, он попал в Ростов. На привокзальной площади многолюдная толпа слушала оратора, стоявшего на возвышении. Темиркан протиснулся сквозь толпу. Оратор говорил горячо и страстно. Его выступление часто прерывалось громкими одобрительными возгласами.

— Кто это? — спросил Темиркан стоявшего рядом мужчину.

— Большевик, — ответил тот.

Когда оратор провозгласил: «Заводы — рабочим! Землю — крестьянам!», Темиркан Иванов громко крикнул:

— Валлаги, правда! Земля наша! Правильно говоришь, джигит!

Взволнованным садился Темиркан в поезд, который шел в сторону Прохладной. «Правильно говорил этот большевик. Умный человек. А как его все слушали! Молодец! Вот такой большевик выступил бы у нас на сельском сходе, так толстобрюхие богачи лопнули бы от злости. Да-а, такие люди своего добьются. И, клянусь аллахом, народ их поддержит».

В Докшоково сельские богатеи стали поглядывать на Иванова косо. Не нравились им его резкие выступления на сходах. Когда в селение пришла весть о том, что в Петрограде и Москве власть захватили рабочие, а в русских деревнях крестьяне жгут помещичьи усадьбы и делят помещичью землю, Темиркан выступил на сельском сходе с взволнованной речью.

— Карахалк, — сказал он, обращаясь к бедноте. — Наши отцы, деды и прадеды родились здесь, на этой земле. На ней они жили, работали, глаза им слепил пот, жили нищими, без надежды на лучшую жизнь. Что они оставляли своим детям, умирая? Землю? Нет. Она принадлежала князьям и узденям. Скот? Нет. Последнюю корову забирали у крестьян за недоимки. Все, что они оставляли своим детям — это ненависть к богачам-кровопийцам,

жиревшим за счет их труда. Эта ненависть за многие годы переполнила наши сердца. И скоро, очень скоро настанет день, когда люди с мозолями на руках станут хозяевами на земле, хозяевами земли. Клянусь аллахом, этот день настанет!

За такие речи сельский комиссар уже не существовавшего Временного правительства давно упрятал бы Темиркана в окружную тюрьму, если б не боялся «бунта» бедноты.

Темиркан Иванов со своим односельчанином Дзугановым в январе и феврале 1918 года был послан крестьянами делегатом на Моздокский и Пятигорский съезды народов Терек-ка, голосовал за признание власти Совета Народных Комиссаров. Когда после провозглашения в апреле 1918 года Советской власти в Кабарде и Балкарии в селениях стали создаваться народные Советы, Темиркан был избран заместителем председателя Докшовского сельского народного Совета. Он окупился в новую для него работу, которой отдавал всего себя. Участвовал в конфискации земли местных богачей и в наделении ею бедноты, агитировал крестьян вступать в революционные отряды, создававшиеся в Нальчике, организовал сбор одежды и продуктов в помощь этим отрядам, заботился о снабжении крестьян предметами первой необходимости, не раз обращался по этому вопросу непосредственно в окружной народный Совет. Большевик Темиркан — так называли его односельчане. И чувствовалось, что в эти слова они вкладывали то большое уважение, которое питали к заместителю председателя Сове-

та Иванову, и то высокое доверие, с которым относились к большевикам.

В январе 1919 года, когда красные части под натиском превосходящих сил деникинцев покидали Кабарду, Темиркан Иванов пытался уйти из селения, но натолкнулся на карательный отряд и был схвачен. Его привезли в Нальчик и бросили в тюрьму.

В окружной тюрьме, как и в первые месяцы после захвата Нальчика деникинцами, молчаливые конвоиры почти каждый день уводили из камеры заключенных. Многие из арестантов обратно не возвращались. Когда родственники в тощих узелках приносили им передачи, дежурный у тюремных ворот, заглянув в список, коротко, с тупым безразличием отвечал:

— Не принимаем. Переведен в Пятигорскую тюрьму. — Подобным образом он мог назвать тюрьму любого города России.

Тюремный надзиратель из крестьян Нальчика Григорий Перевяслов, высокий худой мужчина с крупными чертами лица, в прошлом был мобилизован в революционный отряд Митрофана Озерца. В этом отряде он пробыл около двух месяцев.

В водовороте грозowych событий гражданской войны Перевяслов боялся потерять клочок земли, который ему принадлежал, и поэтому люто ненавидел войну. Соседи добровольцами уходили в революционные отряды, а ему боязно было оставлять турлучный домик, построенный собственными руками на одной из глухих улиц Нальчика. Да и не верил Перевяслов, что вот такие, как он, кре-

стьяне, могут победить хорошо вооруженные и обученные белогвардейские войска.

В отряде Озерца ему так и не пришлось участвовать в боях. Когда в январе 1919 года революционные части стали покидать Кабардино-Балкарню, боец Григорий Перевяслов дезертировал. Он решил отсидеться в своем турлучном доме, надеясь, что война пройдет стороной и минует его. Но белогвардейцы, захватив Нальчик, иначе распорядились его судьбой. В Нальчике и в селениях Кабарды и Балкарии деникинские власти провели мобилизацию в «Добровольческую» армию. Перевяслов был мобилизован. Его направили в распоряжение начальника окружной тюрьмы Мальчевского. Так он стал надзирателем.

Жестокое обращение тюремщиков с заключенными, пытки и казнь не могли не вызвать протеста в душе простого человека. Он молча исполнял обязанности надзирателя, уже не надеясь на какие-либо перемены в своей жизни.

Другие надзиратели издевались над заключенными, нередко избивали их, особенно усердствовал старший надзиратель Карайда, присваивали поступавшие для арестантов передачи. Перевяслов все это видел, но не находил в себе силы что-либо предпринять против произвола тюремщиков.

Однажды приняв дежурство, он увидел в камере политических заключенных Митрофана Озерца. Противно и гадко стало на душе надзирателя; словно он предал своего командира, стало стыдно за свое дезертирство из красного отряда и за свою работу тюремщика у деникинцев.

Ему захотелось переговорить с Озерцом,

выяснить, как тот попал в руки белогвардейцев, а главное — рассказать о самом себе, чтобы не подумал Озерец, что он, Перевяслов, пришел служить деникинцам добровольно.

По указанию начальника тюрьмы Мальчевского заключенных использовали на различных работах во дворе тюрьмы: они рубили дрова, рыли сливную яму под новую уборную, убирали двор. Возможностью вывести Озерца во двор на работу, где можно было бы остаться с ним наедине, и решил воспользоваться надзиратель Перевяслов, чтобы переговорить со своим бывшим командиром.

На следующий день, заступив на дежурство, он вывел Озерца из камеры, у деревянного сарая передал ему топор и, указав на кучу сухих жердей, сказал:

— Руби. В сарай уберут другие.— Потом отвернулся, чтобы не встретиться глазами с Митрофаном, прошелся мимо сарая, искоса поглядывая по сторонам. Убедившись, что поблизости никого нет, повернул обратно и, подойдя к Озерцу, тихо спросил:

— Как тебя угораздило попасть сюда?

— Попал как и все, но не так, как ты,— ответил Озерец.

— Не думай, Митрофан, что я сюда по своей доброй воле пришел. Заставили. Мобилизованный я.

— Ты, я вижу, при всякой власти в мобилизованных ходишь. Добровольно, видать, только за бабью юбку держаться можешь.

Слова были обидные, но Перевяслов не обиделся.

— Натерпелся я здесь, Митрофан, до тошноты. Не понимал раньше, что куда. Темница

была в мозгах. Хошь верь, хошь нет — каюсь, что тогда из отряда убег. Увидал тебя здесь,— продолжал он,— совестно стало. Знаю — нету мне прощения. Но понял: не так я жил, как надо бы, а сейчас и того хуже. Запутался, кажись, а выхода не видать.

— А ты подумай, может и найдешь,— сказал Озерец.

— Бежать думал, да семья. С ней не убежишь, а оставить боязно. Шлепнуть могут всех — больших и малых — разбирать не станут.— Перевяслов сделал паузу, тяжело вздохнул. Говорил он искренне, выкладывая Озерцу наболевшее и мучавшее его уже много дней.— Никому обо всем этом не говорил, да вот тебе решился.

— Почему же мне?

— Знаю, Митрофан, что нехорошо обо мне думаешь. Не сержусь, заслужил. Но я знаю тебя, кто ты такой. Потому и доверяю. Больше мне довериться некому.— Перевяслов оглянулся и подошел к Озерцу поближе.— Хочу, чтоб посоветовал, как быть, научи, что делать.

— А не боишься?

— Не трус я и не по трусости тогда убег. Думал, не мое это дело — революция.

— А теперь как думаешь?

— Теперь повидал, как за эту самую революцию люди насмерть идут. И как идут! Недавно конвой паренька одного к реке вел, на расстрел значит. Фамилия его в голове осталась — Жанов, из селения Жанхотово* Лицо у него разбито в кровь — мать родная не признает, а он голову вверх поднял, как

* Ныне селение Псыгансу.

будто на праздник идет. Смотришь на таких и чувствуешь, что они все могут. Гордость за них в душе поднимается. И муторно мне, Митрофан, становится от моей жизни.— Нижняя губа Перевяслова дрожала, как у обиженного ребенка.— А кто они, эти люди? Кто? Да такие ж, как я, мужики. Хлеба в жизни досыта не ели.

— Как же ты думаешь дальше жить?—спросил Озерец.

— Не знаю.

— Хочешь арестантам помочь?

— А чем им можно помочь?

— Кое-чем можно. Ну как, согласен?

— Согласен, Митрофан.

— Я верю тебе, Перевяслов.

— Не сумлевайся, не подведу.

С этого дня Озерец получал от Перевяслова сведения о событиях, которые происходили в Нальчике. Митрофан сообщал о них Темиркану Иванову и Конаку Батчаеву. Вскоре об этих событиях узнавали и другие арестанты. Но никто, кроме Иванова, Батчаева и Жирикова, не знал, как просачиваются эти сведения в тюремную камеру.

В один из ненастных дней в камеру привели двух новых арестантов. На расспросы соседей по нарам один из них, тот, что постарше, назвался Темирканом Мазановым из селения Жанхотово, другой — Нури Гедугошевым, жителем Моздока. У Мазанова было усталое лицо, заросшее черной с сединой щетиной. Гедугошев был моложе. При первом же взгляде на него в глаза бросался бледно-розовый шрам на левой щеке.

Ночью во сне Гедугошев стонал, громко уг-

рожал кому-то, требовал, чтобы его перестали бить.

— Шакалы! Вы все шакалы!— кричал он.— Вам отомстят за наши муки!

Утром сосед по нарам спросил участливо:

— Что-то ты плохо спишь, брат. Все сто-нешь и кричишь во сне.

Гедугошев пожал плечами.

— Не помню, может, и кричал. Три месяца во Владикавказской тюрьме сидел. Комната специальная там была. Приведут туда, и два живодера поочередно начинают избивать. Отобьют все внутренности, потом в камеру приволокут. И так через каждый день.

— Кто это тебя так разукрасил? — спросил сосед, показывая на щеку.

— Это один из бандитов Даутокова-Серебрякова. В прошлом году еще. Ворвались они в Баксан и стали грабить крестьян. Я в то время у родственников там находился. В стычке с бандитами на всю жизнь и получил эту метку.

Вскоре после памятного для Озерца разговора с Григорием Перевясловым надзиратель, передавая Митрофану передачу от жены, шепнул:

— Даутокова-Серебрякова привезли в Нальчик. Говорят, в бою ему голову срубили.

Радостным было это известие для заключенных. Палач и насильник, много месяцев терзавший трудовые массы, наконец получил по заслугам.

Усмирив, как ему казалось, Кабарду и Балкарию, Даутоков-Серебряков в начале осени 1919 года во главе кавалерийской бригады по приказу командующего Терско-Дагестанским

в 1918 году в Нальчике Назир Катханов стал формировать революционный отряд, Талиб Калибатов приехал к нему на собственном коне и, улыбаясь, сказал:

— Принимай, Назир, в свой отряд самого молодого джигита Кабарды.

Конники засмеялись, а Катханов ответил:

— Такие, как ты, Талиб, двух молодых всадников стоят,— и приказал выдать ему оружие.

Так шестидесятидвухлетний доброволец Талиб Калибатов стал защитником Советской власти. Участвовал в нескольких боях. Потом заболел и вернулся домой, в селение Кайсың-Анзорово*. Когда деникинцы захватили Кабарду, ушел из родного селения в лес и несколько месяцев скрывался. Но белогвардейцы обнаружили его, избили и привезли в окружную тюрьму.

Тяжелая болезнь приковала Калибатова к нарам, и даже короткой прогулкой на тюремном дворе он пользовался редко.

Услышав, что фамилия одного из новых заключенных Мазанов, Калибатов насторожился. Он вспомнил, что в Жанхотово живут дворяне Мазановы. «Не из тех ли этот? — подумал он. — А если из тех, то почему он здесь? Белогвардейцы дворян сажать в тюрьму не станут. А что же тогда ему здесь надо?».

Своими подозрениями старый Талиб поделился с Темирканом Ивановым, которому доверял. Иванов сообщил об этом Конаку Батчаеву и Митрофану Озерцу. Посоветовавшись между собой, решили узнать, кто такой Маза-

* Ныне селение Старый Лескен.

нов. Говорили шепотом, чтобы не привлекать внимание остальных заключенных.

Темиркан Иванов сказал:

— Надо поговорить с ним.

— О чем говорить? — спросил Батчаев.

— Просто так, о том о сем.

— Что это даст?

— Может быть, он сам что-нибудь выболтает.

— На это надеяться нельзя, — сказал Озерец. — Если он и в самом деле из дворян, что, думаете, он признается?

— Может, и не признается, но поговорить надо. Это я сделаю сам, — сказал Иванов.

На другой день Темиркан Мазанов, а вслед за ним Нури Гедугошев были вызваны на допрос. Мазанов вернулся в камеру, с трудом передвигая ноги. Темиркан Иванов подсел к нему и тихо спросил:

— Били?

— А тебя, что, не били?

— Меня тоже били и не раз. И еще будут бить. Здесь так заведено. Ты сам откуда?

— Из Жанхотово.

— Жанхотово, — медленно повторил Иванов. — Здесь был Адальби из Жанхотово. Наверно, ты знал его?

— Адальби? Какой Адальби? Сын Магомеда?

— Да, сын Магомеда. Темиржанов его фамилия.

— А что с ним? — встрепнулся Мазанов.

— Убили его. Повели вешать, а он из-под самой петли, говорят, бросился бежать. Стали бить по нему из винтовок и убили.

Гневно сверкнули глаза Мазанова, руки

сжались в кулаки. Иванов смотрел на него с удивлением. Он не ожидал, что Мазанов так болезненно воспримет весть о казни своего земляка.

«А может, он просто так, чтобы обмануть меня?» — подумал Иванов. А вслух сказал:

— Ададьби был настоящим кабардинцем.

Мазанов провел рукой по лицу, словно отгоняя прочь мучившие его мысли, и отвернулся в сторону.

Темиркан Иванов попытался продолжить разговор, но из этого ничего не вышло. Мазанов молчал, всем своим видом давая понять, что разговаривать он больше не намерен.

Гедугошев вернулся с допроса с большим синяком под глазом. Он был в возбужденном состоянии, зло и громко ругался, как и многие заключенные, впервые испытывшие на себе тупую силу тюремщиков.

После полудня из камеры увели Талиба Калибатова. Он долго не возвращался. Темиркан Иванов шепнул Батчаеву и Озерцу:

— Все, наверное. Не увидим мы больше старого Талиба.

Но Калибатов вернулся. Два тюремщика внесли его в камеру, положили на цементный пол и вышли. Несколько пар рук бережно подняли старика и перенесли на нары. Он тяжело и часто дышал. Ему не хватало воздуха. Иванов расстегнул Калибатову ворот рубахи и сел рядом с ним.

— Слушай, Темиркан... это уже все... умираю... — Он замолк и продолжал тяжело дышать.

В камере было темно и тихо. Заключенные не спали. Одни из них думали о старом кабар-

динце, который умирал, лежа на деревянных нарах, другие мысленно оглядывались на свою жизнь, трудную и суровую, и считали, что прожили ее не зря, но никому не хотелось думать о своем последнем дне. У каждого в глубине души жила надежда, что рано или поздно он вырвется из каменных стен окружной тюрьмы на свободу.

Первый отблеск рассвета заглянул в тюремные окна. Темиркан Иванов, просидевший рядом с Калибатовым почти всю ночь, не сомкнув глаз, услышал, как старый Талиб тихо что-то проговорил. Иванов склонился и спросил:

— Что, Талиб?

Калибатов узнал Темиркана.

— Слушай... — голос у старика был хриплый. Он по-прежнему тяжело дышал. — Будьте осторожны... Здесь доносчик... Каждое слово передает... То, что я вчера говорил, им донес...

Калибатов судорожно сжал руку Темиркана, словно хотел своими сильными костлявыми пальцами удержать уходившую из него жизнь.

Мысль о том, что здесь, в камере, находится предатель, обожгла Иванова.

«Кто? Мазанов? Вчера на допросе был и Гедугошев. Значит, кто-то из них. Но кто? Гедугошева били, об этом говорят синяки на его лице. Не будут же деникинцы бить своего. Значит, Мазанов. Как убедиться? Как?».

К Калибатову подошли Хакяша Жириков, Конак Батчаев, Хатакшуко Текужев и Митрофан Озерец. Они видели, как тяжело страдает

старый Талиб, но были бессильны облегчить его муки, а тем более помочь ему.

Через несколько часов Калибатов умер.

Два тюремщика пришли в камеру с носилками, чтобы унести его тело. Заключение минутой молчания почтили память старого Талиба. В эту минуту, не сговариваясь, они стояли, сжав кулаки. Это была молчаливая демонстрация непоколебимой стойкости людей, обреченных на смерть, но непобежденных.

Темиркан Иванов рассказал Батчаеву, Озерцу и Жирикову все, что передал ему Калибатов.

— А зачем им надо засылать к нам в камеру своего человека? — шепотом спросил Жириков.

— Это понятно, — тихо сказал Иванов. — Они знают, что и в Нальчике и в селениях скрываются наши люди и ведут агитацию против кадетов. Вот и хотелось бы им расправиться с этими людьми. А как их узнаешь? Где их найти? Но кое-кому из заключенных эти люди знакомы. То, что тюремщики не могут получить на допросах, они хотят получить здесь в камере, через провокаторов.

— Да, это так, — сказал Озерец. — А еще они хотят, чтобы заключенные не доверяли друг другу, силы их разобщить. Так легче согнуть не очень стойких.

— Верно, — сказал Батчаев. — Если все заключенные, несмотря ни на что, будут держаться вместе, слабые тоже станут сильными. И тогда ничего деникинская контрразведка не добьется.

— Ну, а как быть с провокатором? — спросил Жириков. — Нельзя же, чтобы он здесь

рядом с нами жил, змей ползучий. Надо же узнать, кто он.

— Да,— проговорил Темиркан Иванов,— трудное дело. Может, Митрофан, Перевяслов нам чем-нибудь поможет?

Озерец помедлил с ответом.

— Если ты не уверен в нем твердо, обращаться к нему не надо,— сказал Иванов.

— Перевяслову довериться можно,— ответил Озерец. — Да только на него одного надеяться нельзя. Деникинская контрразведка не дура. Она в свои дела надзирателей и конвоиров не посвятит. В тюрьме, наверно, провокатора знают человека два, не больше.

— У него может и не своя фамилия,— сказал Батчаев.

— Может быть. С Перевясловым я поговорю,— продолжал Озерец,— но надо и нам своими мозгами пошевелить и добраться до провокатора. И как можно быстрее.

— Хорошо, Митрофан,— сказал Иванов,— ты свяжись с Перевясловым. Нам нужна фамилия или приметы провокатора. А мы с Конаком будем следить за Мазановым и Гедугошевым. Еще вот что, Митрофан: если Перевяслов может, пусть выяснит, откуда Мазанов и Гедугошев, где и когда они были арестованы. Предупреди его, чтобы все это выяснил осторожно, ни у кого не вызывая подозрений.

Каждое утро надзиратель выводил из камеры двух заключенных, нагружал их мешками с хлебом и препровождал в камеру. Здесь арестантам выдавалась дневная пайка — кусок темно-серой массы, кисловатой на вкус и лишенной запаха хлеба. Трудно было сказать, из чего пекли этот хлеб, но голодные арестан-

ты не задумывались над этим. Утром они съедали кусок пайки и запивали его горячей водой. Это был тюремный завтрак. Обед состоял из жидкой похлебки, с которой уничтожалась остальная часть пайки. На ужин хлеба не оставалось, пили пустую горячую воду.

Утром после описанных событий два арестанта в сопровождении Перевяслоа внесли в камеру хлеб. Озерец незаметно шепнул надзирателю:

— Разговор есть, вызови дрова колоть.

Через некоторое время Перевяслов вернулся в камеру и громко крикнул:

— Озерец, выходи на работу.

На тюремном дворе было холодно и сыро. Дул колючий, пронизывающий ветер. Над городом медленно плыли тяжелые свинцовые тучи. У деревянного сарая, куда привел Перевяслов Озерца, лежала груда распиленных чурок. Надзиратель вынес из сарая топор и, передавая его Митрофану, нарочито громко скомандовал:

— Коли, да поживей.

Под стук топора Озерец коротко разъяснил Перевяслову, какая от него требуется помощь.

— Дела-а,— тихо протянул надзиратель. — Да неужто доносчик подослан?

— Это точно.

— Трудное дело, Митрофан, даешь. И темное. У кого выведать-то? Наши надзиратели знать об этом не могут. Но я поумекаю и очень постараюсь. Не сумлевайся. Что можно — дознаюсь.

— И еще вот что,— сказал Озерец.— Ты на этих днях выведи Мазанова и Гедугошева на рубку дров. Погляди, как они будут вести се-

бя здесь, на тюремном дворе. Может, что и заметишь.

— Ладно,— сказал Перевяслов, наблюдая, как в тюремные ворота медленно въезжала водовозная бочка, запряженная тощей лошадейкой. На козлах сидел дед Лукьян в своей неизменной засаленной поддевке, с лохматой, выдавшей виды, шапкой на голове. Каждый день в одно и то же время он привозил в тюрьму на своей худобе воду из реки Нальчик. Старый водовоз снабжал водой многих жителей города.

Задание Озерца действительно оказалось очень трудное. Прошло несколько дней, а Перевяслов ничего не смог узнать о Мазанове и Гедугошеве. После разговора с надзирателями он убедился, что никто из них ничего о заключенных не знает.

Перевяслов упал духом. Надзиратель боялся, что Озерец не поверит, что он старался выполнить его задание, но не смог это сделать по независящим от него причинам. А еще хуже — заподозрит его в чем-то дурном. Эта мысль не давала ему покоя. Надо было что-то делать, действовать, но как — он не знал.

Григорий Перевяслов, подобрав длинные полы шинели, перешел большую лужу на углу Почтовой* и Елизаветинской** улиц и направился к керосиновой лавке.

— Эй, дружище,— окликнул его кто-то. Перевяслов оглянулся. В нескольких шагах, у старого забора, стоял дед Лукьян и пьяно улыбался.

* Ныне улица Ногмова.

** Ныне улица Октябрьская.

— Что же ты, голуба, проходишь и не замечаешь своих?— Водовоз нетвердой походкой подошел к Переяслову и громко икнул. Надзирателя обдало запахом самогона и лука.

— Ступай домой, дед Лукьян, тебя твоя бочка дожидается,— сказал Переяслов.

— Бочка? К лешему ее, толстобрюхую. Подождет, не рассохнется. Все равно всю воду из речки не пере... не перевезешь. Ты пробовал? А? Нет? То-то. Кишка тонка, голуба.

— Хватит, дед Лукьян, лясы точить. Ступай домой. — Переяслов повернулся, чтобы уйти.

— Постой, постой,— сказал водовоз,— я у тебя что спрошу.— Он громко икнул, провел ладонью по жестким рыжим усам.

— Слухай, что ты князей дрова рубать заставляешь, а? Они ж этому делу не приучены.

— Какие дрова? — недоуменно спросил Переяслов.

— Обыкновенные. Вчерась твои арестантики дровишки рубали? Рубали. Ты за ними поглядывал? Поглядывал. На то ты и приставлен.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил надзиратель. Но водовоз, не обращая внимания на его вопрос, продолжал:

— Вчерась я тверезый был, когда в тюрьму воду доставлял. Гляжу — князь. Удивился: как это князь в тюрьму угодил? Никак что-то натворил против нонешней власти, а?

— Ты что-то путаешь. Князей в тюрьме не держат.

— Как не держат? Я ж видал его своими собственными глазами. Дрова рубал он.

Перевяслов пожал плечами и спросил:

— Фамилию знаешь?

— Фамилию запомнил. Вот так всегда: когда тверезый — все помню, даже кому задолжал. А чарку пропустил — голова, как решето, ничего не держит, окромя хмеля.

— Ну какой он из себя, помнишь?

— Какой? Обыкновенный.

— А откуда ты его знаешь?

— Как откуда? Да я же в Нальчике всех знаю, даже каждую собаку. И деда Лукьяна каждая живая душа знает. А этого твоего князя я видал в прошлом году. Это когда Серебряков впервой Нальчик захватил. Воду я возил князьям Шипшевым. А у них гулянка была. Так вот на этой гулянке два князя передрались меж собой да кинжалами друг дружку пырнули. Этому, что в тюрьме, щеку порезали. Вот я и заприметил этого, со щекой который.

Перевяслов вспомнил, что у Гедугошева на щеке действительно есть шрам. Но дед Лукьян мог и обознаться.

— Фамилию, может, вспомнишь? — спросил Перевяслов.

— Знал я ихнюю фамилию. Известная такая фамилия... Аул кабардинский ихней фамилией зовется. Но как же его... Дай бог памяти. Ну, напоси, аул недалеко от Пятигорска... — Водовоз наморщил лоб и, сдвинув набок лохматую шапку, почесал за ухом. — Ага, вспомнил, Абуково* Стало быть, фамилия его Абуков. А ты зачем меня пытаешь? А? Что, сам не знаешь своих арестантов? Да ладно. Не

* Ныне селение Залукокоаже.

хочешь говорить, за что этот князь посажен, не надо. Пусть сидит и дрова рубает. Деду Лукьяну что? Воду привез — давай оглобли назад. Ну, бувай. — Старый водовоз еще раз громко икнул и, разбрызгивая сырмятными чувяками грязь, пошатываясь, зашагал прочь.

Надзиратель пытался найти какую-то связь между тем, что сообщил ему водовоз, и заданием Митрофана Озерца, которое он никак не мог выполнить.

«Что-то дед путает», — подумал Переяслов. — «Никакого Абукова в тюрьме нет. Но Озерцу надо передать слова деда Лукьяна. Может, что и пригодится».

На следующий день конвоиры увели из камеры Гедугошева. Потом пришел надзиратель Переяслов и вызвал Митрофана Озерца на уборку тюремного двора.

Темиркан Мазанов, по-восточному поджав под себя ноги, сидел на нарах и с чувством жалости смотрел на худое, бледное лицо Мухамеда Даурова — старого и больного человека.

Мухамед Дауров, житель селения Бабуково, был активным участником борьбы за Советскую власть в Кабарде. В родном селении он пользовался большим авторитетом среди бедноты. В январе 1918 года односельчане избрали его и Якуба Кушхова делегатами на первый съезд народов Терека, проходивший в Моздоке. В феврале того же года он в числе делегатов от кабардинского и балкарского народов участвовал в работе Второго съезда народов Терека в Пятигорске, голосовал за провозглашение Советской власти на Тереке, а в апреле 1918 года на съезде трудящихся Наль-

чикского округа голосовал за провозглашение Советской власти в Кабарде и Балкарии. Через несколько дней, вернувшись в Бабуково, Дауров избирается председателем сельского народного Совета — местного революционного органа власти. Беднота верила, что на этом высоком посту Дауров твердо будет стоять за интересы карахалка и решительно проводить политику Советской власти. И не ошиблась. Народный избранник, несмотря на свой преклонный возраст (ему уже было 69 лет), развернул кипучую деятельность. Самый жгучий для крестьян вопрос — вопрос о земле народный Совет селения Бабуково решил революционным путем. Под руководством Мухамеда Даурова члены Совета настойчиво проводили в жизнь декрет Терского Совета Народных Комиссаров о земле, принятый 13 марта 1918 года, у крупных землевладельцев конфисковали землю и без выкупа передавали сельской бедноте. Много сделал Дауров для организации борьбы трудящихся против белогвардейщины: на сельских сходах разъяснял крестьянам политику Советской власти, призывал вступать в революционные отряды, руководил мобилизацией населения в эти отряды, заботился о семьях воинов, погибших в борьбе с контрреволюцией.

Бабуково — одно из первых кабардинских селений, которое было захвачено деникинцами во время вторжения генерала Шкуро в Кабарду в январе 1919 года. Мухамед Дауров и другие сторонники Советской власти были арестованы, привезены в Нальчик и заключены в окружную тюрьму.

В тюрьме у Даурова открылась чахотка.

Истощенный организм не мог сопротивляться этой страшной болезни. В медицинской помощи ему было отказано. Человек большой силы воли, он иногда вставал со своего места, делал несколько шагов по узкому проходу между нарами, присаживался к кому-нибудь из арестантов, интересовался, откуда тот и за что посажен в тюрьму, завязывал беседу. После разговора с Дауровым у заключенных на душе становилось теплее, прибавлялось уверенности в своих силах.

Родственники приносили Мухамеду Даурову передачи. Все, что в них было, он раздавал заключенным, оставляя себе лишь небольшой кусок чурека и ломтик домашнего сыра. Когда ему говорили, что он больше других нуждается в хорошей пище, старый кабардинец с усмешкой отвечал: «Трухлявый пенёк как ни поливай — деревом не станет».

Даурова давно уже не мучали допросами. Деникинцы, вероятно, решили, что он и без их помощи протянет недолго.

Темиркан Мазанов смотрел на него и удивлялся, откуда у этого старого кабардинца, которого чахотка превратила в скелет, а белогвардейцы пытаются сгноить в этой тюремной камере, дни которого уже давно сочтены, столько твердости духа, несокрушимой веры в победу Советской власти, в светлое будущее родного народа.

Потом что-то вспомнив, Мазанов поднялся с нар и подошел к Иванову. Темиркан удивленно взглянул на него и с любопытством спросил:

— Что?

Мазанов покосился на дверь и шепотом сказал:

— Разговор есть. Но прежде скажи: ты действительно знал Адальби — сына Магомеда?

— Знал,— ответил Иванов. — Несколько дней рядом на нарах находились. До самого дня казни.

— О братьях он тебе рассказывал?

— Рассказывал.

— Значит, ты знаешь их имена?

— Знаю.

— Тогда скажи, как их зовут.

— Ты что, проверяешь меня? — спросил Иванов.

— Может быть.

— Хорошо. Братьев его зовут Каральби и Хасанби. Знаю имя и дяди его — Матгери. Тоже активно участвовал в борьбе против кадетов. Ты напрасно меня о Темиржановых спрашиваешь. О них вся Кабарда знает. Может быть, ты хочешь узнать, что я за человек?

— Надо бы.

— А зачем тебе?

— То, что я хочу сказать, не каждому доверишь.

— Так кто ж тебе нужен?

— Человек, которому доверяет Советская власть.

Иванов испытующе посмотрел на Мазанова и сказал:

— А разве врагов Советской власти сюда могут посадить?

— Вероятно, могут... посадить.

— Как это понять?

— Ты хотел что-то о себе сказать.

— Ладно. Меня зовут Темиркан Иванов, был заместителем председателя народного Совета в селении Докшоково. А теперь, если доверяешь, выкладывай, что у тебя. Иначе мы до утра не договоримся.

После минутного раздумья Мазанов сказал:

— Вот что, Темиркан, Мазановы — это дворянская фамилия. Поэтому мне заключенные могут не доверять. Но речь не обо мне.— Он сделал паузу и продолжал: — Вчера днем я случайно услышал разговор Мухамеда Даурова с Гедугошевым. Мухамед сидел на нарах, когда тот проходил мимо. Дауров остановил его и, наклонившись, тихо сказал: — «Что-то мне лицо твое знакомо, ты, случайно, не из Абуковых будешь?» — «Нет», — ответил тот. — «Моя фамилия Гедугошев». — «А мне показалось, что я тебя где-то видел», — сказал Мухамед. — «Может, и видел, да спутал с кем-то», — ответил Гедугошев.

А Дауров тихо сказал: «Может быть, может быть». Но по тому, как он это произнес, я понял, что ответ Гедугошева не убедил Мухамеда. Уходя, Гедугошев бросил в мою сторону настороженный взгляд. Я сделал вид, что ничего не слышал и не видел. Он, наверно, подумал, что я действительно не слышал его разговора с Мухамедом. Мгновение он еще задержался, а потом повернулся и ушел.

— Да-а,— протянул Иванов.— А что ты об этом деле думаешь?— спросил он Мазанова.

— Думаю, что Гедугошев не тот, за кого себя выдает.

— А кто же он?

— Поговори с Дауровым, вероятно, он знает.

Иванов прошел между нарами и остановился у того места, где лежал Дауров.

— Мухамед,— тихо позвал Темиркан,— ты спишь?

Дауров поднял голову и увидел Иванова.

— Не знаю, Темиркан, сплю я или нет. Но, клянусь аллахом, все, что здесь происходит, я бы не хотел увидеть и во сне. Тебе что-нибудь надо? — спросил он.

— Нет, Мухамед, ничего. — Иванов наклонился и тихо спросил: — Ты здесь какое-нибудь подозрительное лицо не заметил?

— Подозрительное? — переспросил Дауров. — Можно сказать, даже очень подозрительное. Я хотел сам тебе кое-что сказать, но коль ты пришел, слушай. Не нравится мне этот Гедугошев, уж очень похож он на князя Абукова. Правда, у Абукова лицо было чистое, как у девушки, без шрама. В восемнадцатом году Абуков усердно помогал Серебрякову крестьян вешать в селениях.

— А может быть, он действительно только похож на князя Абукова? — спросил Иванов.

В это время отворилась дверь камеры. Конвоир с порога громко крикнул:

— Мухамед Дауров, выходи.

Для заключенных вызов Даурова явился полной неожиданностью. Все знали о его тяжелой, неизлечимой болезни и были уверены, что деникинцы не посмеют больше мучить старого человека допросами.

Дауров поднялся и стал медленно сходить с нар. Темиркан Иванов остановил его:

— Они не имеют права тебя трогать. Оста-

вайся на месте,— и решительно повернулся к конвоиру, стоявшему у двери.

— Остановись, Темиркан,— сказал Мухамед. Он спустился на пол, взял Иванова за локоть и тихо сказал:

— Ты ничем не можешь мне помочь, так что в это дело вмешиваться тебе не следует. — Понизив голос, добавил: — С этим Гедугошевым разберись. По-моему, это птица из другого гнезда. А может, я и ошибаюсь, проверь.

— Дауров, выходи,— вторично раздался зычный голос тюремщика.

Мухамед неторопливой походкой, сопровождаемый Ивановым и Мазановым, направился к выходу. Десятки пар глаз смотрели на него с сочувствием. У самой двери Мухамед остановился и повернулся к заключенным.

— Друзья мои, я чувствую, что увидиться нам больше не удастся. — Голос у Даурова был негромкий, но в мертвой тишине камеры его слышали все. Говорил старый Мухамед медленно, растягивая слова. — Поэтому я хочу сказать вам на прощанье: что бы ни случилось, не теряйте веры в нашу общую победу. Она придет, дело народа восторжествует. Песни сложат люди о вашем мужестве. Гордые песни!

Тюремщик с винтовкой в руках стоял у двери камеры и видел сосредоточенные лица заключенных. Он не мог понять, как этот старый кабардинец, который еле держится на ногах, может говорить о мужестве.

— Довольно! — крикнул деникинец. — Выходи!

В камеру вошел второй конвоир.

— Прощайте,— сказал Мухамед Дауров и вышел.

Через некоторое время вернулся Митрофан Озерец. Он с болью в сердце узнал о том, что деникинцы увели из камеры Мухамеда Даурова. Сообщение Темиркана Иванова о разговоре с Мазановым и Дауровым взволновало Озерца.

— Ну и что, ты не поверил старому Мухамеду? — шепотом спросил он Иванова.

— Мухамед и сам не очень уверен,— тихо ответил Иванов.

— Я думаю о другом,— сказал Батчаев.— Даурова больше месяца белогвардейцы не трогали. Вчера он заподозрил, что Гедугошев не Гедугошев, а князь Абуков. Ну, а если Гедугошев действительно князь Абуков? Как бы он поступил, решив, что старый Мухамед его узнал?

— Этот Гедугошев,— сказал Иванов,— наверно, думает, что разговора Даурова с ним никто не слышал, но он не уверен, что Мухамед никому не расскажет о своих подозрениях. Поэтому, боясь возможного разоблачения, он сегодня же попросил тюремщиков немедленно убрать Мухамеда из камеры, и его убирают.

— Ты рассуждаешь правильно, Темиркан,— сказал Жириков.— Но надо убедиться, что это именно так, как ты говоришь.

— Верно, Хакяша,— сказал Озерец,— надо убедиться. Так вот, я вам сейчас сообщу то, что мне удалось узнать у надзирателя, и вы не станете сомневаться, кто такой на самом деле Гедугошев. — И он передал своим товарищам все, что сообщил ему Григорий Перевяслов.

— Ах, сволочь! — в сердцах произнес Жириков. — С синяками ходил, чтобы поверили ему, что его избивают тюремщики, собака! Придушить его надо и дело с концом.

— Тише, Хакяша, говорить надо шепотом, — сказал Иванов. — А горячиться не следует. Провокатор от нас не уйдет. Митрофан, — обратился Темиркан к Озерцу, — ты сможешь выяснить сейчас у надзирателя, где Дауров и что с ним?

— Попробую, — сказал Озерец. Он подошел к двери и постучал. Через некоторое время открылся «глазок» и в камеру заглянул Переяслов. Увидев Митрофана, он отворил двери и вошел в камеру.

— Что надо?

— С голоду подыхаю. Узнай, может передачу принесли мне, — сказал Озерец и тихо шепнул: — Выясни, где Дауров, и срочно сообщи.

— Что, казенные харчи глотку дерут? — громко сказал надзиратель. — Ничего, не подохнешь. От наших харчей никто не подыхал. Передача, ежели есть, — сам принесу. А стучать не смей. — И ушел. Озерец остался у закрывшейся двери.

Надзиратель возвратился скоро. Он приоткрыл дверь и скороговоркой бросил:

— Нету тебе, Озерец, передачи. Жди на том свете. Понял? На том свете, — повторил он и хлопнул дверью.

Митрофан Озерец понял истинный смысл слов «на том свете». Они означали, что Мухамеда Даурова в живых уже нет.

— Теперь все ясно, — сказал Иванов. — Все случилось так, как мы предполагали.

Жаль старого Мухамеда. Большой души был человек.

Минуту помолчали.

— Темиркан,— сказал шепотом Жириков,— выяснять нам больше нечего. С провокатором надо кончать. Если разрешишь, я сегодня же с ним расправляюсь.

— Нет, Хакяша,— сказал Иванов. — Провокатора надо судить.

— А кто же его будет судить? Советская власть далеко.

— Далеко, говоришь? — Иванов обвел взглядом сидевших на нарах товарищей. — А мы кто такие? Мы и есть здесь Советская власть, нам и судить.

— Верно, Темиркан,— сказал Батчаев. — Мы имеем на это право.

— А если он не вернется в камеру, тогда что? — спросил Жириков.

— Вернется,— сказал Озерец. — Он уверен, что, послав старика Даурова на смерть, сможет продолжать свое гнусное дело.

— Что ж, будем судить этого шакала в овечьей шкуре, судить именем Советской власти,— твердо сказал Иванов приглушенным голосом. — Подсудимый — князь Абуков. В чем обвиняется? Обвиняется в том, что, став провокатором, сделал донос на красного бойца Талиба Калибатова. Талиб Калибатов от пыток умер. Князь Абуков — соучастник убийства Калибатова. Абуков обвиняется в том, что послал на смерть активиста Советской власти Мухамеда Даурова. Мухамед Дауров расстрелян. Князь Абуков — соучастник

убийства Даурова. — Темиркан выдержал паузу, а потом сказал:

— Мухамед говорил мне, что Абуков в восемнадцатом году помогал Серебрякову вешать крестьян.

— Тогда добавим,— сказал Батчаев,— что Абуков обвиняется в том, что принимал участие в казни крестьян, не желавших подчиняться бандиту Серебрякову.

— За все эти преступления,— продолжал Темиркан,— Абуков именем Советской власти приговаривается... К чему мы его приговорим?

— К смертной казни,— сказал Жириков.

— Только так,— сказал Батчаев.

— А ты как считаешь, Митрофан?

— Другого решения быть не может.

— Верно. Значит, приговаривается к смертной казни. Как исполним приговор?

— Поручите это дело мне,— попросил Жириков.

— А как ты его исполнишь? — спросил Иванов.

— Очень просто. Силенка у меня есть. Ночью, когда Абуков будет спать, я его бесшумно придушу.

— Нет, так нельзя,— сказал Озерец. — Тюремщики отомстят за одного этого князя всем арестантам. Многих расстреляют. Надо так укокошить его, чтобы на теле у него не обнаружили никаких следов насилия. Будто он внезапно от какой-то болезни умер.

— Верно,— сказал Иванов. — И надо, чтобы Абуков знал, что это не просто убийство, а казнь именем Советской власти за преступления.

— Это трудно,— сказал Жириков. — Попро-

буй, втолкуй ему, что я его убиваю по приговору. Пока втолкуешь, он успеет поднять шум. А как можно укокошить, как ты говоришь, Митрофан, чтобы не осталось следов?

— Надо подумать.

— Думай не думай, следы останутся.

— У нас в полку урядник был,— сказал Иванов. — Это было в шестнадцатом году на германском фронте. Мы стояли в тылу. Этот урядник всех всадников изводил. Лютый зверь был, а не человек. Кулачища имел огромные, как ударит всадника, так тот, бедняга, на землю падал. А за что? Приветствовал его не так, как надо, не то слово сказал, не вовремя исполнил его команду, не так на него посмотрел. Любимое слово у него было «холера». Все время мы и слышали: «Холера тебя возьми», «Холера тебе в бок!», «Как стоишь, холера?». Раз он до полусмерти избил одного молодого всадника. Поломал ему руку. По этому делу велось следствие. Не знаю, что было выяснено и решено, но урядника не арестовали. Его лишь перевели в другой эскадрон. Там он тоже зверствовал. А однажды его нашли мертвым. На теле не было ни одной царапины, никаких следов убийства. Только лицо было синее, синее. Говорили, что сердце у него болело. Вот оно, мол, вдруг разорвалось. Но потом все же мы узнали, что его придушили. Накрыли лицо, зажали нос и рот, чтобы дышать не мог — он и дух испустил.

— Вот так и мы прикончим Абукова,— оживился Жириков. — Дайте мне в помощь еще одного человека, и мы справимся.

— Нет, Хакяша,— сказал Иванов. — Здесь

двум не справиться. Приговор в исполнение приведут три человека. Ты, Мусос Жабелов...

— И еще Альхо Машуков,— сказал Жириков. — Мы с ним односельчане. Верный человек.

— Ладно, ты поговори с ним.

— А с Жабеловым я поговорю,— сказал Батчаев.

— Хорошо, Конак. Эта тройка должна привести приговор в исполнение ночью, когда все уснут. Но обязательно Абуков должен знать, за что будет казнен. Мы не убийцы, а представители Советской власти и караем за преступления против народа. Учти, Хакяша, на теле Абукова не должно быть никаких царапин, никаких следов от ударов.

— Все ясно, Темиркан. Я сейчас пойду и поговорю с Альхо.

Жириков направился в дальний угол, где находился Машуков. Батчаев ушел переговорить с Мусосом Жабеловым.

До сегодняшнего дня Иванов и Озерец не обращали на Гедугошева особого внимания, но когда они узнали, кто скрывается под этой фамилией, им захотелось увидеть лицо провокатора, посмотреть, как он будет вести себя среди арестантов, не подозревая, что уже разоблачен.

К концу дня мнимый Гедугошев вернулся. Иванов и Озерец видели, как он, чуть припадая на левую ногу, медленно шел между нар, опустив голову, плотно сжав губы, словно боялся, что с них сорвется слово, которое может насторожить арестантов, а еще хуже — выдать его. Он взобрался на нары и зло выругался. Сидевший рядом с ним заключенный

спросил, не видел ли он Мухамеда Даурова.

— Нет,— ответил Гедугошев,— не видал. А где он?

— Его тюремщики увели.

— Жаль, очень жаль Мухамеда. Хороший был человек.

— Почему ты говоришь «был»?

— Если до сих пор его нет, то где же он? Наверяд ли вернется. Эти палачи не церемонятся.

— Ты же вернулся.

Боясь, что разговор примет нежелательный для него оборот, Гедугошев сказал:

— Сегодня вернулся, а завтра, может, и не вернусь. Наша жизнь может оборваться в любую минуту. Не от нас это зависит.

Темиркан Мазанов сидел на нарах, поджав под себя ноги, и не сводил с Гедугошева глаз.

Почувствовав на себе чей-то тяжелый, пристальный взгляд, Гедугошев повернул голову и встретился глазами с Мазановым. Несколько секунд они смотрели друг на друга: один — с нескрываемой ненавистью и презрением, другой — настороженно, стараясь не выдать волнения, которое его вдруг охватило.

Мазанов встал и подошел к Гедугошеву.

— Значит, ты не знаешь, где Мухамед? — спросил он.

— Не знаю.

— Жив он или нет — тоже не знаешь?

— А откуда мне знать? Может, жив, а может — и нет. Тюремщики мне не доносят.

— А может, ты тюремщикам доносишь?

Лицо Гедугошева побелело. Он быстро вскочил на ноги и сжал кулаки.

— Ты как в тюрьму попал, Мазанов? —

громко спросил он. — Мазановы ведь дворяне. Что ты здесь, в камере, делаешь, дворянин? Бедный Мухамед мне говорил, что ты здесь не зря, что тебя деникинцы сюда доносчиком направили. А ну-ка скажи, что это не так. Скажи! Эй, люди, среди нас провокатор. Бейте его!

С этими словами Гедугошев бросился на Мазанова и сильным ударом в челюсть сбил его с ног. Слово «провокатор» подняло с нар многих арестантов. Еще минута, и они совершили бы над Мазановым самосуд.

— Стойте! Стойте! — крикнул Темиркан Иванов. Он с трудом растолкал сгрудившихся заключенных и пробился к лежавшему на полу Мазанову.

— Что вы смотрите на него? Бейте его! — закричал Гедугошев. Волна гнева, охватившая арестантов, готова была снова обрушиться на Мазанова.

— Белогвардейская сволочь!

— Не выпускайте его живым!

— Продажная шкура!

— Да что вы стоите? Бейте провокатора! — громче всех кричал Гедугошев. Ему необходимо было во что бы то ни стало лишить Мазанова возможности говорить. У Гедугошева уже не было уверенности, что Мухамед Дауров не рассказал о своих подозрениях кому-то и, в частности, Мазанову. Он понимал, что если возмущенная толпа не расправится с Мазановым, то он, Гедугошев, сам может оказаться в тяжелом положении.

— Смерть провокатору! Чего стоите? Бейте его! — рвался Гедугошев к Мазанову.

— Стойте! — снова крикнул Иванов. —

Кто докажет, что Мазанов провокатор? Кто? Может быть, ты? — обратился он к Гедугошеву.

— Кто ты такой, что защищаешь провокатора? Мазанов — дворянин. Пусть скажет, что нет. Он подослан к нам тюремщиками. Зачем? Чтобы доносить. Он уже донес на Даурова, и чахоточного человека расстреляли. Мы не позволим ему доносить на нас. Мы заткнем ему глотку. Отомстим за Мухамеда. Бейте провокатора! — последние слова Гедугошев выкрикнул и бросился на Мазанова. Но сильные руки Хакяши Жирикова схватили его плотное тело и сдавили, словно железными обручами.

— Тихо! — крикнул Иванов. — Прекратите шум, или вы хотите, чтобы вас услышал надзиратель? Сейчас шум нужен только провокатору. На шум в камеру прибежит надзиратель, и тогда провокатор улизнет.

— Не верьте ему, не верьте! — закричал Гедугошев, пытаясь освободиться из железных объятий Жирикова. — Он отвлекает ваше внимание от провокатора Мазанова. Пусть он докажет, что Мазанов не провокатор!

— Докажи, Темиркан, докажи! — раздалась возбужденные голоса.

— Хорошо, — сказал Иванов. — Замолчите и слушайте.

Никто не заметил, как в дверях открылся и закрылся «глазок». Это надзиратель Перевяслов заглядывал в камеру и с тревогой следил за возбужденными арестантами, не зная причины этого возбуждения. Перевяслов смотрел на Озерца, который был виден в «глазок», и старался по его виду понять, что происходит в камере. Митрофан Озерец стоял спиной

к двери и по нему нельзя было что-либо определить. «Войти или не войти?». Надзиратель решил не входить. «Может, что важное решают,— подумал он. — Лишь бы старший надзиратель Карайда не заглянул».

Иванов поднялся на нары, еще не зная, что скажет арестантам, которые немного утихли, но смотрели на него не то с недоверием, не то с сомнением.

— Отпусти, Хакаяша, его,— сказал Иванов Жирикову, продолжавшему держать Гедугошева.

Иванову ничего не оставалось, как рассказать о подлинном провокаторе. Но как доказать заключенным, что провокатором является не Мазанов, а Гедугошев, вернее, тот, кто скрывается под этой фамилией? Он мысленно старался найти веские доводы и нужные слова, но в считанные секунды это трудно было сделать.

— Давай, говори, Темиркан, чего молчишь? — крикнул кто-то.

— Я несколько месяцев нахожусь здесь в этой камере, на виду у всех вас,— сказал Темиркан Иванов. — Некоторые знали меня еще раньше, когда я был заместителем председателя народного Совета в Докшоково. В Совет меня избирали мои односельчане. Значит, они верили мне и доверяли.

— Довольно языком молоть,— крикнул Гедугошев.— Ты докажи, что дворянин Мазанов не провокатор.

— Я докажу это и докажу, кто провокатор,— сказал твердым голосом Иванов. — Мне мои односельчане доверяли. У вас нет основа-

ний мне не доверять. А может, у кого есть?— обвел он взглядом арестантов.

— Говори, Темиркан, мы верим тебе,— громко сказал Хатакшуко Текужев.

— Говори, говори,— раздалось несколько голосов.

— Среди нас действительно есть провокатор,— продолжал Иванов. — Он находится здесь.

Заключенные зашумели.

— Кто он?

— Назови его!

— Не тyani!

— Тихо! — Иванов поднял руку. — Я назову вам настоящее имя. Но прежде я хочу сказать вам вот что. Сегодня здесь, в камере, состоялся суд. Группа товарищей, которой стало известно настоящее имя провокатора, выяснила некоторые его преступления. В восемнадцатом году, когда в Кабарду пришел бандит Даутоков-Серебряков, этот человек помогал ему убивать крестьян. Об этом сообщил нам Мухамед Дауров. Мухамед узнал его, хотя он прятался и прячется под чужой фамилией. Провокатор испугался Мухамеда, испугался, что он разоблачит его перед нами. Вот поэтому он сегодня попросил тюремщиков убрать Даурова из камеры, и его убрали и расстреляли. А сам он остался здесь, чтобы вынюхивать наши мысли, сеять между нами недоверие, чтобы мы подозревали друг друга в измене и предательстве, чтобы мы не могли объединиться и держаться вместе. Он, вероятно, надеялся, что ему удастся кое-кого из арестантов склонить на сторону белогвардейцев. Но провокатор просчитался.

В то время, как Иванов говорил, Гедугошев медленно и незаметно старался уйти за спины столпившихся заключенных. Он видел решительные лица арестантов, слушавших то, что с жаром и убедительно говорил Иванов, и понимал опасное положение, в которое попал.

Абуков не был трусом, но единственным спасительным выходом из создавшегося положения он считал бегство. Но для того чтобы бежать, надо было как можно быстрее и по возможности незаметно добраться до двери и вызвать надзирателя. В потайном кармане он нащупал револьвер, но это его не успокоило. Револьвер мог сдержать толпу лишь на минуту, две-три, не более. Надо было решительнее пробираться к двери.

Иванов, стоя на нарах, видел, как Абуков медленно пятился назад.

«Не уйдешь!» — мелькнуло в голове, а вслух продолжал:

— Провокатор просчитался! Наш суд приговорил его к смертной казни.

По камере прошел одобрителный гул.

— Правильно! — раздались голоса.

— Смерть провокатору!

— Темиркан, назови его имя!

— Тихо! — поднял руку Иванов. — Настоящая его фамилия — князь Абуков. Сюда он пришел под чужой фамилией — Гедугошев. Вон он пробирается к двери, чтобы бежать.

Заключенные повернулись в ту сторону, куда указывала рука Иванова. Все увидели, как мнимый Гедугошев метнулся к двери и забарабанил в нее кулаками.

Арестанты, стоявшие невдалеке, бросились к нему, но Гедугошев выхватил револьвер.

— Ни с места! Уложу, как собак!

Заключенные остановились, но медлить было нельзя. Дверь камеры могла вот-вот открыться, и тогда провокатор оказался бы на свободе.

Мусос Жабелов, ближе других стоявший к Абукову, шагнул вперед.

— Опустить револьвер. Если ты сделаешь хоть один выстрел, мы тебя втопчем в этот каменный пол.

— Еще шаг, и я пушу тебе пулю в лоб,— ответил Абуков.

Темиркан Мазанов отстранил Жабелова и молча стал подходить к провокатору.

— Назад, скотина! Застрелю!

Мазанов остановился. Три шага отделяли его от Абукова.

— Стреляй. Ты же хотел убить меня... — И бросился вперед. Раздался выстрел. Пуля ударила Мазанова в плечо. Темиркан рывком согнул руку Абукова, и дуло револьвера уткнулось князю в грудь. Прозвучал второй выстрел.

Дверь камеры с шумом распахнулась. На пороге вырос старший надзиратель Карайда. Он увидел, как арестант со шрамом на лице неестественно повернулся и рухнул на пол.

Пятерых заключенных увели в тот день деникинцы из камеры. Среди них были Темиркан Мазанов, Жамурза Емкужев, Фица Жанказиев, Магомед Шекеров и Каспот Бегидов.

Белогвардейская контрразведка поняла, что провокатор Абуков был разоблачен заключенными. Как это случилось, она так и не смогла

ла узнать. Сам Абуков был мертв и, следовательно, ничего не мог рассказать, а арестанты на вопрос: «Что вам известно о Гедугошеве?» на допросах отвечали, что ничего о нем не знают.

Жамурзу Емкужева, Фицу Жанказиева, Магомеда Шекерова и Каспота Бегидова белогвардейцы вывели к реке и там расстреляли. Темиркану Мазанову связали за спиной руки, повесили на грудь дощечку с надписью «Я — большевик» и под усиленной охраной вывели из тюремных ворот. Провели через небольшой садик, расположенный между Тюремной и Церковной улицами. У Симеоновской церкви богомольные старушки в черных платках, поеживаясь от непогоды и часто крестясь, скорбно смотрели вслед неизвестному арестанту. Пересекли Церковную, в выбоинах, улицу, спускавшуюся к реке, и вышли на главную улицу Нальчика — Воронцовскую.

Гулкие шаги конвоиров по замерзшей мостовой привлекали к арестанту внимание прохожих. У магазина купца Агаева остановился со своей спутницей преподаватель реального училища Краузе.

— Когда же кончится эта варфоломеевская ночь? — возмущенно сказал он.

— Вы не очень осторожны, — тихо проговорила его спутница и, оглядываясь по сторонам, увлекла учителя в проулок.

Конвоиры вели Мазанова мимо приземистого домика, в котором до занятия Нальчика деникинцами размещался городской Совдеп, мимо базарной площади, где был казнен комиссар Дмитрий Видяйкин, мимо здания контрразведки... Привели в небольшой сквер,

расположенный напротив почты. Мелкий колючий снег слепил глаза. На холодном ветру стыли обнаженные деревья. Деникинцы подвели Темиркана Мазанова к старой липе, превращенной в виселицу. Несколько месяцев тому назад толпа нальчан, согнанная сюда для устрашения, видела здесь казнь руководителя балкарских партизан Хажмурата Асанова. Сегодня она стала свидетелем казни Темиркана Мазанова.

Никто из нальчан, стоявших в молчаливой толпе, не знал, кто этот кабардинец в темном бешмете, с мужественным, волевым лицом, который, оттолкнув деникинского палача, сам накинул на шею петлю.

Темиркан Мазанов происходил из обедневшей дворянской семьи. Честный и справедливый, он открыто заявил своим родственникам, что ненавидит тех, кто угнетает карахалк. В 1918 году Темиркан добровольно вступил в революционный отряд и встал на защиту Советской власти. В одном из боев он попал к белым в плен, но ему удалось бежать. К тому времени Кабарда уже полностью была оккупирована деникинскими войсками. Потом решил пробраться в родное селение Жанхотово. У самого дома его схватили родственники и выдали стражникам. Через день он был привезен в окружную тюрьму и вскоре казнен.

После убийства провокатора Абукова из камеры политических все чаще стали уводить заключенных. Все чаще раздавались гулкие выстрелы на берегу реки Нальчик. Расстрелянных тут же закапывали в землю.

Пройдут годы, и здесь, у чистых вод Нальчика, благодарные потомки установят памят-

ник, на котором будут высечены имена героев, не покорившихся врагу, до последнего дыхания сохранивших верность Советской власти. И будет стоять тот памятник в окружении цветов, как вечное напоминание живым о мужестве павших, как вечное напоминание живым о той цене, которая была заплачена за право жить свободными на отвоеванной у врагов земле.

А сейчас здесь белогвардейцы продолжали вершить свое черное дело. В течение только одного дня деникинцы вывели из тюрьмы и расстреляли группу крестьян аула Иналово*, активных сторонников Советской власти. Среди казненных были братья Аришевы — Темиркан и Ботоко, сын Ботоко — Салих, их земляки — Ордоков Шихбулат, Шетов Хамахо, Кульчуков Исуф, Куважоков Якшоко, Кештов Аслангери, Сантиков Кейтуко. Иналовец Тлехадугов Исмел был повешен.

Деникинские власти торопились. В Нальчик стали доходить слухи о начавшемся наступлении Красной Армии. Надзиратель Перевяслов сообщил Озерцу радостную весть: красные части заняли Ростов.

Темиркан Иванов, Конак Батчаев и Митрофан Озерец знали, что где-то на территории Кабарды находится партизанский отряд, которым командовал Жирослан Гурфов. Внезапный налет партизан Гурфова на тюрьму, если бы это можно было осуществить, спас бы десятки людей от смерти. Но для этого прежде всего надо связаться с партизанским отрядом. Как и через кого? Митрофан Озерец счи-

* Ныне селение Карагач.

тал возможным такую связь через верных людей, находившихся в Нальчике. Но кого послать к этим людям? Перевяслова? У Митрофана Озерца не было оснований не доверять надзирателю. Но Григорий Перевяслов в глазах тех, кто остался верен Советской власти, был предателем, и они никогда бы не доверились надзирателю белогвардейской тюрьмы.

— Ждать, пока кто-нибудь нам окажет помощь, нечего. Надо действовать самим,— сказал Иванов Батчаеву и Озерцу.

— Что ты предлагаешь? — спросил Батчаев.

— Я предлагаю устроить побег.

— Это сложное дело,— заметил Озерец.

— Да, сложное, но решиться надо,— сказал Иванов.— Давайте разработаем план побега и будем действовать.

— Верно,— сказал Батчаев.— Нам рисковать нечем. Удастся побег — будем на свободе, а не удастся, так все равно погибать.

— Надо с людьми поговорить,— предложил Озерец.

— Надо,— согласился Иванов,— но осторожно. — Он подумал немного, а потом сказал: — Давайте сделаем так: ты, Митрофан, подбери группу из русских, осетин, грузин, татов, согласных бежать. А ты, Конак, поговори с балкарцами, тоже создай группу из таких, которые не подведут. А я переговорю с кабардинцами. Важно, чтобы о подготовке побега никто, кроме этих групп, не знал.

В хмурое зимнее утро конвоиры втолкнули в камеру нового арестанта. Он несколько секунд стоял, пошатываясь, но ноги его подо-

гнулись, он медленно осел и распростерся на полу. Несколько заключенных подняли его с цементного пола и перенесли на нары.

В новом арестанте Митрофан Озерец узнал бойца Нальчикской коммунистической роты Михаила Попушина. У него было вспухшее и обвисшее лицо, заплывшие, в синяках глаза. Из рассеченной губы сочилась кровь. На голое тело клочьями висела изорванная рубаха. Попушин тяжело дышал. Увидев Озерца, он сказал:

— Это ты, Митрофан? — Распухшие губы шевелились с трудом.

— Я, Миша,— ответил Озерец. — Где они тебя так? В контрразведке?

— Там. — Попушин перевел дыхание. — А потом здесь, в тюрьме. Особо зверствовал этот гад Барыкин, прапорщик. Все норовил в лицо, сволочь. — Он попросил воды. Мусос Жабелов подал ему кружку. Попушин приподнялся, стал пить большими глотками, жадно, потом снова опустился на нары. К нему подошел Хатакшуко Текужев. Увидев, что избитое тело нового арестанта прикрыто лишь клочьями изорванной рубахи, он снял с себя бешмет из домотканого сукна и, протягивая Попушину, сказал:

— Возьми, надень. Враг не видел слабости твоего духа. Пусть не увидит он слабости тела твоего.

Михаил с благодарностью пожал ему руку. Хакяша Жириков помог Попушину надеть бешмет и спросил:

— Чего они от тебя добивались?

— За Костенко мстили, гады.

— А кто такой Костенко?

— Был такой, да сплыл. Отправил я его, гада, на тот свет.

...В ночь на 31 июля 1918 года в Нальчике, у себя на квартире, был убит председатель Нальчикского окружного народного Совета и окружной комиссар Алексей Сахаров. Убийство совершили два белогвардейских офицера. Через некоторое время один из них был схвачен. Им оказался сын нальчикского богача подпоручик Костенко. Вечером его привели в казарму Нальчикской коммунистической роты. Часовым приставили бойца Попушина. Утром убийцу должны были препроводить в тюрьму. Костенко стал уговаривать Попушина отпустить его, обещая за это большое вознаграждение.

«Пока суд да следствие — долго будут разбираться. Да и неизвестно, как дело обернется», — подумал Михаил Попушин.

— Пошли, — коротко бросил он белогвардейскому офицеру.

Кривые улицы Нальчика были освещены жидким лунным светом. Попушин и Костенко шли, прижимаясь к заборам, чтобы не попасть на глаза патрульным. Вскоре они оказались на северо-восточной окраине Нальчика. Перед ними начиналось кукурузное поле. Пошли через кукурузу — впереди Костенко, за ним Попушин. Пройдя верст пять, остановились.

— Давай здесь переночуем, — сказал Костенко. — Мы уже далеко ушли. Так что погоня не страшна, не найдут. А рано утром двинемся в Александровскую. Там у меня родственник живет. Потом до наших махнем.

Он выбрал поудобнее место, снял сапоги и,

улыбаясь своим мыслям, растянулся на траве, заложив руки за голову.

У Костенко было хорошее настроение. Еще бы! Всего несколько часов назад он считал, что его песенка уже спета. Выведут его большевики на тюремный двор и дадут порцию свинца. А дело обернулось совсем иначе. Костенко не скрывал своей радости. «Снова на свободе и скоро, совсем скоро буду среди своих. А в Нальчик я еще вернусь. Я еще покажу большевикам-голодранцам, где раки зимуют». С этими мыслями белогвардейский офицер вскоре заснул.

Попушину было не до сна. Не выпуская из рук винтовку, он присел на землю, скрутил козью ножку и закурил.

Стояла тихая, звездная ночь. Со стороны гор веяло прохладой. Кукурузное поле было окрашено желтым светом луны. В двух шагах от Попушина похрапывал белогвардейский подпоручик. «И что я этого гада сюда привел? — подумал Попушин. — У самого начала кукурузного поля надо было кончать с ним. Ишь, разлегся гад. Уверен, что убежал от народной кары, и уже свободен. Нет, сукин сын, твоя свобода дорого стоила товарищу Сахарову. За его смерть тебе придется ответ держать».

Попушин встал и щелкнул затвором. Разбудив спящего Костенко, он вскинул винтовку.

— За убийство комиссара Сахарова приговариваю тебя к расстрелу, — чеканя каждое слово, произнес Попушин и выстрелил в вскочившего на ноги Костенко.

Утром Попушин явился в казарму и обо

всем случившемуся доложил командиру роты Григорию Маруде. Не поверив, что Костенко убит, командир роты приказал двум бойцам пройти вместе с Попушиным на то место, где, по его словам, лежит тело подпоручика, и удостовериться в этом факте.

Бойцы вернулись и доложили, что в кукурузе действительно они обнаружили труп Костенко.

За самоуправство Михаила Попушина должны были судить. О случившемся стало известно Чрезвычайному комиссару Терской республики Беталу Калмыкову. Он пришел в казарму Нальчикской коммунистической роты, поговорил с ее молодым командиром Григорием Марудой, узнал, что Михаил Попушин — смелый, дисциплинированный боец, преданный делу революции.

— Как же ты, революционный боец, мог допустить самоуправство? — строго спросил Попушина Калмыков.

— Таких, как Костенко, в живых оставлять нельзя, товарищ комиссар, — сказал Попушин. — Такие, как он, норовят схватить нас за горло.

— Так ты считаешь, что поступил с Костенко правильно?

— Нет, товарищ комиссар, считаю, что поступил с подпоручиком Костенко не очень правильно. Судить надо бы его, да я не удержался, шлепнул без приговора.

— Значит, виноват?

— Виноват, товарищ комиссар.

После беседы с бойцами о воинской дисциплине и предстоящих боях Калмыков сказал Григорию Маруде:

— Судить Попушина не будем, но наказать его за самоуправство надо. Дайте ему пять суток ареста и на этом историю с подпоручиком Костенко будем считать законченной.

Но история эта осталась незаконченной. Спустя много месяцев после описанных событий, когда Михаил Попухин оказался в руках деникинцев, история подпоручика Костенко всплыла вновь...

Попухин приподнялся на нарах и сел.

— Они хотели, чтобы я стал на колени и просил у них пощады. Но они этого никогда не добьются. Никогда! Гады!

Не прошло и часа, как тяжелая скрипучая дверь камеры открылась и на пороге появился конвоир.

— Попухин, на допрос.

Михаил поднял голову, равнодушным взглядом окинул сутулую фигуру тюремщика.

— Передай своему начальству, что Попухину больше сказать нечего. Была б у меня винтовка, я б еще поговорил. Иди, доложи.

Конвоир взял винтовку наперевес и шагнул в камеру:

— Ты это сам скажи начальству, если смел. А ну, вставай.

Хакяша Жириков поднялся с нар и подошел к деникинцу.

— У тебя глаза есть? Видишь, человек встать не может, избит, в крови весь. На допрос он не пойдет. Уходи.

— Ты мне не указывай,— бросил конвоир Жирикову. — Я выполняю приказ.

— Уходи по-хорошему.— Хакяша сжал кулаки, похожие на кувалды, и двинулся на тю-

ремщика. Конвоир попятился к выходу. С порога крикнул:

— Силой поволокут. Хуже будет. — И хлопнул дверью.

Вскоре под предводительством прапорщика Барыкина в камеру вошли три вооруженных конвоира.

— Взять, — коротко приказал офицер, показывая в сторону Попушина. Сопротивляться было бессмысленно.

Конвоиры схватили Попушина и вместе с ним вышли из камеры. У открытой двери прапорщик Барыкин задержался.

— Не советую вам вмешиваться в распоряжения тюремного начальства, — бросил он заключенным. — Это может плохо для вас кончиться.

На тюремном дворе Попушину связали за спиной руки.

«Куда поведут?» — подумал Михаил. Он знал, что направо от тюрьмы заключенных вели к берегу реки Нальчик и там расстреливали. Прямо от тюремных ворот через несколько десятков шагов начиналась Воронцовская улица, на которой размещалась деникинская контрразведка. Оттуда его сегодня привели в тюрьму.

Конвой под командой прапорщика Барыкина вывел Михаила Попушина через калитку на Тюремную улицу, повел налево.

Крупные хлопья снега, кружась в воздухе, падали на мокрую землю. Мороза не было. Снег ложился на мостовую и таял. Лишь на крышах домов он оставался лежать белым, пушистым пологом.

Попушин не чувствовал ни холодного при-

косновения снега, падавшего на его обнаженную голову, ни боли в распухших губах, не замечал хлюпавшую под ногами грязь.

«Если не на расстрел, если не в контрразведку, то куда?».

Обогнули высокую каменную стену тюремного забора. Пересекли Бульварную улицу*, на которой зябли черные стволы акаций. Редкие прохожие останавливались, сочувственными взглядами провожали арестанта.

За последними городскими строениями начинался пустырь, кое-где поросший низкорослым кустарником. Невдалеке, на возвышенности, сквозь снежную пелену Попушин увидел виселицу, одиноко торчащую на голом месте.

Он остановился, что-то холодное сжало сердце. Стало невыносимо зябко, ноги вдруг отяжелели, стали непослушными.

«Вот, значит, куда!»

Хотелось рвануться, закричать, втоптать в черную, мокрую землю виселицу, конвой и этого проклятого прапорщика, и этот снег, который все шел и шел, не переставая.

— Шагай,— крикнул прапорщик. Один из конвоиров ткнул штыком в спину. Попушин, медленно перебирая ногами, побрел вперед. Вот и виселица. Темная веревка с петлей покачивалась и была похожа на готовую к броску змею. Деникинцы подтащили к виселице высокую деревянную скамью, облепленную снегом, подтолкнули к ней Попушина, накинули на шею мокрую петлю.

— Я не собираюсь объявлять тебе приговор

* Ныне улица Республиканская.

военно-полевого суда,— сказал прапорщик Барыкин. — Ты и так его знаешь. Через несколько минут твое бренное тело будет болтаться между небом и землей.

Попушин с ненавистью смотрел на прапорщика. — «Неужели вот так и умереть, ничем не отомстив этой гадине?»

— Я могу исполнить твою последнюю волю, если она у тебя есть,— сказал Барыкин.

— Есть у меня одна просьба.

— Говори — исполню.

— Подойди поближе, не хочу, чтобы о ней слышали другие.

Барыкин подошел. Если б у Попушина были свободны руки, он схватил бы этого самоуверенного прапорщика за горло, оторвал от земли и задушил. Но руки его были связаны, и он бессилён был что-либо предпринять против ненавистного офицера.

Барыкин слегка задрал голову. Ему любопытно было узнать, какое может быть последнее в жизни желание у обреченного на смерть человека.

— Вот что, Барыкин...— Стоя на деревянной скамье в тяжелых сапогах, с петлей на шее, Попушин знал, что уже больше никогда не коснется земли и, в ту минуту, когда из-под ног его конвоиры рванут скамью, все будет кончено. Попушин сжал зубы. Чем же заплатить этому гаду Барыкину напоследок? Мгновенно прикинув расстояние, отделявшее его от прапорщика, Попушин внезапно взмахнул ногой и со всей силы ударил Барыкина носком сапога в голову.

Прапорщик со стоном повалился на землю.

Конвоиры бросились к Попущину и рванули из-под ног скамью.

В тот же день заключенным тюрьмы стало известно, что Михаил Попущин казнен, а прапорщик Барыкин отправлен в лазарет.

* * *

...В камере политических заключенных началась подготовка к побегу. Ее вели Темиркан Иванов, Конак Батчаев и Митрофан Озерец.

На помощь надзирателя Перевяслова рассчитывать не пришлось. Он внезапно уехал. Перед самым отъездом успел передать Озерцу, что его направляют на станцию Прохладная. Зачем, он еще не знает. Вернется дней через десять.

— Жаль,— сказал Темиркан Иванов, узнав об отъезде Перевяслова.— Он мог бы оказать нам большую помощь. Но десять дней ждать нельзя.

С отъездом Перевяслова оборвалась единственная нить, связывавшая арестантов с внешним миром.

Ночами, лежа на нарах, Темиркан Иванов часто думал о своих близких родственниках, живших в селении Докшоково. Он знал, какие черные дни переживают они вместе со всем карахалком, и тревога за их судьбу не покидала его. Иванов твердо верил, что день освобождения родной земли близок, что Красная Армия разгромит белогвардейские войска и Советская власть снова и навсегда восстановится в Нальчике и в селениях округа.

О многом думал Темиркан длинными ночами на тюремных нарах. Хотелось заглянуть в

будущее, представить жизнь кабардинских крестьян через десять, через двадцать лет. Какая она будет, жизнь? Он не узнает этого. Он не узнает и того, что через два десятилетия на земле разразится новая война, самая жестокая из всех войн, что знала история. Немецко-фашистские орды хлынут на Страну Советов, неся с собою смерть и разрушения. Вместе со всеми советскими людьми на защиту своей Родины встанут и Ивановы из кабардинского селения Старый Черек (так будет называться в то время селение Докшоково). Одни из них сложат головы далеко от родного дома, другим посчастливится увидеть солнечный День Победы. На костылях вернется в родное селение Хасан Иванов — племянник Темиркана Иванова. Ярким светом будет гореть на груди его выцветшей гимнастерки Золотая Звезда Героя. Двенадцать наград за мужество и отвагу привезет в отчий дом другой племянник Темиркана — Хаути Иванов. Это будет через четверть века. Будет. Но Темиркан Иванов об этом не узнает.

Через несколько дней после гибели Михаила Попушина конвоир открыл дверь и с порога крикнул:

— Иванов, выходи!

Уже долгое время Темиркана не вызывали на допрос. Казалось, что тюремное начальство и белогвардейская контрразведка забыли о его существовании. Иванов и сам не понимал, почему враги до сих пор с ним не расправились, хотя и знали, что он, Темиркан Иванов — заместитель председателя народного Совета селения Докшоково, большевик, активный сторонник Советской власти. Каждый день видя,

как тюремщики уводят заключенных, Темиркан внутренне был готов к тому, что вот так же придут и за ним, выведут из камеры и поведут к реке. Но проходили дни, недели, месяцы, а о нем никто не вспоминал. «Наверное, я им для чего-то нужен живой»,— решил Иванов. Постепенно в нем утвердилась уверенность, что деникинцы расправятся с ним лишь в самый последний момент — перед бегством из Нальчика. Поэтому приход конвоира, чтобы увести его из камеры, был для Иванова неожиданностью.

Темиркан поправил на голове папаху и подошел к тюремщику.

— Прощаться с друзьями разрешишь?

Конвоир безразличным тоном ответил:

— Дело твое. Велено вести тебя на Воронцовскую.

«Значит, в контрразведку»,— отметил про себя Темиркан. Он быстро подошел к Батчаеву и тихо сказал:

— Не знаю, Конак, что со мной может случиться, но что бы ни случилось, надо торопиться. Действуй на этой неделе.

* * *

— А-а, Темиркан. Проходи, садись. — Подполковник Покровский произнес это таким тоном, словно перед ним был старый приятель. Он отпустил конвой, подошел к двери и закурил. — Садись, садись. Русские говорят: в ногах правды нет.

Иванов сел. Впервые Темиркан увидел начальника белогвардейской контрразведки на второй день после того, как был заключен в

тюрьму. Тогда Покровский присутствовал на допросе, который вел один из его сотрудников — Панферов. На допросе Покровский не задал Иванову ни одного вопроса. Он молча курил, откинувшись на спинку стула, иногда косился в сторону Панферова, который, как ни старался, ничего не мог добиться у Темиркана Иванова.

Начальник контрразведки был одет в щегольскую белую черкеску с серебряными газырями. Чисто выбритое лицо отдавало синевой. Над глазами с очень темными зрачками нависали густые черные брови.

— Вот что, Темиркан. Хочу поговорить с тобой откровенно, без всяких выкрутасов. Ты видишь, что каждый день из камеры, в которой ты находишься, арестанты исчезают. Куда исчезают — не секрет и нет надобности тебе говорить куда. — Покровский театральным жестом откинул полу черкески и присел на край стола. — Ты много месяцев находишься в окружной тюрьме. Допросами мы тебе не надоедали, и ты подумал, что о тебе забыли. Нет, Иванов, мы о тебе не забыли. Память у нас хорошая. Скажу прямо: в живых большевик Иванов остался не потому, что мы забыли отправить его на тот свет. Нет. Просто мы решили, что ты можешь пригодиться нам здесь, на земле.

Покровский взял со стола папку, вынул из нее листок бумаги, спросил:

— Ты большевика Гикало знаешь?

— Фамилию слышал, — ответил Иванов.

— Так вот, этот Гикало объявил себя командующим так называемой Терской областной группой красных повстанческих войск.

Звучит солидно. Правда, войска у него никакого нет, а есть лишь небольшой отряд, который заперся в горах Чечни. Этот самый отряд он и именует Терской областной группой красных повстанческих войск. Но дело не в этом. Нам стало известно, что Гикало направил в Кабарду группу своих людей, кабардинцев. Для чего направил, мы знаем. Но нам неизвестно куда, в какое селение они придут, или уже прибыли и к кому именно. Здесь мы надеемся на твою помощь. Я хочу предложить тебе выгодную сделку. Ты сообщаем нам, где эти лица скрываются, а мы даруем тебе жизнь и свободу и освобождаем из тюрьмы всех политических заключенных. Что ты на это скажешь?

Иванов слушал Покровского, опустив голову. Известие о том, что в Чечне находятся красные войска, взволновало Темиркана, но он ничем не выдал своего волнения. Тысячи мыслей витали в его голове. Необходимо было срочно принять решение, которое позволило бы выиграть время, а затем все обдумать.

Подполковник Покровский смотрел на Иванова выжидающе.

— Так что же ты ответишь?

Темиркан поднял голову и усмехнулся:

— Я не знаю такого человека, который сидел бы в камере за толстыми стенами и мог видеть, что делается за десятки верст от тюрьмы.

— А тебе не придется сидеть в камере, — сказал Покровский. — Мы тебя освободим. А еще лучше — устроим побег. Никто тебя ни в чем не станет подозревать. Ну как, подходит?

— Надо подумать. Значит, как я понимаю,

меня отпускают, а потом я нахожу тех гикаловских кабардинцев, говорю вам, где они, и вы освобождаете всех заключенных. Так?

— Совершенно верно. Ты прекрасно понял мою мысль. Ну что, согласен?

— Валлаги, это очень трудное дело.

— Да, нелегкое. Но я уверен, что ты с ним вполне справишься.

— Не знаю. В Кабарде селений много. Попробуй, обойди их все. Немало времени потребуется. Ну, а если я не смогу найти этих кабардинцев? Ведь так тоже может быть.

— Надо будет найти. А для удобства передвижения дадим тебе хорошего коня, а впридачу и денег. Да и ездить тебе много не придется. Установишь связь с нужными людьми, и они помогут найти посланцев Гикало.

— А если я и захочу найти, но не удастся мне это сделать?

— Тогда будет плохо, Иванов. Плохо будет всем политическим заключенным, плохо будет и тебе. Слушай, что будет тогда. — Покровский прошелся по кабинету и остановился перед Ивановым, заложив руки за спину. — Если ты не выполнишь наше задание, мы всех политических заключенных расстреляем. Оповедем селения Кабарды и Балкарии, что ты помог нам расправиться с большевиками (мы и фамилии их назовем), и что за это мы предоставили тебе свободу, да еще дали большие деньги. Вот ты и представь себе, что скажут твои сородичи, как встретят тебя после этого в селениях. Как ты думаешь? Или ты обо всем этом еще не успел подумать? Так вот, — продолжал начальник контрразведки, — возвращайся, Иванов, в камеру и подумай. А завтра,

после полудня, ты мне дашь ответ. Учти, что жизнь десятков людей в твоих руках. Подумай, Иванов, хорошо подумай, чтобы завтрашний день не стал последним днем для всех политических заключенных.

Вернувшись в камеру, Иванов рассказал Батчаеву и Озерцу о предложении начальника белогвардейской контрразведки.

— Об этом предложении я не думаю,— сказал Иванов,— но важно вот что. Партизанские отряды собрались в горах Чечни, и из них большевик Гикало создал войско. Понимаете, целое войско! Я уверен, что партизаны скоро двинут в Кабарду. Ведь не зря же Гикало направил в наши селения группу кабардинцев, о которых говорил Покровский. А что они должны делать в Кабарде, ясно: народ будут поднимать.

— Вот этого и боятся белогвардейцы,— сказал Батчаев. — Все это хорошо, но до прихода наших нам надо выжить. А начальник контрразведки не очень щедр. Он оставил нам лишь один день. Один день — очень уж мало.

— Покровский слов на ветер не бросает,— сказал Озерец. — Пройдет день, и все мы можем оказаться на том свете.

— Ты хочешь что-нибудь предложить? — спросил Озерца Иванов.

— По-моему, у нас только один выход.

— А как ты считаешь, Конак?

— По-моему — тоже.

— Значит — бежать?

— Бежать,— ответили Конак и Озерец.

— Да, другого выхода нет,— сказал Иванов. — Надо бежать. Я думаю, что лучше это

сделать утром. Мало ли что может прийти в голову Покровскому. Он возьмет да и вызовет меня не после полудня, как говорил, а раньше. И все может рухнуть.

— Верно,— сказал Озерец,— надо бежать утром, когда надзиратель принесет нам хлеб и кипяток. В это время дверь камеры будет открыта.

Темиркан Иванов, Конак Батчаев и Митрофан Озерец долго обсуждали план побега, который должен был решить судьбу заключенных.

Наступило тревожное утро. О предстоящем побеге знали уже все заключенные камеры. Все они решили участвовать в побеге. Каждый из них понимал, что не всем удастся вырваться из тюрьмы, что некоторых настигнут пули тюремщиков, но все же решались на побег, ибо понимали, что это был единственный путь к свободе.

Два арестанта в сопровождении надзирателя внесли в камеру два мешка хлеба, а после его раздачи принесли в ведрах кипяток. Когда надзиратель намеревался уйти, Хакаяша Жириков и Альхо Машуков внезапно схватили его, бросили на нары, отобрали связку ключей и мигом связали. Ключи Жириков тут же передал Иванову.

Первым в узкий полутемный коридор вышел Темиркан Иванов. Там никого не было. По знаку Иванова из камеры вышло еще несколько заключенных. Бесшумно направились к выходу. Темиркан знал, что там, за закрытой дверью, обитой железом,— караульный пост, а направо от него — узкий коридор ведет к выходу во двор. Снаружи, у входа в

здание тюрьмы,— тоже караульный пост. Чтобы выйти в тюремный двор, заключенным надо было пройти через оба эти поста.

Иванов действовал смело и решительно. Отопнув дверь, он быстро распахнул ее настежь и бросился на караульного, стоявшего в двух шагах. Застигнутый врасплох тюремщик не успел не только оказать какое-либо сопротивление, но даже вскрикнуть. Его быстро связали и оттащили в камеру. Револьвер караульного оказался в руках Темиркана Иванова.

Заключенные прошли к двери, которая вела в тюремный двор. Справа по коридору находилось караульное помещение, где отдыхали свободные от дежурства тюремщики. Митрофан Озерец и Мусос Жабелов здесь остановились. Тремя толстыми длинными брусками, сорванными с нар, они быстро и бесшумно подперли дверь караульного помещения, лишив тюремщиков возможности выйти в коридор. По плану побега Озерец и Жабелов, установив подпорки, должны были, не мешкая, примкнуть к остальным заключенным. Но Митрофан и Мусос, не сговариваясь, решили задержаться у караульного помещения, чтобы убедиться в прочности подпорок, если тюремщики попытаются открыть дверь. Заключенные под предводительством Иванова уже находились у входа во двор. Дверь была заперта. Иванов вставил в замочную скважину ключ и сделал два решительных поворота. Медленно приоткрыл дверь и застыл. Караульный, увидя приоткрытую дверь и, считая, что за нею находится надзиратель, недовольно спросил:

— Чего там возишься? — ответа не последовало.

— Оглох, что ли? — караульный, одной рукой придерживая винтовку, другой раскрыл дверь и заглянул в коридор, чтобы выяснить, почему надзиратель так долго возится. Темиркан Иванов словно клещами схватил тюремщика за горло и рывком втащил его грузное тело в коридор. Караульный не успел опомниться, как оказался связанным по рукам и ногам, с кляпом во рту. Его винтовка была уже в руках Иванова. Револьвер Темиркан сунул Батчаеву. Теперь заключенным предстояло преодолеть расстояние от здания тюрьмы до ворот. Всего сорок шагов. Сорок шагов на виду караульного у тюремных ворот и часового, стоявшего на сторожевой вышке.

Иванов распахнул дверь и стремительно бросился к воротам, увлекая за собой остальных заключенных. Успех побега решали считанные секунды. Часовой у ворот, увидев бегущих, поднял винтовку и выстрелил. Кто-то из арестантов упал. Второго выстрела часовой сделать не успел. Вихрем налетел на него Темиркан Иванов, ударом приклада сбил с ног.

В это время снова раздался выстрел, за ним второй. Это часовой на сторожевой вышке, расположенной недалеко от ворот, открыл по заключенным стрельбу. Нельзя было медлить ни секунды. Иванов вскинул винтовку и выстрелил. Часовой на вышке всплеснул руками и повис на деревянных перилах.

Тюремщики, находившиеся в караульном помещении, услышав выстрелы, кинулись к двери, но открыть ее не могли. Тогда они пу-

стили в ход приклады. Гулкие удары в деревянную дверь разнеслись по всему зданию тюрьмы.

Увидев, с каким остервенением караульные обрушились на дверь, Озерец и Жабелов решили, что установленные ими подпорки не выдержат, тюремщики вот-вот окажутся в коридоре, и тогда случится непоправимое — побег будет сорван. Этого нельзя было допустить. Митрофан и Мусос всем телом навалились на дрожавшую дверь, в которую тюремщики продолжали бить прикладами. За дверью раздались выстрелы. Жабелов схватился за бедро.

— Ранен? — тихо спросил Озерец.

— Ничего,— наваливаясь на дверь, сквозь зубы произнес Мусос.

— Беги, Мусос, беги, еще успеешь. Я постараюсь удержать их,— тяжело дыша, сказал Озерец.

— Нет, один не удержишь. Будем стоять до конца.

Тюремщики в караульном помещении схватили длинную деревянную скамью, стоявшую у стены, раскатали и с силой ударили в дверь. Она с грохотом сорвалась с петель, опрокинула и отбросила Озерца. Митрофан ударился головой о противоположную стену и потерял сознание. Караульные выскочили в коридор. К выходу, сильно прихрамывая, бежал человек. Это был Мусос Жабелов.

— Стой! Стой! — крикнул вырвавшийся вперед тюремщик. Он на секунду остановился и, почти не целясь, выстрелил. Жабелов всплеснул руками и упал на цементный пол.

Спеша к выходу во двор, караульные даже

не взглянули туда, где у стены, в полумраке коридора, без сознания лежал Митрофан Озерец.

Во дворе тюрьмы заключенные пытались открыть ворота. Темиркан Иванов прикладом бил по огромному замку, но он не поддавался. Конаку Батчаеву удалось открыть калитку. Он первым выбежал на улицу.

— Стой! — крикнул часовой наружного поста. — Назад! — и вскинул винтовку. Но, увидев в руке бегущего Батчаева револьвер, отпрянул в сторону и выстрелил вверх. Беглецы не остановились. По немощеной Тюремной улице, чуть присыпанной снегом, они бежали в сторону реки. Казалось, что многим арестантам удастся вырваться на свободу. Но случилось непредвиденное.

В ту минуту, когда заключенные бросились через двор к воротам, мимо тюрьмы проезжала группа всадников. Это был балкарский князь Кекез Мисаков — шурин Даутокова-Серебрякова и его дружки. Они спешили на свадьбу в селение Баксан. Со стороны тюрьмы раздался выстрел.

— Еще одного партизана хлопнули, — проговорил Мисаков.

— Клянусь аллахом, Кекез, я не понимаю, зачем большевиков держат в тюрьме, — сказал один из дружков Мисакова. — Я бы давно отправил их туда, откуда никто не возвращается.

Мисаков хотел что-то ответить, но в это время раздался второй выстрел, за ним третий.

— В тюрьме, наверное, слышали твои сло-

ва,— усмехнулся Кекез,— но к помощи твоей решили не прибегать.

Всадники уже сворачивали с Тюремной улицы на Бульварную, когда один из них вдруг крикнул:

— Кекез, смотри!

Мисаков остановил коня и повернулся. От тюремных ворот в сторону реки бежали люди. Князь понял, что это заключенные. Не раздумывая, пустил коня вскачь и мигом оказался у тюремных ворот. Выхватил наган и выстрелил. У самой калитки один из арестантов упал с простреленной головой. За ним следом на улицу выбежал другой заключенный. Пуля Мисакова настигла и его.

Выстрелы на улице вызвали среди заключенных замешательство. Находившиеся у тюремной калитки отхлынули от нее, боясь попасть под пули. В этот критический момент вперед, с винтовкой в руках, бросился Темиркан Иванов. Увидев Мисакова с наганом, он поднял винтовку, но князь опередил его. Пуля ударила Иванова в грудь. Темиркан остановился, винтовка скользнула из рук, но он ее удержал. Вторая пуля попала в шею. Темиркан почувствовал соленый привкус крови во рту и, с трудом преодолевая вдруг охватившую слабость, поднял винтовку, но выстрела сделать не успел. Мисаков, разъяренный, что не смог уложить заключенного двумя пулями, приподнялся на стременах и выстрелил в упор. Темиркан пошатнулся. Несколько мгновений он еще стоял, сжимая в руках винтовку. Из уголка плотно сжатых губ стекала тонкая струйка крови. Потом рухнул на мокрую землю лицом вперед.

Неожиданная помощь Мисакова обрадовала часового наружного поста. Воспользовавшись этой помощью и замешательством заключенных, он вбежал в калитку и вскинул штык. В это время караульные выскочили из здания тюрьмы во двор и с винтовками наперевес кинулись к воротам.

— Марш в камеру! — крикнул старший караула. — Марш! Или всех перестреляем! — И дал предупредительный выстрел вверх.

Угрожая расправой, пустив в ход приклады, караульные оттеснили арестантов от ворот и загнали в камеру. В коридоре заключенные подобрали Озерца, внесли в камеру и положили на нары.

Князь Мисаков не стал преследовать беглецов. Когда один из дружков предложил догнать их и вернуть в тюрьму, Кекез отказался.

— Не хочу менять веселье свадьбы на ловлю беглых бандитов, — сказал он. — Большевиков пусть ловят стражники Лунева. Им, дармоедам, за это жалованье дают. К тому ж, в Баксане нас наверняка заждались.

Группа беглецов, спустившись к реке, бежала по ее левому берегу. «Быстрее, быстрее», — торопил их Батчаев. Он был уверен, что деникинцы организуют погоню. Надо было как можно быстрее и подальше уйти от города. По разбухшей, мокрой земле бежать было трудно. Люди скользили, падали, поднимались и снова, тяжело дыша, бежали.

Конный отряд нальчикской государственной стражи, поднятый по тревоге, был брошен в погоню за беглецами. Стражники прочесали Атажукинский сад, спустились к реке, проехали до селения Хасанья, но обнаружить

беглецов им не удалось. Начальник стражи поручик Лунев не мог знать, что они ушли в сторону Белой Речки и там скрылись.

Митрофан Озерец, придя в себя, узнал, что группе заключенных, вместе с Конаком Батчаевым, удалось бежать. Тяжело переживал Митрофан гибель своих товарищей — Темиркана Иванова и Мусоса Жабелова.

...«Правителю» Кабарды и Балкарии князю Бековичу-Черкасскому о побеге из окружной тюрьмы группы арестантов доложил адъютант. Это сообщение привело «правителя» в ярость.

— Идиот! — бросил он сквозь зубы. Адъютант, стоявший перед ним, вытянулся. — Это не к вам относится, поручик, — сказал Бекович-Черкасский. — Вызовите срочно Мальчевского.

Начальник тюрьмы Мальчевский вошел в кабинет «правителя», щелкнул каблуками и, взяв под козырек, хотел доложить о своем прибытии, но Бекович-Черкасский не дал ему произнести и слова.

— Где вы были сегодня утром, когда из вверенной вам тюрьмы группа большевиков совершила побег? — Голос у «правителя» был резкий и требовательный.

— Немного занемог, ваше превосходительство. По этой причине вынужден был задержаться дома, — ответил Мальчевский. У него было одутловатое лицо со следами бессонно проведенной ночи.

— Немного занемог... — с презрением повторил «правитель». — Не врите, Мальчевский. Я не физиономист, но на вашем лице можно легко прочесть, что ваша болезнь — это

пьянство. Вы пьянствовали всю ночь, забыв, что утром вам надлежит быть на службе.— В Бековиче-Черкасском закипало бешенство.

— Виноват, ваше превосходительство. Я...

— Вы — идиот, Мальчевский, и пьяница. Вам не начальником тюрьмы, вам извозчиком надо было бы быть. За побег арестантов вы будете нести полную ответственность по законам военного времени. А сейчас отправляйтесь и вместе с подполковником Покровским расследуйте и выясните все обстоятельства побега.

В тот же день в тюрьму прибыл начальник контрразведки Покровский с двумя помощниками. Вместе с Мальчевским они в первую очередь допросили конвоиров. Два дня шел допрос заключенных. Вызывали каждого отдельно. Пытались выяснить фамилии организаторов побега. Но арестанты, словно сговорившись, отвечали одно и то же: никто не организовывал, все побежали сами.

— Их вешать надо, а не допрашивать,— сказал Мальчевский начальнику контрразведки. — Какая разница, кто организовал побег? Ну выяснили кто, вывели к реке и шлепнули. И все? А остальные? Им тоже не избежать прогулки к реке или виселицы. Так стоит ли нам тратить свои силы и время на эти бессмысленные допросы?

Члены военно-полевого суда не тратили свои силы и время на допросы. Они не утруждали себя лишними хлопотами и почти каждый день подписывали арестантам смертные приговоры, не удосужившись даже взглянуть на тех, кого так легко посылали на казнь.

Секретарь суда передавал подписанные при-

говоры писарю. Тот аккуратно подшивал их в папки. Когда «дело» разбухало, писарь пронумеровывал листы, указывая на титуле дату начала и окончания «дела» и количество листов, подшитых в нем. Затем на обороте последнего документа он ставил заверительную надпись. Приговоры все поступали и поступали, и писарю приходилось заводить новые «дела».

Так они и росли — «дела» военно-полевого суда в ядовито-желтых обложках, неизвестно для каких целей хранившиеся под замком в дубовом шкафу.

Вот какие строчки можно было бы прочитать, листая некоторые из этих «дел». «...Подсудимого Хушхаканова Дзу, жителя селения Бабуково, по лишении всех прав состояния подвергнуть смертной казни через повешение». «...Подсудимого Таова Дзадзу, жителя селения Кошерово*, по лишении всех прав состояния подвергнуть смертной казни — расстрелу». «...Подсудимого Безирова Хангери, жителя селения Аргудан, по лишении всех прав состояния подвергнуть смертной казни через повешение». «...Подсудимого Даурова Махмуда, жителя селения Бабуково, по лишении всех прав состояния подвергнуть смертной казни — расстрелу». «...Подсудимого Текужева Хатакшуко, жителя селения Аргудан, по лишении всех прав состояния подвергнуть смертной казни — расстрелу». «...Подсудимого Жирикова Хакяша, жителя селения Бабуково, по лишении всех прав состояния подвергнуть смертной казни через повешение». «...Подсу-

* Ныне селение Кенже.

димого Чегембаева Мукаша, жителя селения Чегем, по лишении всех прав состояния подвергнуть смертной казни через повешение». «...Подсудимого Машукова Альхо, жителя селения Бабуково, по лишении всех прав состояния подвергнуть смертной казни через повешение...».

Перед бегством деникинцев из Нальчика многие дела военно-полевого суда по приказу его председателя были в спешном порядке уничтожены. Их охапками выносили во двор суда, обливали керосином и сжигали. Деникинские власти пытались уничтожить следы своих кровавых преступлений. Однако некоторые документы о преступлениях белогвардейцев все же сохранились. Но сильнее всяких документов о зверских расправах деникинцев с людьми, преданными Советской власти, говорили останки жертв белогвардейских палачей, обнаруженные в Нальчике после его освобождения.

* * *

...В белогвардейскую контрразведку под усиленным конвоем привели Митрофана Озерца.

— Мне известно, Озерец, что твой отряд в восемнадцатом году действовал в районе Пятигорска и Минеральных Вод. Так это? — спросил начальник контрразведки Покровский.

— Ну и что?

— Ты не нукай. Я спрашиваю: так это?

— Так, били мы там белоказаков.

— Они в долгу не остались, иначе бы ты не

попал в камеру смертников,— с презрительной усмешкой сказал Покровский. — Слушай внимательно,— продолжал он. — Тебя отвезут в пятигорскую контрразведку, там ты сможешь опознать схваченных большевиков. С этими большевиками ты встречался в восемнадцатом году...

— Дурачка ищешь, господин подполковник? — перебил его Озерец.

Покровский шумно встал, вышел из-за стола, пружинистой походкой вплотную подошел к Митрофану.

— Учти, Озерец, независимо от того, опознаешь ты этих большевиков или нет,— все равно они будут расстреляны или повешены. И ты своим молчанием им не поможешь. Но тебе предоставляется возможность, единственная и последняя возможность, получить свободу. Назовешь фамилии большевиков, которых тебе покажут,— и шагай на все четыре стороны. А не назовешь — возиться с тобой не станем. Понял?

На следующий день утром Митрофан Озерец был отправлен в Пятигорск. Белогвардейский конвой привез его на станцию Прохладная. Там перевели в поезд, идущий в Минеральные Воды. В Минеральных Водах снова была пересадка.

...В тот день, когда Страна Советов будет праздновать 50-ю годовщину Великой Октябрьской революции, Митрофану Озерцу за активное участие в гражданской войне вручат орден Красной Звезды. Это будет через много лет. А сейчас, холодным февральским днем 1920 года, в грязном, прокуренном вагоне с замерзшими окнами, три деникинца везли

Митрофана Озерца в пятигорскую контрразведку. Они надеялись, что Озерец поможет им опознать большевиков, которые оказались в их руках.

Поезд остановился у перрона пятигорского вокзала. Пассажиры шумно хлынули из вагонов. Конвоиры, боясь, что арестант воспользуется сутолокой и совершит побег, вывели Озерца из тамбура в противоположную от перрона дверь. Теперь от потока пассажиров и здания вокзала их отделял поезд. Конвоиры не стали его обходить. Они знали, что поезд стоит здесь всего несколько минут и вот-вот должен двинуться и уйти в сторону Кисловодска. Поэтому решили переждать эти несколько минут здесь, чтобы потом перейти железнодорожный путь, благополучно покинуть вокзал и доставить опасного заключенного по назначению.

Митрофан Озерец, сойдя с подножки вагона, расправив плечи и не обращая внимания на конвой, огляделся вокруг.

С горы, прямо к самому вокзалу, сбегали, утопая в снегу, голые деревья. Слева, недалеко, высилась Михайловская церковь с белой шапкой снега на куполе. Озерец вспомнил, как в 1918 году он с группой бойцов проводил в этой церкви обыск.

...Местный житель сообщил, что в церкви спрятано оружие. Во время обыска в ней были обнаружены пулемет, семь винтовок и шесть ящиков с патронами.

— Для чего это тебе, батюшка, пулемет? — спросил попа Озерец.

— Диву даюсь, сын мой, откуда здесь это

сатанинское оружие,— удивленно ответил тот, разводя руками. Что-то фальшивое было в облике и поведении попа. Это не ускользнуло от Озерца. Митрофан отвел в сторону одного из понятых и тихо спросил:

— Давно служит здесь этот поп?

— Да нет, месяца два.

— Так, — многозначительно проговорил Озерец и подошел к священнику.

— Ты, батюшка, случайно не вооружен? — Лицо попа сделалось серым.

— Шутки в божьем храме неуместны, сын мой,— ответил он. Заметив на губах Озерца усмешку, насупил кустистые брови.

— Я буду жаловаться вашему начальству. Никакой власти не дано права хулить служителя церкви.

Попа все же обыскали. Под длинной рясой у него нашли наган и документы белогвардейского офицера...

Оторвавшись от воспоминаний, Митрофан перевел взгляд на Машук. Склоны горы были покрыты снегом, вершина терялась в легкой дымке зимнего тумана. В голове поезда тяжело задышал паровоз, со свистом выбрасывая в морозный воздух клубы пара. Дважды ударил станционный колокол. Пронзительный гудок паровоза вспугнул галок за церковной оградой, и они шумно взметнулись в небо. Поезд вздрогнул, лязгнул буферами вагонов. Решение пришло внезапно. Митрофан оттолкнул стоявшего впереди конвоира и, не раздумывая, юркнул под поезд, перескочил через рельсы и вынырнул на перрон. Это произошло так внезапно, что ошеломленные конвоиры в первые мгновения не могли опомниться, но

потом, спохватившись, закричали: Стой! Стой!». Вскинули винтовки, выстрелили в серое небо. Но броситься вслед за беглецом не рискнули. Поезд набирал скорость. Когда последний вагон, стуча по рельсам, промчался мимо, конвоиры кинулись к зданию вокзала. Там Озерца не оказалось. Тогда они выскочили на при вокзальную площадь, пробежали мимо стоявших здесь лавчонок, но Озерца нигде не было.

А Митрофан тем временем, петляя по знакомым улицам, вышел к реке Подкумок. В прибрежных кустах он отдышался и отдохнул. С наступлением темноты, продрогший и голодный, стараясь быть незамеченным, переулками пробрался к небольшому домику знакомого железнодорожника. Несколько дней скрывался здесь. За две недели до изгнания деникинцев из Нальчика Митрофан Озерец покинул дом старого рабочего и ушел в сторону родной Кабарды.

...В весенний день 24 марта 1920 года Нальчик был освобожден. Вскоре Бетал Калмыков, председатель Революционного комитета Нальчикского округа, вызвал Озерца к себе:

— В суровое время мы живем, товарищ Озерец. Думали: возьмем власть в свои руки и начнется спокойная жизнь,— начал Калмыков.— Но покоя у нас нет, а врагов, как ты знаешь, еще много. Одни — это недобитые бандиты. Они шныряют по горам и лесам, убивают наших людей, уводят скот, грабят народное добро. Другие — ходят рядом с нами. Это всякие спекулянты, воры, хулиганы. Со всеми этими врагами мы ведем и будем вести беспощадную борьбу. Времени у нас с тобой на длинные разговоры нет. Я тебя вот

по какому вопросу вызвал,— продолжал Калмыков. — Хотим назначить тебя комиссаром тюрьмы в Нальчике. Она тебе знакома. Будет хорошо, если завтра же ты пойдешь и пригласишь ее. Ну, что скажешь?

Озерец удивленно поднял брови, улыбнулся:
— Из арестантов прямо в комиссары?

— А почему бы и нет? Арестантом ты уже был, а комиссаром еще не был. Лучше комиссаром, чем арестантом.

Озерец поднялся, поправил шинель.

— Я согласен, товарищ Калмыков.

И Митрофан Озерец, совсем недавний смертник деникинских застенков, стал комиссаром тюрьмы, в которой оказались враги Советской власти.

* * *

В нальчикском городском парке, на берегу реки, там, где начинается сосновая роща — излюбленное место отдыха нальчан, стоит памятник борцам за Советскую власть, замученным и казненным белогвардейцами в годы гражданской войны. Он воздвигнут на том самом месте, где под пулями деникинцев и серебряковцев падали несломленные солдаты революции.

В первые же дни после восстановления Советской власти Ревком Нальчикского округа решил выяснить, где погребены жертвы белогвардейского террора, для того, чтобы с революционными почестями захоронить их останки в братской могиле.

10 апреля 1920 года останки жертв деникинщины были перенесены в Атажукинский сад. Слева от входа в сад, на зеленой поляне, была вырыта огромная могила, рядом сложены десятки гробов. Проводить в последний путь верных сынов Кабарды и Балкарии пришли все жители Нальчика, прибыли многочисленные делегации кабардинских и балкарских селений и казачьих станиц.

На митинге выступило несколько ораторов. Все они говорили о том, что кабардино-балкарский карахалк никогда не забудет имен своих лучших сынов, павших в борьбе за Советскую власть, призывали участников митинга, всех трудящихся Нальчикского округа принять активное участие в ликвидации последствий гражданской войны, в осуществлении мероприятий Советской власти.

В тот траурный день в Нальчик в адрес Ревкома от соседних братских народов поступили телеграммы с выражением соболезнования по поводу гибели борцов революции.

* * *

На левом берегу реки Нальчик, там, где каждая пядь земли была пропитана кровью героев гражданской войны, стоит памятник. В дни хозяйничанья деникинцев это было страшное место, жители Нальчика обходили его стороной. Сегодня это место священо. Сюда нальчане и гости столицы Кабардино-Балкарии приносят живые цветы, минутой молчания чтят память тех, кто смертью своей утверждал на земле жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поединок	3
Темирбаш	63
Побег из окружной тюрьмы	120

Шабаев Д. В.

Ш 12 Побег.— 2-е изд., доп.— Нальчик :
Эльбрус, 1988.—224 с.

В пер.: 50 к. 2000 экз.

Книга эта о мужестве и героизме советских людей, в жестокой борьбе с белогвардейщиной утвердивших в Кабардино-Балкарии Советскую власть. Написана она на основе архивных материалов и воспоминаний участников гражданской войны.

Ш 0503020400-048
М 125(03)-88 -88

ББК 63.3(9Р — 6К-Б)
9(С 164)

Давид Викторович Шабаев

ПОБЕГ

Художник *Г. Т. Мельник*. Художественный редактор *В. Л. Захохов*. Технический редактор *В. Т. Царикаева*. Корректор *Г. Г. Тырнавская*. ИБ № 2203. Массово-политическое издание. Сдано в набор 26.02.88. Подписано к печати 26.05.88. Ч00235. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,19+вкл. 0,29. Усл. кр.-отт. 8,23. Уч.-изд. л. 8,23+вкл. 0,14. Тираж 2000 экз. Заказ № 1541. Цена 50 к. Издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. им. Адмирала Головки, 6. Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года Госкомиздата КБАССР. Нальчик, проспект им. Ленина 33.

